

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2

1 9 7 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАРТ — АПРЕЛЬ

2

1971

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Ю. С. Ширяев.</i> Проблемы экономической интеграции стран СЭВ	3
<i>И. С. Язборовская.</i> «Справа Роботничка» и формирование идейно-политических позиций Розы Люксембург	12
<i>В. А. Кучкин.</i> «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения 60—70-х годов XI века	21
<i>С. А. Борковский, А. И. Мальдис.</i> Поэтическое наследие Артемия Верига-Даревского	35
<i>В. К. Житник.</i> Мелодика в поэзии Антонина Совы	46
<i>Т. В. Попова.</i> О предмете морфонологии, иерархии анализа и единицах описания морфонологической структуры языка	53

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

К 100-летию Парижской Коммуны

<i>Л. Обушенкова.</i> Польская литература об участии поляков в Парижской Коммуне	65
<i>К. П. Гогина.</i> Парижская Коммуна и чешское рабочее движение	68
<i>В. Г. Карасев.</i> Отклики на Парижскую Коммуну в южнославянской революционной печати	71

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Г. Островский.</i> Польские экслибрисы В. А. Фаворского	77
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Валериан Быстрицкий (ЧССР).</i> Словацкая историография 1960—1970 гг. о проблемах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы	80
--	----

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Б. Флоря.</i> Zb. Wójcik. Między traktatem andruszowskim a wojną turecką.	85
<i>В. Ф. Ујединена омладина српска.</i>	88
<i>Альбин Копруковњак</i> (ПНР). Wiesław Śladkowski. Kolonizacja niemiecka w południowo-wschodniej części Królestwa Polskiego w latach 1815—1915	90
<i>Б. С. Попков.</i> Fr. Bronowski. Idea gminowładztwa w polskiej historiografii.	92
<i>И. Б. Перцигер.</i> «Комуниści. Wspomnienia o Komunistycznej partii Polski».	93
<i>А. С. Мильников.</i> J. Dolanský. Neznámý jihoslovanský pramen Rukopisů královédvorského a zelenohorského	94
<i>Е. Львова.</i> Новая книга о болгарском искусстве	95
<i>И. И. Ревзин.</i> Jadwiga Ziętarska. Sztuka przekładu w poglądach literackich Polskiego Oświecenia	97
<i>Н. В. Никончук.</i> J. Maciejewski. Słownik chełmińsko-dobrzyński	99

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1970 г. (продолжение)	103
Содержание иностранных журналов	115

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>И. К.</i> К 150-летию со дня рождения Ф. Энгельса	119
<i>В. Моторный.</i> Конференция, посвященная Яну Амосу Коменскому	119
<i>Д. К.</i> Научная конференция литературоведов в Словакии	120
<i>Г. В.</i> Защита докторской диссертации по истории болгарского языка	122
<i>Б. М. Руколь.</i> Кандидатская диссертация	123
Тематика VII Международного съезда славистов	125
<i>В. Д. Королюк.</i> Тадеуш Мантейфель	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
 В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
 А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ.
 Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

Ю. С. ШИРЯЕВ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН СЭВ

Характерной чертой 60-х годов был интенсивный поиск путей и методов повышения эффективности сотрудничества социалистических стран, прежде всего стран Совета Экономической Взаимопомощи. Важный вклад в решение этой задачи внес XXIII съезд КПСС, наметивший развернутую программу активизации и качественного совершенствования внешнеэкономических связей нашей страны, стержнем которой является курс на дальнейшее углубление международного социалистического разделения труда, на экономическое сплочение содружества стран социализма.

За годы, прошедшие после XXIII съезда КПСС, экономическое сотрудничество стран СЭВ поднялось на новую, более высокую ступень. Пятилетие 1966—1970 гг. было ознаменовано упрочением плановых начал в этом сотрудничестве, повышением роли взаимного обмена в развитии народного хозяйства братских стран¹, совершенствования всех других форм и методов сотрудничества. Расширились кооперационные связи в ряде отраслей производства, науки и техники. Развивалось сотрудничество в деле совместного кредитования строительства объектов, представляющих общий интерес для ряда стран. Совершенствовалась деятельность отраслевых и функциональных международных организаций (Организация сотрудничества подшипниковой промышленности, «Интерметалл», общий парк грузовых вагонов, Международный банк экономического сотрудничества и другие). В 1969 г. были созданы и развернули свою деятельность такие важные международные центры, как «Интерхим» и Международный центр научной и технической информации. В октябре 1970 г. началась подготовительная работа по созданию международной экономической организации по сотрудничеству в области ядерной аппаратуры «Интератоминструмент». Существенно возросла плодотворность и действенность контактов в сфере науки и техники.

Однако, несмотря на очевидную значимость всех этих достижений, основной итог экономического сотрудничества в истекшем десятилетии не определяется простой суммой результатов в тех или иных областях внешнеэкономической деятельности. Важнейшей вехой в развитии хозяйственных взаимосвязей стран СЭВ явилась XXIII (специальная) сессия Совета (апрель 1969 г.), наметившая переход к качественно новой их фазе — экономической интеграции социалистических стран, поставленной в порядок дня всем ходом развития экономики и политики стран, объединяемых Советом Экономической Взаимопомощи, их взаимного сотрудничества².

¹ На долю стран СЭВ приходится сейчас около 85% общего объема торговли всех социалистических стран. Через внешнюю торговлю обменивается примерно 1/7 их совокупного национального дохода.

² Следует иметь в виду, что возникновение существенных элементов интеграционных процессов в содружестве стран СЭВ намечилось значительно раньше — практиче-

Апрельская сессия приняла решение о разработке комплексной, рассчитанной на длительную перспективу программы социалистической экономической интеграции и определила ее основное содержание. Сейчас коллективными усилиями братских стран работа по реализации решений XXIII сессии СЭВ уже завершается. Деловой, конкретный подход к коренным проблемам сотрудничества нашел выражение в решениях XXIV сессии и других органов СЭВ. Эти решения направлены, с одной стороны, на значительную интенсификацию производственного сотрудничества между братскими странами в условиях научно-технической революции, с другой стороны, на выработку новых путей и форм управления процессом сближения национальных хозяйств с учетом возросшей степени зрелости экономики братских стран.

Намеченный странами СЭВ курс на дальнейшее сближение народных хозяйств братских стран, составляющих в совокупности крупнейший индустриальный комплекс современного мира³, является одной из крупнейших вех на пути практической реализации марксистско-ленинского учения об интернационализации хозяйственной жизни социалистических наций. В то же время братские страны, естественно, не ставят и не могут ставить перед собой такие задачи в этой области, условия для решения которых еще не созрели.

Хорошо известно, что В. И. Ленин квалифицировал, как неверные, упрощенческие представления, будто «...демократическое государство победившего социализма будет существовать без границ..., что границы будут определяться „только“ по потребностям производства»⁴. Эти высказывания В. И. Ленина, предвидевшего развитие и укрепление социалистической государственности, указывают на необходимость правильного и последовательного сочетания национальных и интернациональных интересов, дают важную путеводную нить для решения сложнейших практических проблем современности.

Поэтому глубокий интернациональный смысл социалистической экономической интеграции на ее нынешнем этапе заключается, конечно, не в каком-либо ослаблении государственности, а в качественно иной, по сравнению с предшествующими десятилетиями, степени объединения усилий социалистических государств в решающих сферах современной экономики. Это позволит им сообща и с минимальными затратами решать те проблемы, которые ни одна социалистическая нация не в состоянии решить с должной эффективностью в одиночку.

Социалистическая интеграция, существо которой заключается во все более тесном и целеустремленном смыкании экономик, взаимопроникновении и объединении производственных структур братских стран на основе методов планового социалистического хозяйствования, синтезирует в себе весь положительный опыт, накопленный на протяжении предшествующих десятилетий экономического сотрудничества. В то же время она не сводится к простому количественному росту всех выработанных в прошлом форм хозяйственных взаимосвязей.

ски уже в первое десятилетие функционирования этой организации. К ним можно отнести согласование направлений внешнеэкономической политики отдельных стран в тех или иных формах; совместное обсуждение вопросов рационализации производственных связей и выработку соответствующих рекомендаций; преимущественное развитие взаимной торговли; унификацию норм внешнеэкономических связей; формирование определенного институционального механизма — организации СЭВ и ряда других международных органов.

³ Страны СЭВ производят в настоящее время около 32% мировой промышленной продукции.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 21.

В развитии народного хозяйства и взаимного сотрудничества социалистических стран отчетливо выявились новые сложные проблемы экономического роста, которые уже не могли решаться удовлетворительно старыми, сложившимися методами. Примером может служить здесь топливно-сырьевая проблема, хотя, на первый взгляд, она и не отличается особой новизной. Дело в том, что эта проблема приобрела сейчас по существу качественно иной характер. За 1960—1970 гг. взаимный обмен стран СЭВ сырьем и топливом многократно возрос. В условиях крайне неравномерного распределения ресурсов топлива и сырья по территории стран СЭВ⁵ появление новых или заметное развитие отдельных отраслей обрабатывающей промышленности (которые во многих случаях, как это ни парадоксально, создавались именно в расчете на повышение самообеспеченности народного хозяйства) привели к усилению зависимости народного хозяйства большинства социалистических стран от все более крупных поставок сырья и энергоносителей, существенно обременяющих не только их собственные платежные балансы, но и балансы капитальных вложений стран — экспортеров сырья и топлива.

В то же время относительное «замыкание» (вследствие усложнения отраслевой структуры) народнохозяйственных комплексов в ряде стран имело побочным результатом усиление производственного, в особенности ассортимента параллелизма, обусловило параллельное функционирование в странах СЭВ многочисленных предприятий, выпускающих небольшими и неэффективными сериями однотипную продукцию. Результатом недостаточно согласованной реализации программ капитальных вложений был также недостаточный технический уровень весьма широкого ассортимента продукции, поскольку распыление средств по многочисленным отраслям и объектам обуславливало, в свою очередь, экстенсивное развитие научно-технической базы, а не интенсификацию научно-исследовательских и проектно-конструкторских работ в избранных областях международной специализации.

Поэтому насущные потребности развития материального производства и его интенсификации требовали существенной перестройки сложившейся в основных чертах к концу 50 — началу 60-х годов системы экономических взаимосвязей, превращения ее в инструмент согласованного и взаимоувязанного развития национальных хозяйств стран СЭВ, как условия использования преимуществ крупного социалистического производства.

Жизнь показала, в частности, что топливно-сырьевая проблема сотрудничества стран СЭВ не может быть решена полностью только путем простого расширения взаимной торговли, как изолированная экономическая задача. При таком подходе всегда будет существовать значительный разрыв между обоснованными потребностями стран-импортеров и возможностями стран-экспортеров. Здесь возникают проблемы проведения согласованной долгосрочной структурной политики, направленной на оптимизацию производственных структур сотрудничающих стран (в особенности в обрабатывающей промышленности); совместного использования капитальных вложений, выделяемых странами на развитие топливно-сырьевой базы; проведения согласованных мер, нацеленных на рациональное и наиболее эффективное использование собственных и импортных ресурсов сырья, топлива и энергии, на утилизацию достижений научно-технического прогресса в этой области и т. д.

Из сказанного видно, что в условиях социалистической интеграции становится возможным новый подход к топливно-сырьевой проблеме,

⁵ Например, на долю стран СЭВ (без СССР) приходится по некоторым оценкам лишь 2—3% ресурсов железной руды социалистических стран в целом.

как интернациональной по самой своей сути. Он требует углубления работы по планированию и прогнозированию во всех ее формах, тщательного и последовательного учета всех взаимосвязанных факторов, определяющих эффективность решения проблемы. Этот подход предполагает также использование более действенных экономических инструментов, обеспечивающих непосредственное объединение ресурсов ряда стран в решении общей для них народнохозяйственной задачи.

Исключительно важной производственной проблемой социалистической экономической интеграции является ускорение темпов научно-технического прогресса на основе технического перевооружения ведущих отраслей материального производства, широкого развития перспективных отраслей и производств, коллективного использования научно-технического потенциала стран содружества. Речь идет в первую очередь о развитии таких наиболее перспективных отраслей машиностроения, как электро- и радиотехника, электроника, автоматика, производство контрольно-измерительной аппаратуры, вычислительной и регулировочной техники.

Всемерное развитие и углубление научно-технической интеграции на основе уже сложившихся и оправдавших себя на практике форм и методов научно-технического сотрудничества, а также широкого использования новых, более прогрессивных форм послужит важным рычагом ускорения научно-технического прогресса в странах социализма, эффективным средством укрепления научно-технического потенциала социалистического содружества. Это особенно важно, учитывая, что в развернувшемся всемирно-историческом соревновании между социализмом и капитализмом центр тяжести все больше перемещается в область науки и техники.

Развитие социалистической экономической интеграции заставляет иначе, чем в прошлом, подходить и к вопросу транспортного обеспечения растущего сотрудничества. Нынешний, весьма напряженный грузопоток между странами СЭВ в предстоящем пятилетии возрастет еще примерно в 1,5 раза. В этих условиях прежний уровень работы международной транспортной системы уже не сможет удовлетворять растущим потребностям. Возникает необходимость в совместной разработке и реализации комплексной системы совместных мер, направленных в конечном счете на создание единой международной транспортной системы СЭВ, способной превратиться в действенный и бесперебойно работающий механизм «экономического преодоления пространства».

Не менее сложные проблемы возникают и в области развития сельского хозяйства, увеличения производства товаров народного потребления и т. д. Все это объективно усиливает потребность в переходе от сложившихся, далеко не всегда согласованных между собой форм внешних связей к комплексной системе таких связей, которые основывались бы на непосредственном объединении ресурсов сотрудничающих стран, на различных формах совместной плановой деятельности.

Как и в основе сотрудничества предшествующих лет, в основе интеграции стран СЭВ лежит объективная потребность в интернационализации производительных сил социалистических стран. Но между интернационализацией и интеграцией нельзя ставить знак арифметического равенства. Последняя представляет собой такую форму интернационализации производительных сил, которая весьма существенно ускоряет этот процесс, способствует быстрейшему достижению взаимозависимости хозяйственной жизни, переплетению, «срастанию» национальных экономик в воспроизводственном комплексе, характеризующемся высокой степенью внутреннего единства. При этом структура хозяйства интегрирующихся стран неизбежно претерпевает существенные изменения, приспособляясь друг к другу. Подобный процесс, естественно, не может происходить самопро-

извольно, а требует совместного и целеустремленного регулирования заинтересованными государствами, создания соответствующего экономического механизма и международных институтов. Характеризуемая с этой точки зрения социалистическая интеграция представляет собой, по сути дела, форму оптимизации процесса интернационализации производительных сил стран социализма посредством согласованного использования инструментов и средств государственной экономической политики.

Здесь мы подходим к крупной теоретической и практической проблеме, точнее комплексу проблем формирования экономического механизма социалистической интеграции.

Углубление экономической интеграции выдвигает новые требования как к международным инструментам, так и к национальным системам управления внешнеэкономической деятельностью и внешними связями.

Актуальность этой проблемы подчеркивает углубляющаяся тенденция к дополнению сложившихся форм сотрудничества социалистических стран, как сотрудничества между обособленными народнохозяйственными комплексами, такими его формами, которые предполагают в определенных пределах непосредственную совместную экономическую деятельность в ряде отраслей производства, науки и техники, в сфере обращения.

Поскольку инструменты государственной экономической политики — это в первую очередь плановые инструменты, постольку для интеграции социалистических стран товарно-денежный механизм не может иметь такого значения, как в странах капитала. Социалистическая собственность на средства производства позволяет достичь взаимоприспособления экономических структур отдельных стран более прямым и эффективным путем, на основе сознательной целенаправленной регулирующей деятельности государств и правящих партий стран, встающих на путь интеграции. Государственный план — наиболее действенный рычаг взаимоприспособления народнохозяйственных структур социалистических стран, которое составляет основное содержание интеграционного процесса. Важность совместной плановой деятельности как главного звена в экономическом механизме, с помощью которого должны осуществляться интеграционные мероприятия, указывает на необходимость всемерного ее совершенствования, расширения масштабов и улучшения методов.

Координация народнохозяйственных планов и программ, не только пятилетних, но и рассчитанных на более длительные сроки, является главным инструментом социалистической экономической интеграции. Планомерное развитие народного хозяйства — важнейшее и решающее преимущество социализма. Координация планов обеспечивает создание рационального многостороннего комплекса, в котором каждая страна сможет сосредоточить свои усилия на развитии наиболее эффективных и наиболее соответствующих ее национальным условиям отраслей экономики. Перед странами СЭВ сейчас в полном объеме встает задача координации не только использования уже созданных производственных мощностей, но прежде всего новых народнохозяйственных инвестиций с тем, чтобы избежать дублирования и распыления общих ресурсов.

Наряду с уже ставшей традиционной координацией пятилетних народнохозяйственных планов, совместная плановая деятельность в соответствии с программой интеграции дополняется и другими формами. Это взаимные консультации по основным вопросам экономической политики, сотрудничество в прогнозировании и обмен результатами прогнозов в области экономики, науки и техники, координация долгосрочных отраслевых планов, и, наконец, совместное планирование развития производства в отдельных избранных подотраслях. Использование новых форм совместной плановой деятельности позволит братским странам, с одной стороны, рас-

ширить горизонт времени планового решения важных народнохозяйственных проблем, с другой стороны, более глубоко и тщательно проработать отдельные из них, имеющие особо важное значение для дальнейшего развития международного социалистического разделения труда. Благодаря этому координация пятилетних планов освобождается от многих не свойственных ей функций и приобретает новые черты: важной ее задачей становится увязка соглашений, заключаемых на разные периоды и на различных уровнях, с единым народнохозяйственным планом каждой из стран СЭВ. Эти соглашения представляют собой эффективную форму комплексного использования рычагов и товарно-денежных инструментов, поскольку определяют не только обязательства по натуральным показателям, но и согласованные цены, условия взаимных поставок, формы валютно-финансовых расчетов.

Наряду с совершенствованием плановых рычагов регулирования хозяйственных взаимосвязей укрепление мирового социалистического рынка, развитие валютно-финансовых и кредитных отношений являются весьма важными предпосылками повышения эффективности, гибкости и оперативности системы экономического сотрудничества. Все это предопределяет то внимание, которое уделяется в настоящее время проблемам совершенствования товарноденежных рычагов и стимулов углубления международного разделения труда (экономическим инструментам международного сотрудничества). Общей задачей здесь является более полное овладение механизмом мирового социалистического рынка, как планоформируемой сферы международного обмена.

Так, решение XXIII сессии СЭВ о создании инвестиционного банка стран — членов СЭВ открывает новые возможности для развития сотрудничества в области капитальных вложений, создает предпосылки для расширения практики среднесрочного и долгосрочного кредитования мероприятий, направленных на дальнейшее углубление международного социалистического разделения труда.

В области внешней торговли определяющим направлением совершенствования экономического механизма социалистической интеграции является нахождение форм и методов более тесного взаимодействия национальных рынков, создание условий для дальнейшего расширения товарооборота между сотрудничающими странами, для повышения степени его планомерности, гибкости и оперативности. Одной из важнейших остается здесь проблема формирования системы взаимовыгодных внешнеторговых цен, способных играть стимулирующую роль в развитии международного социалистического разделения труда.

Назревшей научной и практической проблемой социалистической интеграции является разработка методов подготовки и реализации крупных целевых программ международного сотрудничества, направленных на решение общих для ряда стран производственно-технических задач.

Это позволило бы выделять ключевые производственные и научно-технические задачи и решать их на основе использования современных методов планирования и управления экономикой, путем органической увязки «подпрограмм», исследований, конструирования, специализации и кооперирования, финансового и материального обеспечения, расширения товарооборота и т. п. С помощью системного подхода к решению ключевых задач сотрудничества можно было бы заметно повысить его эффективность, заблаговременно подготавливать технологический задел для развития перспективных видов производства, обеспечить тесную связь производственных, научно-технических, валютно-финансовых и торговых форм и направлений внешнеэкономических взаимосвязей социалистических стран. Подобные программы могли бы стать эффективным инструментом

осуществления мероприятий, аналогичных строительству нефтепровода «Дружба» и созданию на его базе современной нефтехимии. Речь может идти, например, о программе развития атомной энергетики, программе обеспечения стран СЭВ целлюлозой, удовлетворения общих потребностей в грузовом автомобиле широкого назначения и т. п.

В то же время проблемы формирования экономического механизма социалистической интеграции, способного обеспечить тесное взаимодействие экономически суверенных национальных хозяйств, далеко не сводится к созданию эффективных международных инструментов (совместная плановая деятельность, товарно-денежные инструменты, система международных экономических соглашений, организаций и объединений и т. п.). Не менее важным условием решения этой проблемы является, на наш взгляд, согласование и взаимная увязка национальных механизмов регулирования внешнеэкономической деятельности.

Инструменты внутренней государственной экономической политики представляют собой в условиях социализма базисные элементы механизма хозяйственного сотрудничества, в том числе и механизма социалистической интеграции. Результатами интеграционных процессов явятся неуклонное расширение поля маневра материальными, финансовыми и трудовыми ресурсами в международном масштабе, превращение внешнеэкономической деятельности в составную часть всей внутривнутрихозяйственной жизни стран социализма. Вполне понятно, что достижение таких результатов не может быть обеспечено на основе усовершенствования одних только интернациональных экономических инструментов, облегчающих перемещение товаров и услуг из страны в страну⁶.

Интеграция и связанное с ней глубокое «вторжение» внешних связей во внутренне воспроизводственные процессы заставляют, прежде всего, по-новому подойти и к проблеме взаимных контактов между странами на различных уровнях планового управления экономикой.

Практика показывает, что национальное планирование на народнохозяйственном уровне, даже если оно будет взаимно смыкаться на стадии координации перспективных планов или разработки согласованных долгосрочных прогнозов, не обеспечит полной реализации всех имеющихся резервов взаимовыгодного сотрудничества. При согласовании их готовых проектов так или иначе будут увязываться уже разработанные в основных чертах национальные концепции экономического развития, сбалансированные народнохозяйственные пропорции.

Вполне очевидно, что органическая и последовательная взаимная увязка национальных планов окажется возможной при том условии, если она будет опираться на совместную плановую деятельность, осуществляемую на различных уровнях хозяйственного руководства. Речь здесь идет по существу об известном сближении форм и методов внутривнутрихозяйственного

⁶ Совершенная валюта международных расчетов, например, или развитая международная кредитная система сами по себе еще не могут преодолеть относительную обособленность национальных хозяйств. В истории мирового хозяйства известны весьма длительные периоды, когда протекционизм весьма легко уживался с неограниченной конвертабельностью валют и относительно свободным движением капиталов. Опыт западноевропейской экономической интеграции также свидетельствует в пользу примата инструментов внутренней экономической политики по отношению к «чисто» международным инструментам, которые играют подчиненную роль в преодолении национальных экономических барьеров. В условиях социализма внутренняя экономическая политика и ее согласование в еще большей мере выступают в качестве базиса интеграции, поскольку здесь с самого начала отрицается целесообразность «наднациональных» решений и институтов.

планирования и совместной плановой деятельности. Не случайно поэтому вопросы укрепления совместной плановой деятельности на всех уровнях хозяйственного руководства заняли столь важное место в решениях XXIII и XXIV сессий СЭВ

«Диверсификация» совместной плановой деятельности, включение в эту работу всех звеньев, ответственных за развитие сотрудничества, естественно, не может войти в противоречие с планированием внешних связей на уровне народного хозяйства. Важно поэтому, чтобы развитие производственно-торговых связей между хозяйственными организациями стран-членов СЭВ на различных уровнях руководства экономикой строилось бы таким образом, чтобы оно не вело к «размельчанию» экономического сотрудничества, к передаче его в ведение бесчисленных, зачастую не обладающих достаточной мощностью хозяйственных организаций, выступающих на свой страх и риск в сфере внешнеэкономических связей. Современное состояние экономики социалистических стран требует не только гибкости и оперативности в их взаимном сотрудничестве, но и ориентации его на решение крупных, масштабных проблем, с которыми связаны долгосрочные перспективы хозяйственного роста, темпы и направления научно-технического прогресса.

Отсюда возникают проблемы согласования круга таких организаций, которые могли бы самостоятельно и авторитетно решать возникающие в процессе сотрудничества вопросы, не нарушая в то же время принципы планового централизованного руководства экономикой и государственной монополии на внешние связи. С этой проблемой тесно связан вопрос о налаживании подлинного хозяйственного расчета в экспортных производствах стран СЭВ и международного экономического расчета на их взаимном рынке. Это требует повышения экономической заинтересованности предприятий и организаций в развертывании наиболее эффективных и необходимых для интеграции производств и международных хозяйственных связей, а также повышения ответственности за выполнение принятых обязательств.

Актуальность этой задачи очевидна. Рассматривая международный механизм с точки зрения его обусловленности характером сложившихся в сотрудничающих странах внутренних хозяйственных механизмов, можно сделать вывод, что многие факторы, определяющие возможность сотрудничества (лимитирующие его глубину), так или иначе заложены в определенных элементах внутренних систем планирования и стимулирования внешнеэкономической деятельности.

Положение в этой сфере характеризуется сегодня существенной пестротой внутрихозяйственных норм регулирования внешнеэкономической деятельности в отдельных странах СЭВ. До середины 60-х годов сохранялась значительная общность (в ряде случаев — тождественность) национальных систем планирования и экономического стимулирования внешних связей. Разработка и реализация мероприятий хозяйственных реформ привели к существенной дифференциации национальных систем регулирования внешнеэкономической деятельности. Возникли значительные различия практически во всех их основных элементах.

Сейчас в рамках СЭВ сложились минимум три модели внутреннего механизма регулирования внешнеэкономической деятельности и ряд их модификаций. Во взаимном обмене товарами и услугами участвуют самые разные субъекты внешнеэкономических связей: специализированные организации министерств внешней торговли, производственные и торговые предприятия, комбинаты и объединения предприятий, внешнеторговые организации отраслевых министерств и ведомств и т. п.

Все эти организации, естественно, наделены неодинаковыми полномочиями, а границы их самостоятельной внешнеэкономической деятельности

не совпадают ни в качественном (круг входящих в их компетенцию вопросов), ни в количественном отношениях. Отсутствуют, следовательно, условия для равноценного партнерства, для внедрения единой практики заключения и реализации контрактов.

Однако различный уровень субъектов внешних связей — это хотя и наиболее очевидный, но, пожалуй, не самый существенный показатель дифференциации внутренних механизмов. Наиболее крупные расхождения можно констатировать в принципах организации хозяйственного расчета в сфере внешнеэкономической деятельности: в условиях и формах хозрасчетных связей между производственными и внешнеторговыми звеньями, в способах установления соотношений внутренних и внешнеторговых цен, в характере и размерах материальной ответственности хозяйственных организаций за выполнение принятых ими на себя международных обязательств.

Особая проблема заключается в разных способах расщепления или синтеза функций по выработке и практической реализации внешнеэкономических решений.

Все это с особой остротой ставит вопрос о дальнейшем развитии ленинских принципов социалистического хозяйствования применительно к условиям углубляющейся социалистической экономической интеграции. В ходе решения этой задачи и будет обеспечиваться последовательное сближение национальных механизмов регулирования внешнеэкономической деятельности, согласованное использование инструментов государственной экономической политики социалистических стран с целью интенсификации интеграционных процессов в содружестве стран социализма.

Перечисленные выше теоретические и практические проблемы социалистической интеграции, конечно, не отражают всей сложности и многогранности этого исторического процесса. Нужно учитывать к тому же, что как круг, так и сам характер этих проблем будут изменяться от одного этапа интеграции к другому. Важнейшей, определяющей чертой нынешнего, начального этапа социалистической интеграции является твердая решимость братских стран идти по пути дальнейшего экономического сплочения, последовательного использования преимуществ социализма как мировой экономической системы.

Работа в этом направлении уже дает практические результаты. Так, в конце 1970 г. страны СЭВ заключили между собой долгосрочные соглашения по развитию экономического сотрудничества на период 1971—1975 гг. Этими соглашениями предусматривается весьма значительный прирост взаимного оборота товаров и услуг. Например, объем товарооборота между СССР и ГДР достигнет невиданной в практике двусторонних связей цифры — 22 млрд руб за пятилетие, товарооборот с Польшей и Чехословакией — по 13 млрд, с Болгарией — 12,5 млрд⁷. Крупные объемы поставок предусмотрены и в соглашениях между другими странами СЭВ. Но дело не только в объемах взаимных поставок. В ходе координации планов на новое пятилетие страны СЭВ рассматривали эту работу как важный этап реализации курса на социалистическую интеграцию.

Поэтому предстоящее пятилетие — это своего рода стартовая площадка для перехода к решению перспективных задач экономической интеграции социалистических стран.

⁷ «Правда», 3 и 5 XI 1970; 13 I 1971; «Trybuna Ludu», 25 X 1970.

«СПРАВА РОБОТНИЧА» И ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ

Первые три года активной идейно-политической деятельности выдающейся революционерки, видной деятельницы международного рабочего движения Розы Люксембург, столетие со дня рождения которой отмечается в марте 1971 г., были в основном посвящены изданию газеты «Справа Роботнича», ставшей колыбелью польской социал-демократии. В июле 1893 г. в Париже вышел первый номер редактируемой ею газеты польских социал-демократов, последний же (25-й) появился в свет в июле 1896 г.

В 1889 г. 18-летняя гимназистка, участница социалистического кружка, под угрозой ареста бежала из Варшавы в Швейцарию, где со свойственной ей страстью принялась за овладение марксизмом и штудирование опыта международного пролетариата. В 1892 г. она вступила в кружок, изучавший коренные вопросы марксистской теории и объединявший крупнейших польских марксистов, находившихся в эмиграции: Б. Весоловского, Ю. Мархлевского, Л. Иогихеса-Тышку и др.

«Справа Роботнича» была идеологическим центром формирующейся партии, на ее страницах формулировались и уточнялись программные установки Социал-демократии Королевства Польского, характер и направление ее агитационно-пропагандистской работы. В издании газеты большую помощь оказывали Л. Иогихес-Тышка, Ю. Мархлевский, А. Варский, однако основное бремя авторской и редакторской работы несла на своих плечах Р. Люксембург, так что практически невозможно отделить созревание партии от развития идейно-теоретических концепций издательницы ее органа «Крушиньской». По подсчетам Я. Качановской и Ф. Тыха, ее перу принадлежит около пятидесяти статей и заметок, появившихся на страницах «Справы Роботничей»¹.

Возникшая в августе 1893 г. Польская социал-демократия опиралась на уже сложившиеся и окрепшие более чем за полтора десятилетия идейно-политические традиции партии «Пролетариат» — интернационализм и курс на пролетарскую революцию. Правда, партия «Пролетариат» склонна была переоценивать близость этой революции, а методы и темпы реализации своих целей представляла себе еще довольно смутно. Соприкосновение с массовым движением показало ошибочность этих представлений, и непосредственный предшественник социал-демократии — Союз польских рабочих — взял курс на организацию экономической борьбы, исходя из убежденности в длительности подготовительного этапа и решения политических вопросов во вторую очередь. К моменту создания социал-демократии

¹ J. K a c z a n o w s k a, F. T y c h. Bibliografia pierwodruków Róży Luksemburg, «Z pola walki», 1962, № 3, с. 181—184.

ческой партии польское рабочее движение уже в основном переболело этой болезнью и доросло до вывода о необходимости органического сочетания политических и экономических форм борьбы. Темпы развития рабочего движения позволяли более трезво оценить близость перспективы пролетарской революции. Эти прогнозы были тем более осторожными, чем яснее становилось, что трудно говорить об успехе революции в одной Польше, что развитие революционного процесса в польских землях нельзя рассматривать в отрыве от этого процесса в разделивших Польшу государствах.

Проблема оценки перспектив революционного движения в России со всей остротой встала перед польскими революционерами как теоретическая основа для выработки политической линии. Часть из них ввиду спада революционного движения в России на рубеже 80—90-х годов готова была сделать заключение о бессмысленности ориентации на союз с ним. Они создали ППС. Другие зорко выискивали симптомы нового подъема, подмечали его проявления, правильно поняв его неизбежность. В их числе была Р. Люксембург, которой удалось предугадать, что рабочее движение в Королевстве Польском стацовится частью назревающего общероссийского революционного освободительного потока, мощность которого неуклонно будет нарастать. Тезис об общности путей и перспектив рабочего движения в Королевстве Польском и во всей Российской империи стал одним из основополагающих программных положений Польской социал-демократии. На этой базе она и оформлялась как партия пролетариата Королевства Польского², вскоре по совету редакции «Справы Роботничей» заменившая свое название Польская социал-демократия на другое — Социал-демократия Королевства Польского. Можно ли вывести из этого, что польских социал-демократов не интересовало рабочее движение в других польских землях, или что они были безразличны к судьбе других польских территорий? Представляется, что для этого нет оснований. Сама Р. Люксембург в течение ряда лет принимала активное участие в организации борьбы польского рабочего класса в Познанском княжестве и Верхней Силезии. Равным образом она поддерживала постоянные контакты с Галицией, а в своих работах касалась специфики ее классовой структуры, расстановки политических сил и т. д.

«Справа Роботничая» решала важную проблему применения марксистского учения к конкретным условиям развития рабочего движения. Уже в отчете, подготовленном на Цюрихский конгресс II Интернационала (1893 г.), редакция заявляла, что пролетариат польских земель должен идти рука об руку с пролетариатом каждого государства³. К вопросам о функционировании пролетарских партий в польских землях, о специфике их программ, о принципах выработки этих программ Р. Люксембург специально обратилась осенью 1894 г. в статье «К конгрессу польских социалистов в Германии». Она писала, что если конечная цель для всех социалистов одна, то программ-минимум, непосредственные цели и тактика «целиком зависят от политических условий каждой страны. И общие политические условия являются основой партийной общности среди социалистов»⁴. При переводе этого положения на современную тер-

² Об истории создания Польской социал-демократии см. Н. Н. Пухлов. Из истории Польской социал-демократической партии (1893—1904 гг.). М., 1968; J. K a n s e w i c z. Rozłam w polskim ruchu robotniczym na początku lat dziewięćdziesiątych XIX w. Warszawa, 1962; е г о ж е. Powstanie i początki działalności Socjal-demokracji Królestwa Polskiego (1893—1895). «Z pola walki», 1963, № 4.

³ «Socjal-demokracja Królestwa Polskiego i Litwy. Materiały i dokumenty», t. 1, cz. 1. Warszawa, 1957, s. 29.

⁴ «Sprawa Robotnicza», IX—X 1894.

минологию очевидно, что под программой-минимум Р. Люксембург понимает и программу, и стратегию, и тактику партий.

Последовательный интернационализм был определяющей чертой публицистики Р. Люксембург. Из номера в номер она одновременно давала материалы о состоянии рабочего движения как в России, так и за границей, стараясь обобщить его опыт. В числе первых материалов о положении в России и развитии рабочего движения она опубликовала (с некоторыми сокращениями) программу «Южно-российского союза», снабдив ее комментариями, в которых обращает на себя внимание указанием, что «русские рабочие стоят в политической борьбе на той же почве, что и мы», что они «понимают всю важность для себя свержения царизма и завоевания конституции», что они осознали значение создания пролетарской партии, а само создание Союза — «большой шаг вперед по этому пути»⁵. Систематически публиковавшиеся Р. Люксембург обзоры положения в России охватывали проблемы рабочего движения, направлений его развития. Они были проникнуты убежденностью в мощности нарастающего его подъема, в его великих возможностях.

В разнообразных материалах, подготовленных Р. Люксембург, неизменно проявляется ее непоколебимая вера в социализм, в пролетарскую революцию, в диктатуру пролетариата. В этих материалах чувствуется неукротимое желание убедить рабочий класс в существовании его особых классовых интересов, помочь ему оформиться политически как антагонисту буржуазии. «Справа Роботница» воплотила в себе лучшие традиции революционного марксизма. И не случайно, только наладив ее издание, Р. Люксембург заблаговременно заботилась о подготовке передовицы, посвященной первой же, приближавшейся годовщине Парижской Коммуны (1894 г.), придавая этому очень большое значение⁶. Примечательно, что общая тональность празднования французскими социалистами юбилея, в котором Р. Люксембург приняла участие, прозвучала для нее диссонансом с ее собственными представлениями о значении Коммуны. Она пишет Л. Йогихесу-Тышке, что «празднование Коммуны прошло оч[ень] посредственно», критикует поверхностный характер выступлений, особенно П. Лафарга, отмечает отсутствие Ж. Геда, не выполнившего свое обещание выступить. Участие гедистов в банкете по случаю юбилея Коммуны в 1895 г. становится поводом для новых критических замечаний в их адрес в связи с недооценкой ими программных вопросов⁷.

Р. Люксембург зорко следила за тем, чтобы в газете не происходило разрыва между ближайшими и конечными целями борьбы, чтобы она не переключалась на чисто теоретическую пропаганду социализма⁸. В одной из первых статей «Справы Роботницей», авторство которой Я. Качановская и Ф. Тых приписывают Р. Люксембург, — «Политические задачи польского рабочего класса» — подмечалось стремление имущих классов пойти на уступки, смягчив растущие противоречия путем реформ. В статье четко формулируются ближайшие политические задачи, решение которых может обеспечить «действительное улучшение нашего быта» — всеобщее избирательное право, право избрания чиновников, свободу стачек и рабочих организаций, свободу собраний, слова, языка и печати. Статья прямо указывала на первоочередность задачи свержения царизма и создания такого правительства, которое, будучи избрано всем народом, могло бы быть «использовано для нашего рабочего дела». Вместе с тем она подчерки-

⁵ Ibid.

⁶ R. L u k s e m b u r g. Listy do L. Jogichesa-Tyszki, t. I. Warszawa, 1968, s. 24. (см. «Sprawa Robotnicza», III, 1894).

⁷ Ibid., s. 37, 69.

⁸ Ibid., s. 57 и др.

вала, что конечная цель пролетариата — социалистическая революция, приближению и успеху которой должны способствовать политические права и свободы⁹.

В материалах Р. Люксембург и других авторов, печатавшихся в газете, последовательно увязывалась политическая и экономическая борьба, указывалось на возможность и необходимость выступлений за сокращение рабочего дня (преимущественно составлявшего в то время 11 часов) и за рабочее законодательство в целом. Толчком к рассмотрению этих вопросов служила также постановка задачи борьбы за социальное законодательство на Цюрихском конгрессе. Сравнение с достижениями рабочего движения в странах Запада позволяло надеяться на результативность борьбы за улучшение правового положения рабочих, однако практика классовой борьбы в условиях царского режима подсказывала, что на значительные улучшения рассчитывать, не пользуясь политическими свободами, не приходится, а эти свободы без решительного натиска на царизм получить невозможно. В газете на первое место выдвинулось требование конституции, т. е. общей демократизации строя. Это требование стало предметом ожесточенного спора с идеологами ППС, считавшими, что в России нет сил, способных ее добиться (а если и были бы, то проблема национального гнета все же осталась бы нерешенной), — следовательно, не нужно ориентироваться на общие с пролетариатом России политические требования, ограничившись только требованием независимости Польши. В этой концепции классовые задачи пролетариата отступали на задний план и подчинялись задаче национального освобождения.

Разные толкования политических целей пролетариата в связи с трактовкой национального вопроса ускоряли размежевание в польском социалистическом движении. Бурный обмен мнениями, резкая полемика по национальному вопросу вскоре были перенесены в печать. В июле 1893 г. в «Справе Robotniczej» была напечатана статья «Об искоренении национальной принадлежности». Я. Качановская и Ф. Тых предполагают, что автором статьи была Р. Люксембург. Так или иначе, но эта статья не могла быть опубликована без ее одобрения. Анализ статьи показывает, что торжествующее влияние национального угнетения на развитие нации, на состояние классовой борьбы для ее автора очевидно. В статье немало ярких строк, рисующих картину дискриминаций польского народа в учебных заведениях, в суде, на железных дорогах, в государственной администрации. Следующий тезис статьи — повсеместность национального угнетения на национальных окраинах Российской империи. Пытаясь обнажить суть этого явления, автор пишет не о специфике царского режима. В центре его внимания — классовый характер национальной политики царизма, и не только царизма (всюду определяющими являются антагонизмы классовые). Например, царское правительство помогает польским эксплуататорским классам, а польская буржуазия предает национальное дело и отрекается от патриотизма, ибо для нее важнее сабли казаков и штыки жандармов, когда она защищается от поднимающего голову польского рабочего. Таким образом, говоря о национальном угнетении, автор прежде всего стремится доказать примат классового начала над национальным. Но отрицает ли он борьбу за национальное освобождение? В этом отношении интересна заключительная часть статьи, где основная мысль сформулирована так: «рабочий у нас, как и везде, является единственным защитником всяческих свобод — экономической, политической, национальной...». В статье развивается мысль о тесной взаимосвязи национальных требований с другими политическими требованиями. «...Добиваясь поли-

⁹ «Sprawa Robotnicza», VII 1893.

тической свободы для решения своих рабочих дел, — говорится в ней, — мы будем тем самым бороться с антинациональной политикой, поскольку необходимо добиться такого управления, которое предоставило бы нам наибольшую свободу организовываться и общаться между собой на нашем языке...»¹⁰.

Следует подчеркнуть, что, формулируя требование пролетарской солидарности, автор пропагандировал интернационализм русского рабочего, «который не нуждается, и не хочет лишить других национальности и души...»¹¹

Таким образом, в статье отмечаются отрицательные последствия национального угнетения для пролетариата, говорится о важности его ликвидации для развития рабочего движения, о примате классовой борьбы, о том, что только пролетариат является носителем подлинного прогресса как в экономической и политической области, так и в области национальных отношений, выдвигается требование пролетарской солидарности, польско-русского революционного союза. Пока еще правовые взгляды автора не приобрели законченной формы: нет, в частности, определения юридических гарантий национальных прав, нет еще требования автономии.

В период острых идеологических дискуссий в польском рабочем движении «Справа Роботнична» была основной ударной силой революционеро-интернационалистов, а Р. Люксембург — ее ведущим полемистом. Поскольку острейшей проблемой идейных споров было сочетание решения национального вопроса с реализацией классовых задач пролетариата, то Р. Люксембург подчеркивала, что пролетариат является единственной революционной силой, что быстрое развитие революционного процесса — в том числе решение как демократических, так и социалистических задач — зависит исключительно от роста классового самосознания пролетариата. Публицисты же «Пшеглэнда Социалистичного» склонны были все более идти на идейно-политический компромисс с теми силами, которые могли бороться за национальное освобождение¹². Р. Люксембург старалась обосновать необходимость выдвигения на первый план классовых задач, борьбы за идейную чистоту позиций пролетариата. Эту линию она ярко очерчивала в статье «Новый этап», связанной с прошедшим 10—11 марта 1894 г. I съездом Польской социал-демократии¹³. Когда «Пшеглэнд Социалистичный» стал критиковать партию «Пролетариат» за то, что она, якобы, не считалась с экономическим и политическим положением в польских землях, провозглашая идею польско-русского революционного союза, Р. Люксембург обрушилась на него с революционно-марксистских позиций, и ее критика была близка к ленинским взглядам о буржуазно-демократической природе трактовки ППС лозунга независимости Польши¹⁴. Поиски аргументов для обоснования своей интернационалистской позиции Р. Люксембург начала с изучения экономико-статистических данных¹⁵, ибо сразу подметила слабые места программы ППС, прежде всего недостаточный учет именно его специфики социально-экономических условий в Польше, неясность оценки характера лозунга независимости (он был включен в текст, относящийся к социалистической программе, а не к программе-минимум), нечеткость его формулировки (не уточнялось, ко всем

¹⁰ «Sprawa Robotnicza», VII 1893; R. L u k s e m b u r g. Wybór pism, t. I. Warszawa, 1959, s. 5, 6.

¹¹ Ibid., s. 6.

¹² «Przegląd Socjalistyczny», Paryż, 1892, № 1; 1893, № 4.

¹³ «Sprawa Robotnicza», III 1894.

¹⁴ См. В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 235, 240, 241.

¹⁵ R. L u k s e m b u r g. Listy do L. Jogichesa-Tyszki, t. I, s. 49.

ли польским землям он относился, или только к Королевству Польскому), отсутствие указания, каким путем его можно реализовать¹⁶.

Газета «Справа Роботничка» из номера в номер вела напряженную идейно-политическую борьбу с лидерами ШПС. Польские социал-демократы, и Р. Люксембург в частности, постоянно рассматривали эту полемику с точки зрения ее воздействия на рабочий класс в духе ускорения роста его классового самосознания¹⁷. Ее статьи, будучи концентрированным выражением наступательной позиции социал-демократии¹⁸, вызывали в польской эмиграции огромный интерес. «Постоянно спрашивают о новых номерах», — сообщала она 21 марта 1895 г. Л. Йогехесу-Тышке¹⁹. Придя к выводу о необходимости четкого противопоставления интернационализма всем взглядам, могущим способствовать распространению национализма в рабочем движении, Р. Люксембург уточняла многие положения своей концепции, многократно переписывая свои статьи. При этом она иногда заходила слишком далеко, спорила недостаточно доказательно, и друзьям приходилось ее поправлять²⁰. В период подготовки Лондонского конгресса II Интернационала в статье «Польский вопрос на международном конгрессе в Лондоне»²¹, а затем на самом конгрессе она выступила против лозунга права наций на самоопределение, который, по ее мнению, мог бы стать лазейкой для польских националистов.

Одной из важнейших задач «Справы Роботничей» был анализ расстановки классовых сил в Королевстве Польском. Проблема буржуазии, ее экономических и политических позиций неизменно привлекает внимание молодой революционерки. Можно смело утверждать, что нет такой работы, где бы она не писала о классовых интересах буржуазии, о ее пресмыкательстве перед царизмом и т. д. Первой работой, содержащей в синтезированном виде элементы научного анализа расстановки классовых сил в Польше, была брошюра «Независимая Польша и рабочее дело»²², обобщающая ряд материалов, появившихся на страницах «Справы Роботничей». Свое исследование Р. Люксембург вела через прямую национальную проблему, начав с выяснения отношения различных классов, слоев и групп к вопросу о независимости Польши. Позиция мелкой буржуазии и крестьянства в ней, однако, дается схематически.

В работе «Социал-патриотизм в Польше»²³ Р. Люксембург дает более развернутую картину положения и настроений основных классов и слоев польского общества. Шляхта, разоряемая в ходе капиталистического развития деревни (заметим, что здесь автор определенно преувеличивает степень развития этого процесса), лишена своих прежних позиций, и тем самым, по мнению Р. Люксембург, были ликвидированы «материальные основы, в которые уходили корни национальных движений»²⁴. Экономическое положение заставляет помещиков пресмыкаться перед царизмом.

Мелкая буржуазия рассматривалась ею как неоднородная в политическом отношении масса. Заинтересованную в русских рынках мелкую буржуазию она присоединяла в политическом отношении к крупной бур-

¹⁶ «Sprawa Robotnicza», VII—VIII 1894 (приложение).

¹⁷ R. L u k s e m b u r g. Listy do L. Jogichesa-Tyszki, t. I, s. 59, 90—91.

¹⁸ См.: «Przed zmianą chorągiewki»; «Pod bat opinii publicznej»; «Chorągiewka się obróciła». «Sprawa Robotnicza», VII—VIII 1894 и др. статьи.

¹⁹ R. L u k s e m b u r g. Listy do L. Jogichesa-Tyszki, t. I, s. 74.

²⁰ Ibid., s. 45.

²¹ «Critica Sociale», 16 V 1896; «Sprawa Robotnicza», VII 1896; R. L u k s e m b u r g. Wybór pism, t. 1.

²² M. R ó z g a. Niepodległa Polska a sprawa robotnicza. (Paryż). 1895. Wydanie «Sprawy Robotniczej». Z polecenia Zarządu ŚDKP.

²³ «Neue Zeit», 1 VII 1896, № 41, s. 459—470.

²⁴ R. L u k s e m b u r g. Wybór pism, s. 57.

жуазии, а разоряющуюся часть наделяла выводимым также непосредственно из экономических мотивов стремлением к национальному освобождению. Характеризуя интеллигенцию, рекрутирующуюся из разоряющейся шляхты и мелкой буржуазии, она констатировала, что у молодежи патриотические настроения появляются уже в школе, позднее они усиливаются, ибо для нее закрыт доступ в ряды командного состава армии, в администрацию и т. п. Однако, получив работу, молодежь переходит на «резвые», «разумные» позиции лояльности.

«У крестьянства, — пишет далее Р. Люксембург, — вообще нет политической физиономии». Следует учесть, что первая польская крестьянская партия, еще слабая и малочисленная, оформилась только в 1895 г., когда лишь обозначился рост социально-политической активности крестьянства. Данными об этом Р. Люксембург вряд ли могла располагать. Но уже через полтора года, в статье «Шаг за шагом», она заметит: «отношения в деревне, обостренные спорами вокруг сервитутов, смели фарс братания сословий», и добавит, что усиление эксплуатации крестьянства с именем царя на устах приведет к концу старую сказку о «царе — освободителе крестьян», и деревня перестанет быть оплотом самодержавия, превратившись, «возможно, в мощную опору борющегося пролетариата»²⁵. В этой работе Р. Люксембург завершает исследование становления польской буржуазии, развития ее идеологии и политических концепций.

Проведенный Р. Люксембург анализ расстановки классовых сил подтверждал правильность определенного партией направления революционного движения — совместной солидарной борьбы пролетариата, в том числе и польского, против царского режима, защитницей интересов которого стала и польская буржуазия. Здесь уместно напомнить ленинское положение о том, что сила царизма зиждется, в частности, на лакействе буржуазии угнетенных национальностей — и в частности польской²⁶. Оценки роли и места основных классов и слоев польского общества были верными. Следует согласиться с мнением Г. Валецкого, который, публикуя работы Р. Люксембург «Социал-патриотизм в Польше» и «Шаг за шагом», писал в предисловии, что хотя ее оценки излишне прямолинейны и схематичны, «в основном этот анализ, являющийся оригинальной работой молодой марксистки и идущий вразрез с установившимися в Польше взглядами, был глубоко верен и в основном он был оправдан последующим политическим развитием Польши»²⁷.

Конкретизируя представления о ближайших целях борьбы рабочего класса, Р. Люксембург рассматривает их в ключе национального вождра, постоянно оказывавшегося в центре дискуссий в польском рабочем движении.

В работе «Социал-патриотизм в Польше» она писала, что пролетариат на Западе перенимает демократические лозунги у все более отступающей на реакционные позиции буржуазии, действуя в рамках прогресса применительно к буржуазной формации и «в соответствии со своей исторической ролью». В Польше же, полагала Р. Люксембург, где буржуазия никогда не выдвигала требования независимости, это требование должно быть отнесено к остаточным идеологическим формам периода феодализма, «материальная основа которых, а следовательно средства реализации, уже давно бесповоротно были выброшены в прошлое». Пролетариат, подчеркивала она, должен «обеими ногами стоять на почве капиталистического развития» и не может выдвигать на первое место в программе требование независимости, так как в таком случае «оказался бы в позиции противодействия тен-

²⁵ Ibid., s. 63.

²⁶ См. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 257—258.

²⁷ Р. Люксембург. Шаг за шагом. М.—Л., 1926, стр. 10—11.

денциям экономического развития» и увеличил бы пропасть, отделяющую его от достижения конечной цели. Она указывала на задачу демократизации политического строя, и прежде всего свержения царизма, видя решение проблемы ликвидации национального угнетения в автономии польских земель²⁸. Вместе с тем она отнюдь не считала, что пролетариат, для которого интернационализм является великой исторической необходимостью, должен занять позиции национального нигилизма. Наоборот, она писала, что, «борясь за политические свободы и самоуправление для Польши, он защищает в то же время польскую культуру и спасает тем самым все то, что еще может быть спасено от половодья истории»²⁹.

Можно со всей определенностью утверждать, что в период издания «Справы Роботничей» молодая революционерка, вооруженная марксистскими знаниями, анализировала революционный процесс с позиций последовательной, бескомпромиссной классовой борьбы и смогла верно определить его направление в польских землях, отношение пролетариата к другим слоям и классам, хотя ей не удалось учесть полностью их социально-политические возможности. Здесь следует обратиться к краткому выяснению гносеологических корней этой концепции, к определению, какие процессы и как она изучала, какими научными категориями мыслила, какими средствами исследования располагала. Формируясь как ученый-экономист (именно в это время она собирала материал для своей диссертации «Развитие промышленности в Польше»), она сосредотачивала свои усилия на материалистическом обосновании хода исторического процесса. Рассматривая национально-освободительные требования, она исследовала их значение в прямой связи с тенденциями развития экономики, а их реализацию — тоже в контексте прежде всего экономических явлений, недооценивая сферу политики и общественного сознания в целом. Там, где Ф. Энгельс подчеркивал объективное значение традиций, живущих в головах людей³⁰, Р. Люксембург видела лишь остаточные идеологические явления, с которыми можно не считаться, ибо почва под ними размыта. Схематически трактуя явления идеологического порядка, она распространяла на них специально исследуемые ею, четче выступающие и более простые в механизме своего действия экономические закономерности.

С другой стороны, политические взгляды Р. Люксембург формировались в обстановке напряженной борьбы против проникновения национализма в польское рабочее движение. Это привело к противопоставлению национального и социального начал, что стало существенной чертой ее мышления и ряда ее работ, в которых она старалась отнестись национальные требования на счет классов, уходящих в прошлое. Следствием этого было отрицание принципа права наций на самоопределение.

В. И. Ленин, указывая в работе «О праве наций на самоопределение» на первоочередность задачи отстаивания единства классовой борьбы и отпора буржуазному национализму, замечал, имея в виду польскую социал-демократию, что «среди угнетенных наций выделение пролетариата в самостоятельную партию приводит иногда к такой ожесточенной борьбе с национализмом данной нации, что перспектива извращается...»³¹ В статье «Итоги дискуссии о самоопределении» он писал, что «у польской социал-демократии» это «было только неправильным теоретическим обобщением о с о б ы х условий движения в Польше...»³².

²⁸ R. L u k s e m b u r g. Wybór pism, s. 65, 66.

²⁹ См. «Шаг за шагом», стр. 89.

³⁰ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 37, стр. 395.

³¹ В. И. Л е н и н. Указ. соч., т. 25, стр. 317.

³² Там же, т. 30, стр. 57.

Развитие взглядов Р. Люксембург в период редактирования «Справы Работничей» позволяет проследить, как эти особые условия повлияли на формирование программно-стратегических установок в ее статьях (и в партии в целом). Необходимость их четкого преподнесения рабочему классу на страницах газеты ускорила этот процесс, стала катализатором в деле расстановки совершенно определенных, иногда утрированных, политических акцентов. Вместе с тем следует подчеркнуть, что ошибочно приписывать Р. Люксембург непонимание многих сторон исторического процесса. Ее наследие 90-х годов опровергает это распространенное положение и заслуживает самого тщательного изучения.

В. А. КУЧКИН

«ПОУЧЕНИЕ» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА И РУССКО-ПОЛЬСКО-НЕМЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ 60—70-х ГОДОВ XI ВЕКА

«Поучение детям» Владимира Мономаха — примечательное явление в истории русской, да, пожалуй, и мировой литературы. Единственный список памятника донес сквозь напластования столетий живой голос древнерусского человека, просто и реалистично рассказавшего о себе и своем времени.

Факты биографии Мономаха разворачивались на фоне больших политических событий, затрагивавших судьбы русских княжеств, половецкой степи, сопредельных с Русью государств. Поэтому перипетии личной жизни внука Ярослава Мудрого давно стали объектом пристального внимания исследователей, интересовавшихся историческим содержанием «Поучения» с самых разнообразных точек зрения. Одна из тем, разрабатывавшаяся учеными еще с прошлого столетия, касалась русско-польско-немецких отношений XI в., нашедших вполне определенное отражение в памятнике. Скучность и фрагментарность указаний польских, немецких, венгерских и итальянских источников делают особенно необходимым привлечение имеющихся в «Поучении» сведений, записанных непосредственным очевидцем и участником событий, для характеристики политической ситуации, сложившейся в Восточной и Центральной Европе в последней трети XI в. Хотя Владимир Мономах сообщает в «Поучении» всего лишь о двух акциях, в которых он сам принимал участие, значение его свидетельств трудно переоценить. Киевский князь вспоминал в 1117 г. о заключении в молодые годы мира с поляками «на Сутейску» и походе «до Чешьскаго лѣса»¹. И мирное соглашение, и военный поход явились результатом серьезных изменений во взаимоотношениях государств на востоке и в центре Европы. Но когда был заключен договор с Польшей и когда Мономах ходил в Чехию? К сожалению, автор «Поучения» не датирует свои поездки и походы, в лучшем случае называя лишь времена года. Между тем установление более или менее точных дат русско-польского соглашения и далекой экспедиции мономаховых полков к польско-чешской границе позволяет выявить последовательность и взаимосвязь событий на Руси, в Польше и Германии, глубже и полнее охарактеризовать отношения между этими государствами в названный период.

В современной литературе господствует точка зрения, согласно которой заключение договора у Сутейска произошло в 1074 г., а поход Мономаха — в 1076 г. Не называя здесь многочисленных работ русских, советских и польских исследователей и не приводя их аргументов (изложить и

¹ Здесь и далее «Поучение» цитируется по изданию: Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), изд. 2, т. I, вып. 1, Л., 1926, стл. 247. О времени написания «Поучения» см. Повесть временных лет, ч. II. М. — Л., 1950, стр. 431.

критически разобрать которые целесообразнее ниже, при анализе конкретных фактов), в качестве примера можно сослаться на новейшую обобщающую работу В. Т. Пашуто, затрагивающую и разбираемые сюжеты². Автор монографии при датировке и характеристике событий следует общепринятому мнению, впервые высказанному И. А. Линниченко более 80 лет тому назад³. Однако не все общепринятое является верным. Вызывают сомнения и обе названные даты: 1074 г. и 1076 г. Для их проверки необходимо обратиться к тексту «Поучения».

Анализу должен быть подвергнут следующий отрывок памятника:

«А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свои, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы 13 лѣт. Первое к Ростову идохъ сквозѣ Вятичѣ, посла мя отецъ, а сам иде Курьску. И паки 2-е к Смолиньску со Ставкомъ Скордятичемъ, том паки и от(ъ)иде к Берестию со Изяславомъ, а мене посла Смолиньску, то и — Смолиньска идохъ Володимерю. Тое же зимы тои посласта Берестию брата на головнѣ, иде бяху пожгли, тои ту блюдь городъ тихъ. Та идохъ Переяславлю отцю, а по Велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю, на Сутейску мира творить с Ляхы, оттуда паки на лѣто Володимерю опять. Та посла мя Святославъ в Ляхы, ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци. И в то же лѣто и дѣтя ся роди старѣшее Новгородское. Та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, та же Турову; и Святославъ оумре»⁴. Этим местом начинается в «Поучении» перечисление «путей» и «ловов» знаменитого древнерусского князя. Все они не датированы, но их хронологические рамки и время некоторых «путей» установить можно. Сравнительно несложно определяется дата и одного из интересующих нас событий — похода Мономаха «за Глоговы до Чешьскаго лѣса».

Поход состоялся до смерти Святослава Ярославича Киевского. Известие о его кончине заканчивается приведенный отрывок «Поучения». О смерти Святослава сообщают также Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, причем с точной датой — 27 декабря 6584 г.⁵ Исследователи довольно единодушны в переводе этой даты на современную систему летоисчисления — 27 декабря 1076 г.⁶ Следовательно, путь «в Ляхы», как и все другие походы и поездки Владимира Всеволодовича, перечисленные в отрывке, закончился к 27 декабря 1076 г. Это хотя и твердый, но предварительный хронологический рубеж.

До упоминания о смерти Святослава Момах сообщает о трех своих поездках: в Туров, оттуда «на весну» в Переяславль и снова к Турову. Поскольку Святослав умер в самом конце 1076 г., зимой, можно полагать, что указание «на весну» подразумевает конец зимы — весну того же 1076 г. Началом весны в древнерусском календаре считалось 25 марта, когда праздновалось Благовещение⁷. Однако в обиходе весна, как и другие времена

² В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, стр. 41, 42, 56.

³ И. А. Линниченко. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия, ч. 1. Киев, 1884, стр. 109—120.

⁴ ПСРЛ, т. I, стл. 247.

⁵ ПСРЛ, т. I, стл. 199; ПСРЛ, т. II, изд. 2, СПб., 1908, стл. 190.

⁶ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. II. СПб., 1842, стл. 48—49; М. П. Погодин. Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. VI. М., 1855, стр. 30; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 1, т. 2. М., 1959, стр. 359; М. С. Грушевский. История Украины — Руси, т. II, У Львові, 1905, стр. 67; М. Э. Шайтан. Германия и Киев в XI в. Летопись занятий Археографической комиссии (далее ЛЗАК), вып. 1 (34), Л., 1927, стр. 11; Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 496. Кажется, лишь один А. Е. Пресняков относил смерть Святослава к концу 1075 г., но, как будет показано ниже, такая датировка ошибочна — ср. А. Е. Пресняков. Княжое право в древней Руси. СПб., 1909, стр. 46.

⁷ Е. И. Кременецев. Русская хронология. М., 1960, стр. 16.

года, определялась по фенологическим признакам, что отразилось и в памятниках письменности⁸. На северо-востоке, например, 17 февраля считалось зимой, а 21 апреля — весной⁹. Думается, не будет большой натяжкой считать, что для широты Киева начало весны в XI в. приходилось на март месяц. Мартом 1076 г. и следует датировать переезд Владимира Мономаха из Турова в Переяславль. Та же дата получается, если за точку отсчета принять начало похода «за Глобовы». Тем самым определится и время, к которому этот поход закончился.

Как показал более ста лет назад М. П. Погодин, запись Владимира Мономаха о посылке его киевским князем Святославом «в Ляхы» имеет в виду совместный поход Владимира и сына Святослава Олега «Ляхомъ в помочь на Чехы», сообщение о котором помещено в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях под 6584 годом вместе с уже упоминавшимся известием о смерти Святослава¹⁰. М. П. Погодин датировал поход сначала 1075¹¹, а позднее — 1076 г.¹² Последняя дата, как сказано было выше, принята и современными исследователями. Очевидно, она получилась в результате простого перевода летописного года на современную эру. Предложенных дат М. П. Погодин специально не обосновывал. Это попытались сделать польские историки Т. Войцеховский и А. Грабский. Оба они исходили из летописной даты похода. Поскольку, по мысли Т. Войцеховского, известие о походе Владимира и Олега на чехов помещено до сообщения о смерти Святослава, то поход должен был состояться до 27 декабря 1076 г., что никаких возражений не вызывает. 6584 г. летописи Т. Войцеховский считал сентябрьским. Из указания Мономаха в «Почуении», что он ходил «в земли ихъ 4 мѣсяци», Т. Войцеховский выводил дату похода: конец августа — конец декабря 1076 г.¹³ Приняв все посылки и расчеты Т. Войцеховского, А. Грабский почему-то отнес начало похода к июлю месяцу 1076 г.¹⁴, чего обосновать уже никак нельзя. В построениях Т. Войцеховского и следовавшего за ним А. Грабского есть одна частная ошибка и одна ошибка принципиального характера. Если 6584 г. летописи сентябрьский, то он должен соответствовать 1 сентября 1075 г. — 31 августа 1076 г. январского счета. Таким образом, поход Владимира и Олега следовало бы отнести к августу—декабрю 1075 г., а не 1076 г. Но 6584 г. летописи не сентябрьский, как ошибочно думали Т. Войцеховский и А. Грабский, а мартовский¹⁵. В переводе на январский счет это 1 марта 1076 г. — 28 февраля 1077 г. Становится совершенно очевидным, что дата похода русских князей «Ляхомъ в помочь на Чехы» выведена польскими историками неправильно. К сожалению, характер летописной записи 6584 г. о совместном походе Владимира Всеволодовича и Олега Святославича, взятой без соотнесения с другими источниками, не позво-

⁸ Н. В. Степанов. Календарно-хронологические факторы Ипатьевской летописи до XIII века. Известия имп. Академия наук по отделению русского языка и словесности (далее ИОРЯС), кн. 2. 1915. стр. 28.

⁹ Н. В. Степанов. Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и I Новгородской летописям. Чтения общества истории и древностей российских. 1909, кн. 4, отд. III, стр. 56.

¹⁰ ПСРЛ, т. I, стл. 199; т. II, стл. 190.

¹¹ М. П. Погодин. Исследования, замечания и лекции о русской истории, стр. 45, прим. 22.

¹² М. П. Погодин. О Почуении Мономаховом. ИОРЯС, т. X, вып. III. СПб., 1862, стл. 244.

¹³ T. Wojcieszowski. Szkice historyczne jedenastego wieku. Kraków, 1951, s. 190—191. Это третье издание книги. Первое вышло в 1904 г.

¹⁴ A. F. Grabski. «Повесть временных лет» jako źródło do dziejów Polski w świetle nowszej literatury. «Kwartalnik Instytutu polsko-radzieckiego», № 1—2 (10—14). Warszawa, 1955, s. 288.

¹⁵ А. А. Шахматов. Повесть Временных лет, т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. ЛЗАК, вып. XXIV. Пг., 1917, стр. 401.

ляет решить, имеет ли эта запись в виду начало похода или его окончание. Поэтому для определения *terminus post quem* русской помощи Польше приходится прибегнуть к другим данным.

Согласно Хронике Ламперта Херсфельдского, в начале июня 1075 г. под Херсфельдом, где германский король Генрих IV собирал свои силы для усмирения восставших саксов, появился ленник Генриха IV чешский князь Вратислав с огромным войском¹⁶. 9 июня это войско приняло участие в разгроме саксов¹⁷. Не приходится сомневаться, что в тот момент Чехия не подвергалась нападению. Последнее могло быть или до, или после ухода Вратислава в Херсфельд. Если поход Владимира и Олега «на Чехы» состоялся до начала июня 1075 г., то совершенно непонятно, почему известие о нем киевский летописец поместил под 6584, а не 6583 мартовским годом. Очевидно, русские войска выступили в поход после начала июня 1075 г. В таком случае указание Мономаха «на весну», когда он ездил из Турова в Переяславль, может быть истолковано только как конец зимы — начало весны 1076 г., скорее всего, март месяц 1076 г. Следовательно, к весне 1076 г. поход, несомненно, закончился.

Но и этот хронологический предел может быть уточнен. После известия о посылке его Святославом Киевским «в Ляхы» Владимир Всеволодович сообщает, что «в то же лето и дѣтя ся роди старѣйшее Новгородское». Речь идет о рождении Мономахова первенца Мстислава. Как свидетельствует запись на известном Мстиславовом евангелии, крестильное имя Мстислава было Федор¹⁸. Но в честь какого Федора его назвали? Изучая печать, которая, по преданию, была когда-то привешена к жалованной грамоте Мстислава Владимировича и его сына Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю, Н. П. Лихачев нашел, что на одной из сторон хрисовула изображен Федор Стратилат в «чуде о змии»¹⁹. Заключение Н. П. Лихачева было совершенно верным и вопрос о патроне Мстислава-Федора, казалось, получил свое разрешение. Однако несколько лет назад В. Л. Янину удалось убедительно доказать, что печать Мстиславовой грамоты значительно более поздняя и принадлежит не Мстиславу Владимировичу, а Ярославу-Федору, сыну Всеволода Большое Гнездо²⁰. Патрональный святой старшего сына Мономаха остался неопознанным. Его поиску значительно способствуют моливдовулы, имеющие то или иное отношение к Мстиславу Великому²¹. Изображенный на них воин в рост, сопровождаемый надписями «о агіоѣ Феодороѣ» или «ФДР», может быть отождествлен или с Федором Стратилатом, или с Федором Тироном²². Окончательному выяснению имени святого, в день которого был крещен Мстислав Владимирович, помогает летописная запись об основании Мстиславом в Киеве Федорова монастыря. Правда, Ипатьевская и Лаврентьевская летописи определяют этот монастырь просто как святого Федора²³, но в летописи,

¹⁶ T. Grudziński. *Polityka papieża Grzegorza VII wobec państw Europy środkowej i wschodniej (1073—1080)*. Toruń, 1959, s. 77.

¹⁷ T. Wojciechowski. *Ibid.*, s. 186.

¹⁸ П. Симо́ни. Мстиславово евангелие начала XII века в археологическом и палеографическом отношениях. СПб., 1910, стр. 2.

¹⁹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1. Л., 1928, стр. 12—19.

²⁰ В. Л. Янин. Печать Мстиславовой грамоты. Краткие сообщ. ин-та истории материальной культуры, вып. 65. М., 1956, стр. 46—47.

²¹ В. Л. Янин. Печати с надписью «Дья́слово» — «Советская археология», 1962, № 2, стр. 168, 174; Н. П. Лихачев. Там же, стр. 114—115, 159.

²² Н. П. Лихачев. Там же, стр. 114, 159; В. Л. Янин. Печать Мстиславовой грамоты, стр. 46 (о практической неразличимости в сфрагистическом материале фигур Федора Стратилата и Федора Тирона).

²³ ПСРЛ, т. II, стл. 293, 294, 337—338, 349—351, 354, 469, 532, 539, 567, 655, 690, 844; т. I, стл. 299, 317, 342.

близкой к Ипатьевской, использованной в Киево-Печерском Патерике Иосифа Тривны, указано, что Мстиславов монастырь был основан в честь Федора Тирона²⁴. Ктитор монастыря обычно посвящал его тезоименному святому. Поэтому можно считать, что покровителем Мстислава Владимировича, именем которого он был назван при крещении, был Федор Тирон. Память Федора Тирона отмечалась дважды в год: 17 февраля и в субботу первой недели великого поста²⁵, т. е. примерно в то же время, так как хронологический предел субботы первой великопостной недели колеблется от 7 февраля до 13 марта. Мстислав был крещен, несомненно, после возвращения Владимира из «чехов». Об этом свидетельствует и то, что о рождении сына Мономах говорит в «Поучении» после упоминания о походе, и то, что крестным отцом Мстислава был Олег Святославич, второй участник похода «Ляхомъ в помочь на Чехы»²⁶. Исходя из приведенных данных, легко установить год рождения Мстислава — 1076. Федорова суббота приходилась в 1076 г. на 12 февраля. Следовательно, Мстислав родился и был крещен где-то около середины февраля 1076 г.²⁷ По летоисчислению от сотворения мира и мартовскому стилю — это февраль 6583 г., исход года. Мономах не напрасно подчеркнул в «Поучении», что Мстислав родился «в то же лѣто». «Лѣто» означает в данном случае не сезон, а год в целом. Оно «то же» по отношению к «лету», в котором был предпринят поход «до Чешьскаго лѣса». Иными словами, поход состоялся в 6583 мартовском году и закончился незадолго до крещения Мстислава, т. е. до середины февраля 1076 г. Только в «земли ихъ» Мономаху пришлось пробыть «4 мѣсяци». Некоторое дополнительное время понадобилось, конечно, чтобы дойти до той «земли» и вернуться обратно. Поэтому самой поздней возможной датой отправления Владимира и Олега на помощь польскому королю Болеславу Смелому надо считать сентябрь 1075 г.²⁸

Итак, все события, о которых Мономах упомянул в «Поучении» перед известием о походе «за Глоговы», в том числе интересующее нас соглашение с поляками у Сутейска, произошли до сентября 1075 г. Когда же они начались? В «Поучении» Мономах говорит, что он «пути дѣя и ловы 13 лѣт». В научной литературе выяснено, что указание на 13 лет нельзя принимать за расчет времени, которое Владимир Мономах провел на охоте и в войнах. Внук византийского императора воевал большую часть своей долгой жизни (когда он умер, ему было за 70), и «13 лѣт» «Поучения» должны означать не длительность его ратных подвигов, а нечто иное. В свое время М. П. Погодин высказал мысль, что слова «13 лѣт» следует читать как «тринадцати лѣт» и что определяют они возраст, с которого Мономах начал участвовать в «путях» и «ловах»²⁹. Толкование М. П. Погодиным приве-

²⁴ Отдел рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 304, № 714, л. 371. Ср. позднейшую приписку к статье 6637 г. Хлебниковского списка Ипатьевской летописи. ПСРЛ, т. II, стр. X, прим. 3.

²⁵ Арх. Сергий. Полный месяцеслов Востока, т. II, М., 1876, ч. II, стр. 55.

²⁶ ПСРЛ, т. I, стл. 254: «да то ти сѣдѣти сынъ твой хрѣстныи с малым братом своимъ хлѣбъ ѣдучи дѣдень» (из письма 1096 г. Владимира Мономаха Олегу Святославичу).

²⁷ В XII—XIII вв. при рождении детей в княжеских семьях их крестили в честь святых, память которых праздновалась в день рождения ребенка или в ближайшие дни (в пределах 10 дней до дня рождения и 10 дней после). См. ПСРЛ, т. I, стл. 396—397 (6694 г.), 404 (6695 г.), 408 (6697 г.), 412 (6702 и 6704 гг.), 414 (6706 г.), 434—435 (6717 г.), 435 (6718 г.), 438 (6721 г.), 451 (6736 г.), 457 (6739 г.); т. II, стл. 371 (6657 г.), 422 (6659 г.), 562 (6681 г.); ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, стл. 186 (6610 г., возможно запись поздняя), 221.

²⁸ Приведенные данные проясняют содержание записи об этом походе, помещенной в летописи под 6584 г. Становится очевидным, что запись имеет в виду не начало, а конец похода. По-видимому, Владимир и Олег вернулись на Русь незадолго до наступления нового 6584 мартовского года. Поэтому летописец, спустя некоторое время узнавший об их возвращении, открыл записью о походе статью этого нового года.

²⁹ М. П. Погодин. О Поучении Мономаховом, стр. 243—244.

денного места «Поучения» является единственно верным. Оно разделяется всеми современными исследователями³⁰. Запись о рождении у Всеволода Ярославича сына Владимира помещалась в Начальном своде и Повести Временных лет под мартовским 6561 г.³¹. Иными словами, Владимир Мономах родился между 1 марта 1053 г. и 28 февраля 1054 г. В крещении Владимир был назван Василием³². Печати Мономаха свидетельствуют, что его патроном был Василий Великий (Кесарийский)³³. До 1084 г. память Василия Кесарийского отмечалась только 1 января³⁴. Следовательно, Владимир родился и был крещен в конце декабря 1053 — начале января 1054 г. Участвовать же в «путях» и «ловах» он начал не ранее, чем с 1067 г.

Эта грань может быть уточнена. О своем первом «пути» Мономах вспоминал следующее: «Первое к Ростову идохъ сквозъ Вятичѣ, посла мя отецъ, а сам иде Курьску». Относительно даты одновременных поездок Мономаха в Ростов, а его отца в Курск существуют различные мнения. Так М. П. Погодин относил их к 1066—1075 гг., т. е. примерно к тому хронологическому отрезку, в который укладываются и все другие «пути», упомянутые в «Поучении» до известия о походе «в Ляхы»³⁵. Н. В. Шляков полагал, что свою первую поездку Мономах совершил между 1 марта 1072 г. и 28 февраля 1073 г.³⁶ А. Н. Насонов первый приезд Владимира Всеволодовича в Ростовскую землю датировал различно: то 1068—1072 гг., то 1072 г., то 70-ми годами XI в.³⁷ Впрочем, обоснования приведенных им дат исследователь не дал. В целом же предложенные датировки или весьма неопределенны, или недостаточно аргументированы. К сожалению, названными учеными не было обстоятельно разобрано мнение С. М. Соловьева, высказанное им в 1852 г. С. М. Соловьев связал одновременные поездки Всеволода Ярославича в Курск, а его сына в Ростов с событиями, последовавшими за киевским восстанием 15 сентября 1068 г. В результате восстания киевляне изгнали своего князя Изяслава Ярославича вместе с его братом Всеволодом и возвели на киевский стол полоцкого князя Всеслава Брючславича. Изяслав бежал в Польшу³⁸. О Всеволоде летопись ничего не сообщала. «Летописец молчит о судьбе Всеволода после бегства его из Киева вместе с Изяславом, — писал С. М. Соловьев, — видно, что он не пошел с ним в Польшу». И приведя текст «Поучения», С. М. Соловьев заключал: «Можно думать, что Всеволод, по изгнании Изяслава, искал убежища в волостях Святославовых, именно в Курске, опасаясь жить

³⁰ А. С. Орлов. Владимир Мономах. М.—Л., 1946, стр. 10; Повесть Временных лет, ч. II, стр. 439.

³¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова (далее — НПЛ). М.—Л., 1950, стр. 181; ПСРЛ, т. I, стл. 160; ПСРЛ, т. II, стл. 149; А. А. Шахматов. Там же, стр. 204, 401.

³² ПСРЛ, т. I, стл. 240.

³³ Н. П. Лихачев. Там же, стр. 106—110; В. Л. Янин, Ф. Г. Литаврин. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. «Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 205—206.

³⁴ А. Р. Х. Сергий. Там же, т. II, ч. I, стр. 1, 26. ч. II, стр. 1, 2, 36; ч. III, стр. 119.

³⁵ М. П. Погодин. Исследования, замечания и лекции..., стр. 45, прим. 22.

³⁶ Н. В. Шляков. О Поучении Владимира Мономаха. «Журнал министерства народного просвещения», 1900, № 5, стр. 101. Н. В. Шляков датировал первый «путь» Мономаха 6580 г., отталкиваясь от летописной даты похода Мономаха «за Глоговы» — 6534 г. и полагая (ошибочно), что «пути» довольно равномерно распределялись по годам. Поскольку 6580 г. летописи — мартовский, поездка Мономаха в Ростов и должна была состояться согласно расчетам Н. В. Шлякова между 1 марта 1072 г. и 28 февраля 1073 г.

³⁷ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование Древнерусского государства. М., 1951, стр. 48, 168—169, 181.

³⁸ НПЛ, стр. 186—189; ПСРЛ, т. I, стл. 168—173; т. II, стл. 156—161.

в Переяславле, а сына послал на север в Ростов...»³⁹. В предложенное С. М. Соловьевым объяснение событий следует внести лишь одно уточнение. Курск принадлежал не Святославу, а Всеволоду так же, как и Ростов, что вытекает из более поздних летописных данных⁴⁰. В остальном же С. М. Соловьев, бесспорно, прав.

Его вывод может быть подкреплён двумя дополнительными соображениями. Именно осенью 1068 г. Всеволод не мог попасть в свой столичный город — Переяславль Южный. После страшного поражения, нанесённого половцами трём Ярославичам на р. Альте в сентябре 1068 г., победители, по словам летописи, «розошлѣся по земли»⁴¹. Река Альта протекала в Переяславской земле. Естественно, территория Переяславского княжества прежде других пострадала от половцев и, конечно, неслучайно Всеволод был вынужден искать убежища у Изяслава в Киеве. После бегства из Киева Всеволоду был отрезан путь на Переяславль. Оставалась другая возможность — укрыться в окраинных владениях. И Всеволод идет в Курск, посылая в Ростов сына.

Во-вторых, как заметил один из наиболее обстоятельных комментаторов «Поучения» И. М. Ивакин, подтверждением даты, предложенной С. М. Соловьевым, «могут служить и слова „сквозь вятичѣ“»⁴². Действительно, в XI в. из южной Руси в Ростовскую «волость» ходили через смоленские⁴³, реже — новгородские земли, но не «сквозь вятичѣ»⁴⁴. Хотя дорога через землю вятичей была «прямоезжей», установилась она лишь к 40—50-м годам XII столетия⁴⁵. Вплоть до конца XI — начала XII в. вятичи оставались не только не покорёнными Рюриковичами, но даже не полностью христианизованными⁴⁶. Очевидно, ехать опасным путем «сквозь вятичѣ», чтобы в кратчайший срок достигнуть Ростова, Мономах заставили исключительные обстоятельства. В промежутке между 1067 и 1075 гг. такое неблагоприятное стечение обстоятельств случилось лишь однажды, именно после поражения русских князей на р. Альте и киевского восстания 1068 г. Итак, первая поездка Мономаха в Ростовскую землю относится ко времени после 15 сентября 1068 г. Сужаются хронологические рамки и последующих его «путей»: со второй половины сентября 1068 г. до сентября 1075 г.

Для большинства этих поездок и походов сравнительно легко может быть установлена относительная хронология. Переход Владимира Всеволодовича из Смоленска во Владимир (Волинский) совершился зимой, поскольку следующее известие о посылке его в Берестье начинается в «Поучении» словами «тое же зимы». Из Берестья Мономах отправился к отцу в Переяславль, а из Переяславля «по Велицѣ дни», т. е. после пасхи, «та Володимерю на Сутейску мира творить с Ляхы, оттуда паки на лѣто Володимерю опять». Таким образом, Мономах сначала перечисляет свои поездки, которые случились зимой, затем после пасхи, весной, поскольку так называемый «пасхальный предел» ограничивается временем с 22 марта по 25 апреля⁴⁷, наконец, упоминает о «пути» во Владимир «на лѣто».

³⁹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, т. 2, стр. 695, прим. 50.

⁴⁰ В 1095 г. в Курске сидел внук Всеволода Изяслав Владимирович. ПСРЛ, т. I, стл. 229. Ростовская земля в указанное время считалась «дединою» сыновей Владимира Мономаха (там же, стл. 254).

⁴¹ НПЛ, стр. 189.

⁴² И. М. Ивакин. Князь Владимир Мономах и его Поучение. Часть первая. Поучение детям. Письмо к Олегу и отрывки. М., 1901, стр. 146.

⁴³ ПСРЛ, т. I, стл. 250.

⁴⁴ А. Н. Насонов. Там же, стр. 160, 174.

⁴⁵ Там же, стр. 174.

⁴⁶ Там же, стр. 65.

⁴⁷ Е. И. Каменцева. Там же, стр. 49.

Времена года в данном месте «Поучения» перечисляются строго последовательно. Такая очередность заставляет полагать, что Мономах вспоминает здесь о событиях одного года, осторожнее, конца одного и первой половины другого. В этом случае установление даты какого-либо из «путей» позволит определить время и всех остальных.

Свидетельство Мономаха о посылке его в Берестье двумя братьями («посласта... брата»), т. е. отцом Всеволодом и дядей Святославом, говорит о том, что в тот момент на Руси не было старшего из Ярославичей — Изяслава. За период с 15 сентября 1068 г. по сентябрь 1075 г. последнему пришлось дважды оставлять свой киевский стол и покидать страну. Первый раз Изяслав бежал в Польшу после 15 сентября 1068 г., а возвратился в Киев лишь 2 мая 1069 г.⁴⁸ Вторичное вынужденное пребывание Изяслава за границей оказалось более длительным: с 22 марта 1073 г. по 15 июля 1077 г. (крайние даты)⁴⁹. Другими словами, в сентябре 1075 г. он находился еще за пределами Руси. Таким образом, «путь» Мономаха в Берестье и все связанные с ним события могут быть отнесены или к периоду с 15 сентября 1068 г. по 2 мая 1069 г., или к периоду с 22 марта 1073 г. по сентябрь 1075 г.

С легкой руки И. А. Линниченко весь комплекс упомянутых событий принято датировать вторым периодом. Однако никто из последователей И. А. Линниченко не проверял, на чем же основывал он свои выводы. Поэтому прежде чем их принимать или отвергать, необходимо рассмотреть те факты и ту аргументацию, которыми оперировал исследователь. Фундаментом его построений явились известия Яна Длугоша. Польский хронист XV в. в отличие от своих предшественников весьма подробно писал о вооруженной борьбе между Польшей и Русью в 70-е годы XI столетия. Под 1071 г. он сообщал о захвате польским королем Болеславом Смелым при своем возвращении из Киева, где он возводил на стол изгнанного Изяслава Ярославича, русских городов на р. Сане и об осаде Перемышля. Под 1073 г. — о вторичном бегстве Изяслава в Польшу, походе Болеслава Смелого на Волынь и мире с волынским князем Георгием. Под 1074 г. Длугош рассказывал о попытке Болеслава взять Киев. Под 1075 г. — о новом походе на Киев, захвате его польскими войсками, а далее — об оставлении ими города в 1076 г. «Рассказ Длугоша, — писал И. А. Линниченко, — разбивается существенным образом на две половины: походы Болеслава Смелого на Киев, которых он насчитывает два, и военные действия его в землях Червенской и Волынской»⁵⁰. Первую часть повествования Длугоша исследователь считал сочиненной польским хронистом, но вторую принимал за достоверную, ошибочную лишь в определении времени событий⁵¹. Известие Длугоша о походах Болеслава II на Волынь И. А. Линниченко сопоставил с сообщением «Поучения» Мономаха о «пути» «на Сутейску мира творить с Ляхы» и без всяких доказательств почему-то решил, что речь в обоих источниках идет об одних и тех же событиях⁵². Столь же произвольно определил И. А. Линниченко и хронологию последних. Без какой-либо аргументации он вывел, что военные действия между Русью и Польшей имели место в 1073—1074 гг., а договор у Сутейска был заключен в 1074 г.⁵³

Спустя три года после выхода книги И. А. Линниченко в Кракове была издана работа польского историка А. Семковича, специально посвящен-

⁴⁸ НПЛ, стр. 189; ПСРЛ, т. I, стл. 171, 174; т. II, стл. 161, 163.

⁴⁹ ПСРЛ, т. I, стл. 182, 199; т. II, стл. 172, 190.

⁵⁰ И. А. Линниченко. Там же, стр. 112—114.

⁵¹ Там же, стр. 114—115.

⁵² Там же, стр. 115.

⁵³ Там же, стр. 116.

ная критическому анализу известий «Истории Польши» Яна Длугоша. Обстоятельный разбор сообщений Длугоша о войне в 70-е годы XI в. Болеслава Смелого с русскими князьями, его походах на Волынь, об осаде местных городов и т. п. привел А. Семковича к выводу, что все они являются вымышленными⁵⁴.

Показательно, что после появления труда А. Семковича исследователи при характеристике русско-польских отношений 70-х годов XI в. перестали цитировать Длугоша. Однако все они продолжали ссылаться на И. А. Линниченко, выводы которого строились с учетом показаний «Истории Польши» краковского каноника. Между тем, если данные Длугоша о событиях на русско-польской границе в 70-х годах XI в. недостоверны, то заключения И. А. Линниченко оказываются основанными лишь на «Поучении» Владимира Мономаха. А доводов в пользу датировки событий, связанных с поездкой Мономаха в Берестье и заключением мира у Сутейска, временем с 22 марта 1073 г. по сентябрь 1075 г. у И. А. Линниченко и его последователей не оказывается. Дилемма: 15 сентября 1068 г. — 2 мая 1069 г. или 22 марта 1073 г. — сентябрь 1075 г., таким образом, остается. Решение ее зависит от того, будут ли найдены положительные факты, прямо свидетельствующие о том, что рассматриваемые события разыгрались в один из двух периодов, или же будут указаны негативные данные, делающие невозможным отнесение этих событий к первому, или же, наоборот, ко второму хронологическому отрезку. Приходится констатировать, что прямых, положительных показаний в распоряжении исследователей нет. Но свидетельства негативного характера имеются.

Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что обстановка на Руси, как она рисуется по тому отрывку «Поучения», который предстоит датировать, не сходна с положением, которое, судя по тому же «Поучению», сложилось в Киевском государстве в сентябре 1075 — конце декабря 1076 г. В поход на чехов Владимир Мономах идет по приказу Святослава. И это естественно, поскольку в то время Святослав занимал великокняжеский стол в Киеве. Но охранять Берестье Мономаха посылают два князя. Туда он отправился зимой. Если поездку Мономаха отнести ко второму периоду, то это будет или зима 1073/74 г., или зима 1074/75 г. И в том, и в другом случае получается, что спустя несколько месяцев после изгнания Изяслава (вскоре после 22 марта 1073 г.) вопросы внешней политики и безопасности государства, являвшиеся прерогативой киевского князя, решались Святославом и Всеволодом совместно. Это находится в противоречии не только с последующим известием «Поучения» о посылке Мономаха «в Ляхы» одним Святославом, но и со свидетельствами других источников о втором изгнании Изяслава. По словам летописи, «Святослав же бѣ начало выгнатью братню, желая большее власти», именно он «сѣде Киевѣ»⁵⁵. Нестор в «Житии Феодосия Печерского» отмечает, что после занятия Святославом и Всеволодом Киева они «устремистася на прогнание брата своего, иже отъ всеа тоа области отгнаста его и тако възвратившася възспять. И единому сѣдшу на столѣ томъ брата и отца своего, другому же възвратившуся възспять въ область свою»⁵⁶. Не остается сомнений в том, что после второго удаления Изяслава в Польшу вся полнота власти оказалась в руках одного Святослава. Следовательно, посылка братьями Мономаха в Берестье не может быть датирована временем с 22 марта 1073 г. по сентябрь 1075 г.

⁵⁴ A. S e m k o w i c z. Krytyczny rozbiór dziejów polskich Jana Długosza. Kraków, 1887, s. 130—131.

⁵⁵ ПСРЛ, т. I, стл. 182, 183; т. II, стл. 172, 173.

⁵⁶ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 49.

В Берестье Мономах отправился, судя по «Поучению», из Владимира Волынского, в котором провел часть зимы. «По Велицѣ дни» он снова едет во Владимир. Наконец, после заключения мира с поляками у Сутейска, он возвращается «паки на лѣто Володимерю опять». Становится очевидным, что Владимир Волынский в то время был стольным городом Мономаха. Иная картина наблюдается в 1076 г. После рождения старшего сына Владимир Всеволодович отправился в Туров, оттуда — в Переяславль, а из Переяславля — обратно в Туров. В Турове и Переяславле он находился примерно с февраля по декабрь 1076 г. Ясно, что оба города принадлежали ему. Показательно также следующее. Вспоминая о первой поездке в Переяславль, Мономах подчеркнул, что он шел «Переяславлю отцю», сообщая же о второй поездке в этот город «на весну» 1076 г., Владимир Всеволодович уже не упомянул отца. Напрашивается естественный вывод, что в промежутке между первым и вторым приездами Мономаха в Переяславль на Руси произошло перераспределение княжеских столов. Владимир Мономах, до какого-то времени сидевший во Владимире Волынском, в 1076 г. обладал уже Туровом и Переяславлем. Переяславль — отчина его отца⁵⁷. Где же княжил тогда Всеволод? События начала 1078 г. застают Всеволода Ярославича в Чернигове — отчинном городе Святослава⁵⁸. Едва ли Всеволод мог получить или захватить Чернигов после смерти брата. Не видно никакой борьбы сыновей Святослава за отцовское наследство вплоть до того момента, когда Олег Святославич был лишен своего княжения. Скорее всего, Чернигов был отдан Всеволоду по соглашению самим Святославом Ярославичем. Среди трех центров южной «Русской земли» Чернигов был вторым по значению городом⁵⁹. Это объясняет, почему Всеволод предпочел Чернигов Переяславлю и почему в Переяславль перешел старший сын Всеволода Владимир Мономах.

Последний в своем «Поучении» сообщает, что в Чернигов к Всеволоду «Олегъ приде, из Володимера выведенъ»⁶⁰. Олег появился у Всеволода вскоре после возвращения на киевский стол Изяслава Ярославича⁶¹. Несомненно, что и выведен из Владимира он был Изяславом. До прихода в середине 1077 г. Изяслава Олег княжил во Владимире Волынском. Так, очевидно, было и при Святославе. Этим, в частности, можно объяснить то обстоятельство, почему именно Олега, а, скажем, не старшего сына Глеба, послал Святослав вместе с Владимиром Мономахом «на Чехы». И Олег, и Мономах сидели в самых западных, порубежных русских землях, и дружны этих князей целесобразнее всего было направить на помощь Болеславу Смелому. Если к сказанному о владениях Всеволода, Владимира и Олега добавить, что, будучи киевским князем, Святослав держал в своих руках Верхнее Поволжье — часть Ростовской земли, принадлежащей Всеволоду⁶², картина распределения столов между русскими князьями на 1076 г. станет довольно полной. Она свидетельствует не об отдельном перемещении какого-либо князя из одного города в другой, а о значительной перекройке политической карты Руси в середине 70-х годов XI столетия, происшедшей, как давно уже считают, после утверждения Святослава на киевском столе⁶³. Отсюда нужно заключить, что княжение Мономаха во Владимире Волынском имело место до 1073 г.

⁵⁷ НПЛ, стр. 182; ПСРЛ, т. I, стл. 162, 247; т. II, стл. 151.

⁵⁸ ПСРЛ, т. I, стл. 199; т. II, стл. 190.

⁵⁹ А. Н. Насонов. Там же, стр. 47—50.

⁶⁰ ПСРЛ, т. I, стл. 247.

⁶¹ ПСРЛ, т. I, стл. 199; т. II, стл. 190.

⁶² В. А. Кучкин. Ростово-Суздальская земля в X — первой трети XIII веков. (Центры и границы). «История СССР», 1969, № 2, стр. 69—70.

⁶³ См., например, М. С. Грушевский и др. Там же, стор. 62 и прим. 2; А. Е. Пресняков. Там же, стр. 46, и прим. 2. Одинаково датируя раздел между Свято-

Несоответствие данных, содержащихся в той части «Поучения» Владимира Мономаха, в которой говорится о посылке Мономаха братьями в Берестье, мире с поляками, поездках молодого князя во Владимир Волинский и т. д., политической обстановке на Руси в 1073—1076 гг. заставляет сделать вывод, что события, сопутствовавшие договору у Сутейска, произошли между 15 сентября 1068 г. и 2 мая 1069 г. Если вспомнить, что и первый «путь» Владимира Всеволодовича в Ростовскую землю относится ко времени после 15 сентября 1068 г., то все поездки Мономаха, перечисленные в его «Поучении» до «пути» «на лѣто Володимерю» включительно можно датировать 15 сентября 1068 г.— 2 мая 1069 г. Констатация этого факта вскрывает строгую хронологическую последовательность в перечислении Мономахом своих первых «путей». «Путь» к Ростову относится к осени 1068 г., из Ростова в Смоленск — к осени или зиме 1068 г., из Смоленска во Владимир Волинский — к зиме 1068/69 г. и т. д. Такая последовательность в свою очередь подтверждает в известной степени и предложенную датировку.

При ее принятии возникают, однако, некоторые трудности в интерпретации текста «Поучения». Так, при отнесении перехода Мономаха «на лѣто Володимерю опять» к весне — лету 1069 г. оказывается, что следующее за ним событие, упомянутое в «Поучении», — поход «до Чешьскаго лѣса» — произошло уже осенью 1075 г. Получается хронологический разрыв более чем в 6 лет. Такой разрыв кажется искусственным, но только на первый взгляд. В другом месте своего «Поучения», сообщив о смерти князя Ярополка Изяславича, Мономах сразу же переходит к описанию битвы с половцами по смерти своего отца⁶⁴. Ярополк был убит 22 ноября 1086 г.⁶⁵. Всеволод Ярославич скончался 13 апреля 1093 г.⁶⁶ Следовательно, о событиях самого конца 1086 г.— начала 1093 г. Мономах ничего не говорит, и в том, что в его «Поучении» встречаются довольно значительные хронологические пропуски, нет ничего необычного.

Из предложенной датировки вытекает также, что Изяслав, с которым Ставко Скордятич отшел к расположенному на границе с Польшей Берестью, не сразу после киевского восстания 15 сентября 1068 г. бежал к Болеславу Смелому, как можно думать на основании текстов Новгородской I летописи младшего извода, Лаврентьевской и Ипатьевской летописей⁶⁷, восходящих к Начальному своду и Повести Временных лет⁶⁸. Согласно «Поучению», Ставко Скордятич, направлявшийся вместе с Владимиром Мономахом из Ростова в Смоленск, миновал последний и пошел на соединение с Изяславом. По-видимому, осенью 1068 г. Изяслав находился где-то к северу от Киева и в сравнительной близости от Смоленска. Известно, что вместе с Изяславом в Польшу удалился его старший сын Мстислав⁶⁹. Но как Изяслав и Мстислав оказались вместе? В конце 1066 — начале 1067 г. Мстислав сидел в Новгороде. Напавший на Новгород полоцкий князь Всеслав Брючиславич разбил Мстислава, и тот вынужден был спастись бегством к отцу в Киев⁷⁰. В ответ на нападение Всеслава Ярославичи во главе с Изяславом выступили против полоцкого князя.

славом и Всеволодом, оба названных автора расходятся между собой в определении земель, принадлежавших каждому из князей. А. Е. Пресняков был ближе к истине, хотя и не все аргументы М. С. Грушевского были им поняты и разобраны.

⁶⁴ ПСРЛ, т. I, стл. 249.

⁶⁵ ПСРЛ, т. I, стл. 206; т. II, стл. 197 (под 6585 г.).

⁶⁶ ПСРЛ, т. I, стл. 216; т. II, стл. 207.

⁶⁷ НПЛ, стр. 189; ПСРЛ, т. I, стл. 171; т. II, стл. 161.

⁶⁸ А. А. Шахматов. Там же, стр. 217.

⁶⁹ НПЛ, стр. 191; ПСРЛ, т. I, стл. 173; т. II, стл. 163.

⁷⁰ НПЛ, стр. 186, 161; ПСРЛ, т. I, стл. 166; т. II, стл. 155.

3 марта 1067 г. на р. Немиге Всеслав потерпел поражение ⁷¹. Естественно полагать, что после разгрома Всеслава было восстановлено status quo, и в Новгороде вновь был посажен Мстислав. В таком случае станет понятным маршрут Изяслава, в какой-то точке пересеченный Ставко Скордятичем. Очевидно, после бегства из Киева Изяслав двинулся вверх по Днепру к Новгороду. Соединившись где-то на пути с Мстиславом и Ставком Скордятичем, он через Берестье ушел в Польшу. Реконструированный ход событий получает определенное подтверждение в тексте Синодального списка Новгородской I летописи. Под 6576 г. эта летопись сообщает, что «гнѣвъ божи бысть: придоша Половци и побѣдиша Русьскую землю. Въ то же лѣто высѣкоша кыянѣ Всѣслава испоруба. Томъ ж лѣтѣ побѣди Святослав половце у Снѣвска, а Изяславъ бежа въ Ляхы» ⁷². О бегстве Изяслава «в Ляхы» здесь сказано не после сообщения о восстании в Киеве («высѣкоша кыянѣ Всѣслава»), как в текстах, восходящих к Начальному своду и Повести Временных лет, а после известия о победе Святослава над половцами у Сновска. Черниговская запись ⁷³ о разгроме Святославом половцев сохранила точную дату события — 1 ноября 1068 г. ⁷⁴. Следовательно, Изяслав удалился в Польшу после 1 ноября 1068 г., и запись Синодального списка подтверждает показания «Поучения» о пребывании на Руси Изяслава спустя некоторое время после киевского восстания.

Вернемся теперь к вопросу о датировке переговоров у Сутейска. Они укладываются в те же рамки: 15 сентября 1068 г. — 2 мая 1069 г. Но Мономах точно указывает, что он был послан «ис Переяславля... мира творить с Ляхы» «по Велицѣ дни», т. е. после пасхи. Пасха в 1069 г. приходилась на 12 апреля ⁷⁵. Следовательно, мир у Сутейска был заключен где-то в начале второй половины апреля 1069 г.

Еще С. М. Соловьев отождествлял посылку Мономаха в Сутейск с отправлением посольства от Святослава и Всеволода к возвращавшемуся с польской подмогой на Русь Изяславу ⁷⁶. Киевляне, посадившие у себя Всеслава Полоцкого, опасались мести со стороны Изяслава. Всеслав, узнав, что на Киев идут Изяслав и Болеслав Смелый, бежал в свой Полоцк. Тогда киевляне, собрав вече, решили обратиться с просьбой о заступничестве к Святославу и Всеволоду. Те «посласта къ Изяславу, глаголюща: „Все-слав ти бѣжал; а ты не води Ляховъ къ Киеву, противна ти нѣту; аще ли хощени гнѣвъ имѣти погубити град, то вѣси, яко намъ жаль ти есть отня-стола“. То слышав Изяслав, остави Ляхы, поиде с Болеславом, мало Ляховъ поимъ» ⁷⁷. Анализ летописного рассказа и сообщения Мономаха позволяют подкрепить фактическим материалом предположение С. М. Соловьева. Так, отправление Владимира Всеволодовича на переговоры и посылка посольства от Святослава и Всеволода довольно точно совпадает хронологически. Киевляне созвали вече и направили своих гонцов к братьям на другой день после бегства Всеслава. По летописи, Всеслав сидел в Киеве 7 месяцев ⁷⁸. На киевский стол его возвели 15 сентября 1068 г. Следовательно, он бежал 15 апреля 1068 г. Киевское же вече собралось 16 апреля. Святослав и Всеволод сидели, по-видимому, в Чернигове и Переяславле. До этих городов из Киева добирались за день ⁷⁹. Посольство от Святослава

⁷¹ НПЛ, стр. 186; ПСРЛ, т. I, стл. 166—167; т. II, стл. 156.

⁷² НПЛ, стр. 17.

⁷³ Так считал А. А. Шахматов. См. его «Разыскания о древнейших русских летописных сводах». ЛЗАК, вып. XX, СПб., 1908, стр. 169—170.

⁷⁴ НПЛ, стр. 190; ПСРЛ, т. I, стл. 172; т. II, стл. 161.

⁷⁵ Л. В. Черепнин. Русская хронология. М., 1946, стр. 59.

⁷⁶ С. М. Соловьев. Там же, кн. I, т. 2, стр. 695, прим. 50.

⁷⁷ НПЛ, стр. 191.

⁷⁸ НПЛ, стр. 190; ПСРЛ, т. I, стл. 173; т. II, стл. 162.

⁷⁹ Ср. ПСРЛ, т. I, стл. 250.

и Всеволода к Изяславу могло отправиться уже 17—18 апреля, т. е. действительно «по Велицѣ дни» (спустя 5—6 дней после пасхи), как и вспоминал Мономах.

Чернигов и Переяславль как места пребывания Святослава и Всеволода в апреле 1069 г. прямо в летописи не названы, но судя по косвенным указаниям летописного рассказа, само собой подразумевалось, что киевское вече посылало вестников именно в эти города. Мономах же определенно пишет о том, что на Волынь он отправился из Переяславля, где сидел его отец. Снова наблюдается известное соответствие летописных свидетельств и данных «Поучения» о событиях, предваривших соглашение с Изяславом и мир в Сутейске.

Город Сутейск был расположен на самой границе Руси с Польшей⁸⁰. Переговоры с Изяславом также происходили, по-видимому, в каком-то порубежном пункте. Намек на это содержится в словах «Изяславъ, остави Ляхы, поиде с Болеславомъ». Если основная часть польских полков, будучи уже в походе, тем не менее не вступила в пределы Руси, то объяснить это можно тем, что соглашение Изяслава с послами от братьев не водить «Ляхов къ Кыеву», приостановившее движение войск Болеслава, было заключено где-то поблизости от русско-польского рубежа.

Изяслав выступал на переговорах как юридически главное лицо, реальная же сила принадлежала Болеславу. Летопись и «Поучение» отразили эту двойственную ситуацию, причем каждый памятник по-своему⁸¹.

Приведенных данных, кажется, достаточно для того, чтобы вслед за С. М. Соловьевым признать переговоры с Изяславом и соглашение в Сутейске одним событием. Тем самым становятся яснее условия мира с поляками в апреле 1069 г., о котором вспоминал Мономах. Очевидно, Болеслав Смелый принял предложения Святослава и Всеволода и отказался от активного и широкого вмешательства в русские дела. Посадив на киевский стол Изяслава, Болеслав II вернулся в Польшу. Его отношения с Русью были мирными. Они не нарушились даже тогда, когда Святослав и Всеволод вторично изгнали Изяслава и тот снова нашел прибежище в Польше. Дело было, конечно, не в субъективных пожеланиях Болеслава Смелого, а в той сложной международной обстановке, в которой оказался польский великий князь в 1073—1075 гг. 18 мая 1073 г. германский король объявил поход на поляков. Поход был назначен на 22 августа. От вторжения имперских сил Польшу избавило лишь восстание союзных Болеславу саксов, начавшееся в августе 1073 г.⁸² Осенью того же года Болеслав вмешался в междоусобную борьбу в Венгрии, оказав помощь противникам венгерского короля Соломона. В феврале 1074 г. Соломон был разбит, но в августе того же года он снова появился в Венгрии, на сей раз вместе с Генрихом IV⁸³. Неудивительно, что сбязанный событиями в Венгрии, опасаясь удара со стороны империи, Болеслав II дорожил союзом с Русью и на сей раз не поддержал Изяслава. Тот вынужден был искать помощи у злейшего врага польского великого князя — Генриха IV. Уже в январе

⁸⁰ Z. W a r t o ł o w s k a. Grod czerwieński Sutijsk na pograniczu polsko-ruskim. «Światowit», t. XXII, Warszawa, 1958, s. 17.

⁸¹ Ситуация, аналогичная сложившейся на Руси в апреле 1069 г., имела место в 1183 г. в Волжской Булгарии. Один из болгарских князей привел на своих соплеменников половцев. Их войско встретилось с русскими полками, шедшими на тех же болгар. При встрече было заключено соглашение, но не между русскими князьями и болгарскими, как следовало бы ожидать, принимая во внимание формальный момент, а между русскими князьями и половцами. Во всяком случае, летописец акцентировал свое внимание на последнем. ПСРЛ, т. I, стл. 389. То же самое, видимо, произошло и в 1069 г. на Руси, но летописатель XI в. отметил иную сторону переговоров. Ср. также события 1079 г. ПСРЛ, т. I, стл. 204; т. II, стл. 195—196.

⁸² T. G r u d z i ń s k i. Ibid., s. 150—151.

⁸³ Ibid., s. 178, 180, 186—188.

1075 г. Изяслав был у него в Майнце⁸⁴. Видимо, отказ Болеслава от помощи Изяславу обусловил тот польско-русский военный союз, результатом которого был поход Олега Святославича и Владимира Мономаха «до Чешьскаго лѣса».

Предложенная датировка этого похода (сентябрь 1075 г.— февраль 1076 г. как самые поздние сроки) дает ключ к пониманию некоторых событий, смысл которых до сих пор оставался не вполне ясным. Речь прежде всего идет о посольстве Генриха IV к киевскому князю Святославу Ярославичу. Известия о нем сохранились в русской летописи и Хронике Ламперта Херсфельдского. По летописи, «сли из Нѣмецъ» прибыли в Киев поздней весной или летом 1075 г. Запись об этом читалась в Повести Временных лет под 6583 мартовским годом после известия о начале строительства Успенского собора в Печерском монастыре⁸⁵. Строительный сезон, как известно, начинался весной. Отсюда примерное время приезда в Киев немецкого посольства. Ни о целях посольства, ни о результатах переговоров летопись ничего не говорит. Но она содержит глухой намек на разногласия между киевским князем и представителями германского короля. По словам летописи, Святослав, «величаяся», показал послам свое богатство, но те ответили, что богатство «ни въ что же есть» и лучшее богатство — войны⁸⁶. Ламперт Херсфельдский сообщает, что посольство было послано от Генриха IV. Во главе миссии стоял Бурхард, пробст Трирского собора. Целью посольства было добиться восстановления на киевском столе Изяслава Ярославича. В противном случае король грозил войной. Требования короля естественно были отвергнуты, но Бурхард возвратился в Херсфельд с богатыми дарами⁸⁷. Из последнего факта делаю иногда вывод, что «Святослав решил откупиться от неожиданного противника»⁸⁸. Но довольно странное требование уступить Изяславу Киев остается необъясненным. Говоря стилем современного исследователя, «у Генриха IV своих хлопот был полон рот... и угрожать Руси не приходилось»⁸⁹. Почему же тогда германский король добивался невыполнимого? Бурхард вернулся от Святослава в августе 1075 г.⁹⁰, т. е. накануне вторжения в союзную Генриху IV Чехию русских и польских войск. В связь с назначенным походом на Вратислава Чешского полков Олега и Владимира и надо поставить посольство «из Нѣмецъ». Вероятно король добивался расторжения русско-польского союза, как в свое время и предполагал Т. Грудзинский⁹¹. Последнее было необходимо Генриху для того, чтобы парализовать действия Болеслава и окончательно сломить сопротивление саксов, понесших тяжелое поражение под Херсфельдом. В случае отрицательной реакции со стороны Святослава Генрих IV угрожал поддержать Изяслава в его притязаниях на киевский стол. Основной цели посольство не достигло, поход состоялся. Видимо, последнее обстоятельство вынудило Генриха IV в августе или сентябре 1075 г. направиться в Чехию, оставив собственно германские дела⁹². Таким образом новая датировка похода Мономаха «за Глоговы» позволяет точнее понять ход событий, имевших место в Центральной и Восточной Европе в середине 70-х годов XI в.

⁸⁴ T. Wojciechowski. Ibid., s. 115.

⁸⁵ ПСРЛ, т. I, стл. 198; т. II, стл. 189.

⁸⁶ Там же, стл. 189—190.

⁸⁷ М. С. Грушевський. Там же, стор. 64; Повесть Временных лет, ч. II, стр. 409; В. Т. Пашуто. Там же, стр. 124; М. Б. Свердлов. О посольской «речи» в рассказе Повести Временных лет под 1075 г. ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968, стр. 330—332.

⁸⁸ М. Б. Свердлов. Там же, стр. 330.

⁸⁹ В. Т. Пашуто. Там же, стр. 124.

⁹⁰ T. Grudziński. Ibid., s. 77.

⁹¹ Ibid., s. 79—80.

⁹² T. Wojciechowski. Ibid., s. 187.

ПОЭТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ АРТЕМИЯ ВЕРИГИ-ДАРЕВСКОГО

Артемий Верига-Даревский — один из забытых белорусско-польских писателей прошлого века, деятельность и творчество которого сыграли прогрессивную и относительно заметную роль в развитии литературных связей двух славянских народов. Целесообразность обращения к его наследию определяется не просто малой степенью его изученности, но и особым обстоятельством, а именно — необходимостью устранить одну историко-литературную путаницу. Дело в том, что некоторые произведения Артемия Вериги-Даревского приписываются его современнику Александру Вериге-Даровскому¹. В частности, правильной атрибуции требует поэма «Беседа о земляке».

Некоторые отрывочные сведения об Артемии Вериге-Даревском встречаются в работах первых историков белорусской литературы. Так, В. Ластовский призывал в 1913 г. присылать ему биографические сведения об Артемии Вериге-Даревском. Исследователю было известно лишь, что этот писатель перевел на белорусский язык поэму А. Мицкевича «Конрад Валленрод» и написал стихотворение «Братам-літвінам», которое имелось в редакции газеты «Наша ніва».² Несколько больше белорусских произведений Вериги-Даревского называют М. Герецкий³ и особенно Е. Карский. Кроме стихотворения «Літвінам, запісаўшыся ў мой альбом на пажагнанне» («Братам — літвінам»), последний упоминает также «Думку хлопка з аколiц Віцебска на одглас вольносці», которая начинается словами: «Свецiць сонца, свецiць сонца!», и стихотворный отрывок, посвященный известному ученому и издателю Адаму Киркору⁴. Карский приводит текст этого отрывка вслед за брошюрой Р. Земкевича «Адам Гонорый Киркор»⁵.

Более подробные сведения о личности Вериги-Даревского привел Д. Василевский⁶. Работая в витебском архиве, он нашел там «Дело № 215 Витебского дворянского депутатского собрания о дворянском происхождении рода Веригов». К сожалению, это дело, очевидно, погибло во время войны и теперь исследователям недоступно.

Как видно из материалов, опубликованных Д. Василевским, Артемий (Артемиуш) — Августин Верига-Даревский был почти ровесником Александра Вериги-Даровского, что, кроме созвучности фамилий, оче-

¹ «Zbiór poetów polskich XIX w., księga druga». Warszawa, 1961.

² В л а с т. Памажыце! «Наша ніва», 1913, 12 сентября.

³ М. Г а р э ц к і. Гісторыя беларускае літаратуры. Вільно, 1920.

⁴ Е. Ф. К а р с к и й. Белорусы, т. III, в. 3, Пг., 1922, стр. 66—69.

⁵ Р. З я м к е в і ч. Адам Ганоры Киркор. Вільно, 1911.

⁶ Д. В а с і л е ў с к і. Ардём Ігнатавіч Вярыга і яго літаратурна-грамадская чыннасць. «Полымя», 1929, № 6, стр. 183—200.

видно, и послужило причиной путаницы. Он родился 23 октября 1816 г. в местечке Кубличи Лепельского уезда Витебской губернии, в семье обедневшего шляхтича, детство провел в Дисненском уезде.

В 1835 г., окончив учебу в Забельской гимназии, Верига-Даревский поступил на службу в Витебскую временную комиссию по ревизии деятельности губернского дворянского депутатского собрания. В 50-х годах он основал в Витебске библиотеку для разночинной интеллигенции и боролся за создание «народных школок и театра»⁷.

Помимо культурно-просветительской деятельности, Верига-Даревский занимался литературной работой и не был в стороне от политических веяний своего времени. Он был связан с национально-освободительным движением, которое усилилось на Витебщине с конца 50-х годов под влиянием польского освободительного движения. В 1858 г. писатель объездил многие города Белоруссии и Литвы, выступая везде с патриотическими речами. Несколько позже была предпринята поездка в латышские уезды Витебской губернии. По мнению Д. Василевского, Верига-Даревский должен был сблизиться с действовавшими там членами организации «Земля и Воля»⁸, однако это предположение не подтверждается пока фактами.

Деятельность Вериги-Даревского вскоре обратила на себя внимание местных властей. Над ним было установлено тщательное полицейское наблюдение⁹. Верига-Даревский принял участие в восстании 1863 г. Он возглавил группу витебской молодежи, которая 22 апреля 1863 г. вышла из города и направилась в сторону Орши, чтобы соединиться с повстанцами Могилевской губернии. Однако около почтовой станции Дыманово группа была рассеяна нижними чинами Витебской команды внутренней стражи. Об этих событиях свидетельствуют архивные документы¹⁰.

Благодаря случайному стечению обстоятельств Вериге-Даревскому временно удалось избежать ареста. Он вернулся в Витебск и начал готовить к выступлению новый отряд. Но в результате очередного доноса властям стало известно об этом, и 6 мая 1863 г. Верига-Даревский был арестован. Как одно «из главных лиц, участвовавших в подстрекательстве людей присоединиться к шайкам мятежников», будучи признан виновным «в намерении сформировать мятежническую шайку», Верига-Даревский был приговорен к сибирской каторге.

О сибирском периоде жизни Вериги-Даревского сохранились крайне скудные сведения. Известно, что вслед за писателем в Сибирь отправилась его дочь Габриэля и что он первоначально жил в селе Урик в 20 километрах от Иркутска. Из датированного 8 февраля 1869 г. ходатайства Габриэли Верига о разрешении на переезд в Тюмень (ходатайство осталось неудовлетворенным) мы узнаем, что в 1868 г. ее отец был освобожден от каторжных работ и поселился в самом Иркутске¹¹. Последние годы жизни (1881—1884) он провел на золотых приисках, в Витимской тайге¹²; там, вероятнее всего, и умер.

Такова, вкратце, биография Артемия Вериги-Даревского. Перейдем теперь к рассмотрению его литературного творчества. Он написал немало произведений на белорусском языке, которые поставили его имя рядом с именами В. Дунина-Марцинкевича, Я. Барщевского, Я. Чечота, В. Коротынского и других зачинателей новой белорусской литературы, которые

⁷ ЦГИА ЛитССР, ф. 1135, оп. 4, д. 391, л. 22 об.

⁸ Д. Васілеўскі. Там же, стр. 191.

⁹ См. об этом: Г. Кісялёў. Арцём Вярыга-Дарэўскі. «Полымя», 1966, № 5, стр. 168.

¹⁰ ЦГИА БССР, ф. 1430, оп. 1, д. 32302, л. 212.

¹¹ А. Семяновіч. Пра Арцёма Вярыгу-Дарэўскага. «Беларусь», 1959, № 8, стр. 27.

¹² Иркутский областной архив, ф. 89, оп. 1, д. 361, св. 22.

также являются белорусско-польскими писателями. Начиная с переводов и обработок белорусских народных песен и преданий, проповедуя «локальный», «литовский» патриотизм, они, писавшие ранее на польском языке, постепенно переходили к оригинальным произведениям на языке «местных простолюдиев».

Пока исследователям известны лишь считанные белорусские произведения Вериги-Даревского. Кроме названного уже стихотворения «Літва нам, запісаўшымся ў мой альбом, на пажагнанне» сюда относится «Плач салдаткі», являющийся отрывком из белорусской оперы «Грэх 4-ты гнеў». Это — взволнованный, скорбный монолог женщины, обращенный к водам Двины. Несчастливая солдатка упрашивает реку передать привет ее милому и ничего не говорить ему о том, что она нищенствует, ходит с детьми «па кусочках». В ответ река жалуется, что и ей нелегко, что и ее «сэрца бутаражыць шлякаць». Отрывок из оперы «Грэх 4-ты гнеў» свидетельствует о поэтическом даровании автора.

«Плач салдаткі» сохранился и дошел до нас благодаря тому, что в 1859 г. он был приведен в корреспонденции Вериги-Даревского, напечатанной в варшавском журнале «Рух музычны»¹³. Там же опубликован «Гімн да абразу цудоўнай маці божай Бялыніцкай над Дняпром», который также, очевидно, принадлежит Вериге-Даревскому. Хотя «Гімн» является по характеру произведением религиозным, однако в нем нашла также отражение беспросветная жизнь белорусского крестьянства, его стремление к лучшей доле. «Гімн» завершается призывом:

Сідкі ж ужо нам не стала,
Суонінька! Глянъ жа ж на дзетак!

Интересен факт, что процитированная корреспонденция подписана «Белорусская Дуда». Наряду с другими фактами, это свидетельствует о том, что псевдоним Дуда принадлежал не Александру Вериге-Даревскому, как об этом сказано в упоминавшейся антологии польской поэзии¹⁴, а Артемию Вериге-Даревскому. Кстати, под тем же псевдонимом последний опубликовал в журнале «Рух музычны» еще одну корреспонденцию из Витебска¹⁵. В ней говорится, что в результате проливных дождей белорусского крестьянина ожидает голод. Это наводит автора на грустные размышления, ибо «когда множество братьев опечалено, тогда нельзя отдаваться беззаботному веселью». В той же корреспонденции Верига-Даревский обещал читателям собрать для них богатый материал «о поэзии нашего простонародия», но обещания, кажется, не сдержал. Возможно, этому воспрепятствовало закрытие журнала в 1862 г. или чрезмерная придирчивость к белорусскому корреспонденту варшавской цензуры.

Опера «Грэх 4-ты гнеў», о существовании которой свидетельствует отрывок, приведенный в журнале «Рух музычны», не является единственным белорусским произведением Вериги-Даревского, которое до нас не дошло. Адам Киркор, который близко знал «Надвинского дударя», как называли Веригу-Даревского его друзья, писал в очерке «Белорусское Полесье», что Вериге-Даревскому принадлежат также белорусские сочинения «Гутаркі з пляндроўкі па зямлі латышскай», «Паўрот Міхалка» и «Быхаў». Кроме того, Киркор упоминает белорусский перевод «Конрада Валленрода», довольно распространенный в рукописях. «Как Марцинке-

¹³ «Ruch Muzyczny», 1859, № 49. Впервые «Плач салдаткі» обнаружил и опубликовал в газете «Ніва» (Белосток) М. Конопацкий. М. К а н а п а ц к і. Арцём Дарэўскі-Вярыга. «Ніва», 1962, 5 августа.

¹⁴ «Zbiór poetów polskich XIX w.», s. 748.

¹⁵ «Ruch Muzyczny», 1861, № 3.

вич, так и Верига, — говорится в очерке, — своими переводами („Конрада Балленрода“ и „Пана Тадеуша“, переведенного В. Дуниным-Марцинкевичем. — *Авт.*) оба доказали, сколько богатства и силы в белорусском языке. Оба поэта, кроме того, написали много белорусских народных песен. Они поются и до сих пор на всем протяжении Белорусского Полесья»¹⁶. В курсе лекций по истории славянских литератур, прочитанном в Краковском технико-промышленном музее, Киркор назвал еще два белорусских произведения Вериги-Даревского — поэму «Астульга» (очевидно, «Ахульга». — *Авт.*) и драму «Гордасць»¹⁷. Как явствует из переписки, обоих писателей¹⁸, Киркор действительно держал в руках названные произведения, однако с сомнением следует отнести к его утверждению, что все они были в свое время, в конце 50-х — начале 60-х годов, отпечатаны тиражом «в несколько тысяч экземпляров». Скорее всего, Киркора здесь подвела память, потому что тщательные поиски авторов этих строк, а также Г. Киселева и М. Конопцакого в советских и польских библиотеках пока не дали желаемых результатов. Кстати, названные издания не отмечены и в библиографии К. Эстрейхера.

Гораздо больше сохранилось произведений Вериги-Даревского на польском языке. Среди них особый интерес вызывает поэма «Беседа о земляке». Долгое время советским и польским исследователям не удавалось найти это редчайшее издание — оно считалось утерянным. Высказывались даже предположения, что его не существовало вообще, однако поэма действительно была издана в 1858 г. могилевским книгопродавцом И. Сыркиным — в каталоге его магазина числится 500 экз. этого издания¹⁹. Один экземпляр книги с дарственной надписью В. Коротыньскому видел в свое время белорусский библиограф Р. Земкевич²⁰. Выход поэмы был встречен восторженной рецензией на страницах варшавской «Газеты Цодзеннай», которая сравнивала автора поэмы с жаворонком, приветствующим «утренней песней весну»²¹. И все же, несмотря на это, до самого последнего времени таинственное издание оставалось библиографической загадкой; о тексте поэмы можно было судить только на основе небольшого отрывка в антологии 1961 г. и косвенных данных.

И вот недавно в отделе рукописей Центральной библиотеки АН Литовской ССР нам удалось найти загадочное произведение. Это — авторская рукопись, представленная виленскому цензору П. Кукольніку и дозволенная им к печати 28 июня 1857 г.²² Хотя на рукописи чьей-то рукой помечено, что она принадлежит Александру Вериге-Даровскому, однако почерк, которым она написана, а также другие обстоятельства неопровержимо свидетельствуют, что автором «Беседы о земляке» является Артемий Верига-Даревский и что, таким образом, ему принадлежит и псевдоним (Белорусская) Дуда, приписываемый Александру Вериге-Даровскому.

Поэма «Беседа о земляке» имеет во многом автобиографический характер. Как и Верига-Даревский, лирический герой поэмы родился над берегами Двины и Дисненки, много путешествует по белорусским городам,

¹⁶ «Живописная Россия», т. III, ч. 2, 1882, стр. 327.

¹⁷ А. Н. К и р к о г. O literaturze pobratymczych narodów słowiańskich. Odczyty publiczne w Muzeum techniczno-przemysłowym. Kraków, 1874, s. 54.

¹⁸ ЦГИА ЛитССР, ф. 1135, оп. 4, д. 391, л. 4 об., 5, 22, 22 об. и др.

¹⁹ ЦГИА ЛитССР, ф. 1240, оп. 1, д. 216.

²⁰ Письмо Р. Земкевича от 10 мая 1913 г. недавно поступило в отдел рукописей Фундаментальной библиотеки АН БССР и еще не описано.

²¹ «Gazeta Codzienna», 13 X 1859.

²² Рук. отд. Центр. библиотеки АН ЛитССР, ф. 9, ед. хр. 453. Полное название поэмы — «Gawędka o swojaku przez Białoruską Dudę. Z teki «Białoruskich obrazków», № 1.

выполняя какие-то таинственные поручения. Поэма полна намеков, недомолвок, аллегорий. Уже с детства ее лирический герой стремится к лучшему завтрашнему дню, когда «в мире будет царить всеобщая любовь». Он призывает перейти от общих рассуждений к действиям:

Więc do czynu! O, bracie!
W nim jest radość nasza!

В Минске и в Могилеве, куда приезжает герой поэмы, он встречает немало благородных юношей, которых тревожат «траурные мысли» о судьбе поработенной родины. Автор неоднократно прямо или косвенно намекает, что настала пора объединить все национально-патриотические силы общества ради благородных свершений.

Демократическая направленность поэмы, естественно, не осталась незамеченной цензором. Хотя П. Кукольник отличался снисходительностью и уступчивостью, однако его рукой все же вычеркнуты многие строки и даже значительные отрывки. Они заслуживают особого внимания, потому что являются еще одним доказательством демократизма Вериги-Даревского. Вот он повествует о том, как герой, шагая вечером по улицам города, заметил двуглавого орла, прикрепленного к белому зданию. Вид чиновнических учреждений вызывает чувство ненависти к царскому самодержавию. Приведем строки, перечеркнутые цензорским крестом:

I tak pędko go omija
Z ogniem wstydu, wzgardy, strachu,
Przeczytawszy: «Policya».
I mknie dalej: orzeł nowy.
Czyta: «Tu ziemski sąd niższy»,
A tam znów: «Sąd powiatowy»,
I ucieka, bardziej chyższy.

Когда юный герой поэмы приехал в Минск и попал на аристократический бал, среди танцующих пар он сразу заметил тех, кто не разделял всеобщего веселья —

A znać, że im serce boli,
Że nie chcą weselić wśród katuszy,
Tak kiedy co rodzinnego
Obcy duch nam schłania, niszczy, gubi...

Виленский цензор конечно же понял, о каком «чужом», губительном духе говорит автор. И поэтому процитированные строки, как и почти вся следующая страница, вычеркнута цензорским пером. Однако многие страницы, где использована символика, характерная для польской национально-освободительной поэзии, остались незамеченными. Вероятнее всего, на них обратили внимание только после выхода книги или еще позже, в связи с участием автора в восстании 1863 г. Только запоздалой конфискацией издания можно объяснить то, что до сих пор лишь один его экземпляр обнаружен в Вильнюсе Г. Киселевым.

В том же отделе рукописей хранится другое произведение Вериги-Даревского. Это — стихотворение «Markowi Sokolowskiemu i Aleksandrowi Chodeckiemu, chlubie narodowej, ulubionym naszym artystom od Białorusinów». Оно написано 18 декабря 1859 г. в связи с гастролями в Могилеве известных польских музыкантов гитариста М. Соколовского и пианиста А. Ходецкого и подписано настоящим именем и фамилией автора.

В стихотворении содержатся намеки на тяжелую народную участь, на предстоящие перемены:

O drodzy bracia wieńczeni laurami
Siostr nadobniejszych, niż nasza ziemia!
Jakiemiż nam dziś uczcić was darami,
Gdy bolą serca, a pali wstyd lica?

Od łona matki rzuceni daleko...
Zatrutym chlebem wciąż zdradnie karmieni:
Na odgłos życia — lzy tylko nam cieką
I pieśń Cherubów słuchamy strwożeni.

I cóż Ci dumy, bracio nam tak droga?
Weźcie choć lzy te z rodaczey miłości!
A może z Waszą melodią moc Boga
I ten dar zleje na zaród przyszłości...

Przyjmcież je, bracia! Wszak Waszemi tony
Przebudzon duch nasz, mknie aż tam, do Ojca,
Wszak ze krwi chrzczone i nasze zagony,
I myż ofiary z ojczyzny Ogrojca.

Przyjmcież, je, bracia! Ty z anielskim płaczem
Rzewnej gitary zlej, co nosim w łonie!
Ty w drgnieniu bozkich klawiszów rodaczem,
Nieście nas siostrom: Litwie i Koronie!... ²³

К концу 50-х — началу 60-х годов относятся еще два польских стихотворения Верига-Даревского, обнаруженные нами в краковском и вильнюсском архивах. Первое из них посвящено известному польскому поэту и революционеру, другу Т. Шевченко Эдварду Желиговскому (Антону Сове) и его товарищам, с которыми Верига-Даревский встречался в июле 1857 г. в имении Кушелева-Безбородки Лача. Стихотворение, подписанное псевдонимом Белорусская Дуда, заканчивается следующим обращением к Желиговскому и его единомышленникам:

Cześć tobie! Wam cześć, o dusze swojaczel!
Cześć ducha ciepłu, co tak siłą bozką
Tchnął życiodajnie na serca rodacze
Z tułacznych piersi silnych prawdą-troską

I pamięć dla Was! W tym zacisznym cieniu
Serce ze sercem, pierś z piersią ściśnijcie!
Jak w noc swe listki ów kwiat, a w zadnienu
I nam i Bogu kwitniejcie, kwitniejcie

Aż do tej chwili, w której świat się wznowi,
Gdzie runą głązy ćmiące prawdę hardzie.
Tam... Dowidzenia!.. Dzisiaj bądźcie zdrowi,
Syny Jordana! I ty, nasz Edwardzie ²⁴.

Завязавшиеся в Лаче творческие связи с Эдвардом Желиговским Артемий Верига-Даревский поддерживал в последующие годы. Он был активным корреспондентом газеты «Слово», издаваемой Желиговским в Петербурге в начале 1859 г.

²³ Рук. отд. Центр. библиотеки АН ЛитССР, ф. 21, ед. хр. 720, стр. 1.

²⁴ Рук. отд. Библиотеки Чарторьских в Кракове, вр. № (эв). 1630.

К какому-то конкретному лицу обращено стихотворение Вериги-Даревского «Ładnemu Kapelusikowi z Warszawy w upominku», датированное августом 1861 г. и подписанное инициалами А. В. Автор приветствует приехавшую в Витебск женщину, которая облачилась в траур в связи с расстрелом варшавских демонстрантов в феврале 1861 г.:

Pokłon tobie, mój nadobny
 Kapelusiku żałobny!
 Witamy Cię, gościu miły
 Z nad świeżej bratniej mogiły!
 Smuć się, luby, a za braci
 I Ruś Biała sercem płaci.
 W cieniu twym oczki siostrzane
 Jakieś rzewne, rozigrane,
 I swawolne, i płaczące,
 I po polsku czarujące...²⁵

Имеются сведения, что Верига-Даревский продолжал поэтическое творчество также в сибирской ссылке. В книге Мариана Дубецкого об одном из руководителей восстания 1863 г. на Волыни — Эдмунде Ружицком приведен полный текст «рыцарского рапсода», записанного из уст Вериги-Даревского товарищем по заключению²⁶. В «рапсоде» прославляется смелость Ружицкого, который выиграл нелегкое сражение под Салихом. В примечании к стихотворению говорится, что «во время этапного путешествия в Сибирь» и позже, в 1865—1866 гг., его автор написал несколько стихотворных отрывков о восстании 1863 г. Однако эти отрывки до нас не дошли.

В Центральном государственном историческом архиве Литовской ССР сохранилась переписка Вериги-Даревского с Киркором, опубликованные и неопубликованные корреспонденции в газету «Курьер Виленский», письма Вериге-Даревскому от известных польских писателей и издателей Аполлона Корженевского, Франтишка Дмоховского, Юзефа Сикорского, Александра Валицкого, Маврикия Оргельбранда и других. Там же имеется рукопись неопубликованной статьи о Вериге-Даревском белорусского революционера и ученого Бронислава Тарашкевича. По свидетельству С. Костялковского, эта статья была написана около 1912 г., когда Б. Тарашкевич окончил виленскую гимназию и поступил в Петербургский университет²⁷.

Переписка Вериги-Даревского с Киркором позволяет значительно расширить и уточнить перечень белорусских и польских произведений «Надвинского дударя». Так, из письма, датированного 26 января 1859 г., видно, что у Киркора действительно находилась драма «Гордасць», для печатания которой предполагалось продумать правила белорусской орфографии²⁸. Там же Верига-Даревский сообщал: «Я завершил вторую комедийку для народа „Хцівасць“; поправил и завершил с предисловием и авторскими пояснениями „Конрада“ („Валленрода“.— *Авт.*) и свою „пірадмоўку“ (предисловие.— *Авт.*) добавил „Гутаркі“ (очевидно, речь идет о „Гутарках з пляндроўкі па зямлі латышскай“.— *Авт.*) обрезал в соответствии с требованиями уважаемого нашего г. Кукольника и следуя советам дорогого нам Одынца и всех вас; предисловие заменил другим, белорусским. Трехактную комедию „Гутаркі“ и несколько польских поэм.

²⁵ ЦГИА ЛитССР, ф. 1135, оп. 4, д. 391, л. 2.

²⁶ M. D u b i e c k i. Edmund Różycki. Kraków, 1895, s. 82—85.

²⁷ ЦГИА ЛитССР, ф. 1135, оп. 4, д. 391, л. 89 об.

²⁸ Там же, л. 4.

я хотел бы теперь тебе послать, однако не уверен: будет ли польза из тех, что я оставил. Воздержался до искреннего твоего разговора со мной... Буду от тебя с нетерпением ожидать ответа на следующие вопросы. Пригодится ли для чего-либо оставленная мною писанина? Каким образом и когда? Присылать ли тебе еще: „Основание Могилева над Днепром“ в соответствии с престолярным преданием, „Дитя двух матерей“, „Пиршество над Неманом“, „Бедный наш Лукаш“, „Яшка и Тимошка“ — небольшие поэмы из белорусской жизни — и другие?»²⁹ Судя по написанию названий, последние пять произведений были созданы на польском языке.

Однако Киркор не торопился издавать произведения Вериги-Даревского. Возможно, он не разделял убеждений своего витебского друга или боялся осложнений с цензурой. Возможно, опасался, что белорусские книги не найдут читателя и поэтому не будут прибыльными. Во всяком случае, через несколько месяцев, 19 августа 1859 г., Верига-Даревский опять спрашивал у Киркора: «Что я должен делать с моими глупостями, которых насобиралось множество? Из них хотелось бы обязательно вымозолить что-либо и на хлеб насущный. Беда с цензурой, особенно для нас, которые бог знает какими стали монстрами... Белорусских произведений имею множество, без тебя не хочу ничего с ними предпринимать, но не посылаю, ибо не знаю, что там делаешь.

Будь со мной искренен, мой Адаме, не страшись затронуть мое самолюбие! Если тебе ни к чему оставленная писанина: „Паўрот Міхалка“, „Скромны ў бяседзе не страціць“, „Быхаў“ и драма «Гордасць» — отошли мне их обратно, ибо у меня нет черновигов... Небольшую поэму „Ахульта“ г-жа Сырокомлева должна была, взяв от мужа, отдать г. Мамерту Ренье. Не знаю, сделано ли так — если бы получить ее обратно, я был бы искренне обязан. Возьми ее себе, если это возможно»³⁰. В том же письме говорится, что названная уже «Гутарка з пляндроўкі па зямлі латышскай» объемом в 20 листов («arkuszy») родилась в результате поездки автора по Инфлянтам — северо-западной части Витебской губернии.

Вероятнее всего, указанные белорусские и польские произведения были возвращены Вериге-Даревскому. Во всяком случае, их нет среди бумаг Киркора, хранящихся в Вильнюсе и Кракове. Однако очередные неудачи не поколебали решимости Вериги-Даревского писать на «мужицком просторечии». В письме тому же Киркору от 13 октября 1862 г. говорится: «С Белорусчиной я не порвал. Это мой идеал. Может, напрасно ради него теряю силы? Что же делать...»³¹ Своими белорусскими произведениями Верига-Даревский пытался заинтересовать также польского писателя Аполлона Коженевского, который в свою очередь поручил ему собирать в Витебске подписку на журнал «Свят»³². Коженевский предлагал прислать ему лучшие произведения, написанные на белорусском языке. «Особенно, — говорится в письме к Вериге-Даревскому, — я хотел бы иметь драму (очевидно „Гордасць“). — *Авт.*: мне невыразимо нравится высказанная в ней мысль»³³.

Материалы, хранящиеся в ЦГИА Литовской ССР, свидетельствуют о том, что Верига-Даревский являлся не только поэтом и драматургом, но и способным публицистом, автором многих злободневных корреспонденций. Довольно плодотворным было сотрудничество писателя в газете «Курьер Виленски». В корреспонденциях Вериги-Даревского, подписан-

²⁹ Там же, л. 4 об., 5.

³⁰ Там же, л. 22, 22 об.

³¹ Там же, л. 31

³² Там же, л. 72. Журнал издаваться не начал.

³³ Там же, л. 71.

ных преимущественно сокращенным псевдонимом Б. Д... а (Белорусская Дуда), содержатся интересные сведения о значительнейших событиях в общественной жизни Витебской и Могилевской губерний. Автор ратует за «распространение просвещения в нашей Руси»³⁴, призывает помочь белорусскому крестьянину, критикует местных крепостников, которые не дают прорасти «семенам прогресса». Из-за этого некоторые корреспонденции Вериги-Даревского пришлось осторожному Киркору не по вкусу и не попали на страницы газеты.

Интересным памятником белорусской и польской литератур, красноречивым свидетельством их творческого взаимодействия является «Альбом» Вериги-Даревского. Это — своеобразный рукописный альманах, куда записывали свои произведения белорусские и польские писатели середины прошлого столетия. Разъезжая по городам Белоруссии и Литвы, Верига-Даревский брал «Альбом» с собой и давал читать собеседникам. Таким образом, у «Альбома» были свои читатели. Делая новые записи, они выражали свое согласие или несогласие с предшественниками, развивали их мысли. «Альбом» выступал в роли пропагандиста национально-освободительных, патриотических идей. В этом — его принципиальное отличие от популярных в XIX столетии семейных штаббухов.

Интересна история «Альбома». Он стал известен исследователям в начале XX столетия, однако с 40-х годов считался безвозвратно утерянным. Осталась только точная копия, снятая до войны Я. Хворостом и хранящаяся в отделе рукописей Центральной библиотеки АН Литовской ССР³⁵. Этой копией и пользовались авторы настоящей работы. И только в самое последнее время стало известно, что Г. Киселеву удалось в Вильнюсе отыскать оригинал «Альбома»³⁶.

В «Альбоме» Вериги-Даревского имеется восемь текстов на белорусском языке. Это — стихотворения В. Коротынского, Я. Вуля, М. Короткевича, А. Ренья и др. Три отрывка из своего перевода поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш» на белорусский язык записал В. Дунин-Марцинкевич. Все авторы единодушно хвалят Веригу-Даревского за его благородные намерения, за преданность общему делу. Некоторые авторы признают, что писать на родном, белорусском языке они стали благодаря примеру самого Вериги-Даревского. Во многих записях дается высокая оценка его поэзии, подчеркиваются ее гражданственность, свободолюбивые мотивы. Так, Ялегийш Вуль (Корбут), предостерегая Веригу-Даревского, что тот вступает на нелегкий, тернистый путь, что господа не простят ему «смелых песен», тем не менее, советует ему и впредь петь их только для «мужицкого мира».

Белорусские произведения, имеющиеся в «Альбоме» Вериги-Даревского, уже довольно обстоятельно рассмотрены в исследованиях Е. Карского, М. Горецкого, Г. Киселева. Однако не менее интересны записи на польском языке, которые до последнего времени не удостоивались особого внимания. А между тем в «Альбоме» представлены многие известные польские писатели.

Почетное право сделать первую запись в «Альбоме» Верига-Даревский предоставил Владиславу Сырокомле. Она была внесена поэтом 21 октября 1858 г. (а не в 1857 г., как принято датировать³⁷). Не обошлось без курьеза. Сырокомля не заметил, что на обложке имеется тисненное за-

³⁴ Там же, л. 5 об.

³⁵ Рук. отд. Центр. библиотеки АН ЛитССР, ф. 21, ед. хр. 722.

³⁶ ЦГИА ЛитССР, ф. 1135, оп. 1, д. 391-А.

³⁷ L. Kondratowicz. Poezye, wydanie zupełne, t. VII. Warszawa, 1872, s. 62.

лавие, и начал с ...последней страницы:

Wzywasz mię w książkę Twoich pamiątek,
 Abym uczynił dobry początek.
 Stawać na czołe skromność mię wzbrania,
 Bom nie stworzony do przodkowania. . . .

Кроме В. Сырокомли польская литература представлена в «Альбоме» такими именами, как И. Ходзько, А. Одынец, М. Малиновский, А. Зданович, А. Киркор и др.

В «Альбоме» есть белорусское стихотворение Вериги-Даревского «Літвінам, запісаўшымся ў мой альбом, на пажагнанне», опубликованное лишь в незначительных отрывках³⁸. Уезжая из Вильно, автор прочитал его на прощальном вечере, который состоялся 27 октября 1858 г. Для каждого из друзей, записавшихся в «Альбоме», поэт нашел несколько теплых слов. С особенной сердечностью обращается Верига-Даревский к Владиславу Сырокомле (Людвику Кондратовичу), называя его лучшие произведения:

Брат Людвік! Спявай, спявай!
 На край родны, на ўвесь свет,
 Заміраць душам не дай!
 Нехай цяцяць родны цвет.
 «Дамбарог» няхай жывець,
 Пакуль мы не аджывём,
 «Кус хлеба» няхай пльвець,
 А мы за нім папльвём.
 Будзь здароў, душа чысенька,
 «Каспаровых» дай нам сіл,
 Ты, брат, як неба радненька,
 Дарагі для нас і міл³⁹.

В заключение Верига-Даревский благодарит всех, кто оставил автографы в «Альбоме»:

Аставайцеся, добры людзі!
 Я вас усіх на дарогу
 У ксёнжцы прыцісну к грудзі!
 Дзякуй богу! Дзякуй богу!⁴⁰

Исследователям творчества Вериги-Даревского предстоит еще разгадать немало био-библиографических загадок. Особенно важно найти белорусские произведения «Наддвинского дударя», которые названы Киркором, — это значительно обогатило бы белорусскую литературу XIX столетия.

Или, например, такая библиографическая загадка. Основываясь на воспоминаниях Адриана Маркса, напечатанных в журнале «Люд» (номер и год не указываются), Д. Василевский в свое время приписывал Вериге-Даревскому авторство белорусской анонимной поэмы «Тарас на

³⁸ Оригинал стихотворения не сохранился. Точную копию снял Р. Земкевич, переславший ее в редакцию «Нашай нівы». Потом стихотворение находилось у И. Шутовича, который в 1968 г. передал его в отдел рукописей Библиотеки АН БССР. Рукопись еще не описана.

³⁹ Указ. рукопись, стр. 7.

⁴⁰ Там же, стр. 11.

Парнасе»⁴¹. Однако в журнале «Люд» нами обнаружены только два отрывка из воспоминаний жителя Витебска Максимилиана (а не Адриана!) Маркса, где ни слова не говорится о Вериге-Даревском⁴². О какой же публикации может идти речь?

Многое в жизненном и творческом пути Вериги-Даревского все еще остается неясным, загадочным. Необходимы дальнейшие библиотечные и архивные поиски, в которых весьма ценную помощь белорусским литературоведам могли бы оказать русские и польские слависты. Однако уже сегодня ясно главное: Артемий Верига-Даревский — не менее интересная и достойная внимания личность, чем его литературный «двойник» Александр Верига-Даревский. «Надвинский дударь» немало сделал для развития молодой белорусской литературы и укрепления ее творческой дружбы с польской литературой. Писатель-демократ, участник восстания 1863 г. и политкаторжанин, он достоин нашего пристального внимания и благодарной памяти.

⁴¹ Д. В а с і л е ў с к і. Там же, стр. 199. По утверждению автора, Маркс встречался в Сибири с Веригой-Даревским и привез оттуда рукопись поэмы.

⁴² W. B r u c h n a l s k i. Emilia Platerówna jako folklorystka, «Lud», t. XII, s. 183—186; Z pamiętnika M. Marksa, witebszczanina, «Lud», t. XXI, s. 136—153.

В. К. ЖИТНИК

МЕЛОДИКА В ПОЭЗИИ АНТОНИНА СОВЫ

«Если бы мы искали музыкальный инструмент, лучше всего выражающий голос поэзии Совы, это была бы скрипка», — заметил один из чешских критиков, сопровождая текстом записанную на пластинку литературно-музыкальную композицию из стихотворений поэта.

В этом субъективном мнении немало правды, тем более, что Антонин Сова унаследовал от отца музыкальные способности, с детских лет увлекался игрой на скрипке, причем играл виртуозно, и об этом своем увлечении неоднократно рассказывал в стихах читателям. О любви Совы к музыке свидетельствуют и такие его произведения, как «Квартет Сметаны „Из моей жизни“», и всевозможные музыкальные сравнения и даже гермины, которых немало в поэтических строках поэта.

Но, безусловно, музыкальная одаренность писателя, его музыковедческая осведомленность и заинтересованность — это не более чем штрихи к характеристике его личности, круга его интересов и тем. Литературоведу эти факты не могут служить основанием для выводов о музыкальности поэзии того или иного автора. Поэтому, говоря о музыкальности поэзии Совы, мы предполагаем, что музыка (мелодика) должна выступать как один из компонентов поэтической формы произведения, как органическая составная часть поэтики.

Уже в 1891 г., когда вышла вторая книга Совы «Цветы интимных настроений», стали заметны некоторые характерные особенности его поэзии, выраженные в названии сборника. В чешскую литературу пришел «поэт настроения», в его стихах воплощены самые что ни на есть субъективные переживания, через которые преломляется объективная реальность, изменяясь впоследствии иногда до неузнаваемости.

«Музыка настроения» — так назвал Сова одно из своих стихотворений. Соединение этих двух слов не случайно, как не случайно и обостренное до предела внимание Совы к мелодике своих стихов.

Известно, что для передачи настроения из всех формальных элементов стиха мелодике, а если говорить точнее — ритмомелодике, наряду с другими компонентами образности, принадлежит важная роль. В поэзии Совы значение ритмомелодики достигает такого уровня, какого не знали его чешские предшественники. Нельзя, разумеется, утверждать, что они были вовсе безразличны к этой стороне стиха; но они не ощущали потребности в таком использовании ритмомелодики, к какому пришел Сова; — это было бы для них лишней, ненужной орнаментацией стихотворения, только осложняющей читателям путь к пониманию содержания его. У Совы же ритмомелодика выступает одним из первых средств выражения самого содержания поэзии.

Посмотрим, например, как использует Сова звукопись в стихотворении «Закат». Прообразом строфической формы этого стихотворения послужил сонет, но не в его классическом итальянском варианте, который в

данном случае был неприемлем для Совы постольку, поскольку исключал соседство более чем двух одинаковых рифм. Сове же для того, чтобы передать при помощи звукописи иллюзию вечернего звона, этого мало: он нарушает классический канон и в результате получает, помимо интересной симметрии в рифмовке двух катренов (aabb bbaa), четыре одинаковые рифмы подряд, которые поэт дополняет еще внутренней — в третьей строке. Итак, иллюзия вечернего звона создана, но для Совы — эвфониста это только первый этап, так сказать, черновая работа. Дальше идет ювелирная, «мягкие, смолкающие тона»: осязаемые то сильнее, то слабее отклики, отголоски этого перезвона. Прежде всего стихотворение инструментуруется на гласный *o*, начиная с ассонансов в рифмах 1 (do polí-topoly), которые тем самым перекликаются с рифмами 2, и кончая богатым ассонансом восьмой строки с тремя дифтонгами *ou*¹. Эти ассонансы подкрепляются аллитерациями *z — s — c*, ключ к которым кроется в словах *zvuky zvonu*. Они слышатся тем отчетливее, что общий фон стиха смягчается сонорным *m*. В то же время *m*, соединяясь с предыдущим гласным, также создает звуковой образ звона (*sám, jsem, šum-, -ly m-, chém, něm, -chem, -lém, strom-*). Так же, как и сонорный *n* (по преимуществу в рифмах: *den, sklon-, ston-, zvon-, ton-, skon-*).

Sám vyšel jsem si do polí.
Vstříc šuměly mi topoly,
den že byl v sklonu, v tichém stonu
v něm rozlily se zvuky zvonu,

pár měkkých zmlkajících tónů,
letících echem v náhlém skonu,
přes keře, stromy, přes stvolu,
hasnoucí hloubkou údolí.

Дальше рассказ ведется так:

I měsíc bílý jako sníh
se přišel dívat v oblacích,
jak slunce zvolna v bezdnu mizí.—

To jako ženy bílá skrání
by s věčnou touhou zřela naň.

Však poutník zmizel, věčně cizí.²

Звон утихает, от него остается только едва слышное звучание (*z — s — c*), которым инструментуется стихотворение до самого конца. На его фоне еще раз отчетливо слышится отголосок колокола (*zvoln-*, почти *zvon*), потом далекие отзвуки (трижды повторенный дифтонг), которые замирают одиноким *ou* в последней строке.

Мимходом обратим внимание на строфику. Вначале идет период из восьми строк (два катрена), дальше — предложения укорачиваются. Соответственно этому и строфы — сначала три строки (первый терпет), потом — две и наконец — одна. Символично это должно обозначать: полная луна, со временем она заходит и видно ее все меньше и меньше. Здесь мы имеем дело с графической, зрительной иллюстрацией, которая,

¹ Инструментовка на *ou* вообще очень распространена в поэзии Совы. Ср.:

Mé louky teskní vůní mdlou a vody sešeřeny jsou,
a přes přívozy stíny jdou a všechno planou je už hrou.

A. S o v a. Ještě jednou se vrátíme... Praha, 1959, s. 67.

² A. S o v a. Květy intimních nálad a jiné básně. Praha, 1960, s. 101.

так же как и звуковая, подчинена идейному замыслу стихотворения (вспомним и название последнего — «Закат»).

Испытав себя в жанрах пейзажной и интимной лирики, Антонин Сова в сборниках, изданных позже, отдает дань поэзии гражданской: гневной, избличающей, боевой. Одна его книга называется «Сочувствие и протест», и эти слова как нельзя точнее определяют облик Совы — поэта-гражданина: сочувствие ко всем «униженным и оскорбленным» и протест против несправедливого общественного строя. Уже на склоне своего творческого пути Сова издал книгу «Надежды и боли» — и это тоже знаменательно: его всегда волновали страдания родного народа и надежды на его грядущее счастье.

Вместе с тем в 1900 г. появился сборник Совы «Мы еще раз вернемся...». Куда же ведет своих читателей поэт? Куда захотелось ему еще раз вернуться? Он снова идет к давно знакомым местам, снова проходит лесами, полями и селами своей юности, где когда-то, почти десять лет назад, срывал «цветы интимных настроений». Но читатели, идущие за ним, пусть не спешат верить обещанию, данному в заглавии, ибо места, куда они попадут, покажутся им хотя и знакомыми, но в то же время новыми. Голос поэта окреп, стал абсолютно самобытным, перед нами — художник, уверенной рукой шлифующий самоцветы поэзии, открывая удивленным зрителям все новые и новые, самые тонкие грани человеческой души и окружающей природы.

О сборнике «Мы еще раз вернемся...» написано немало. Писали о нем и хорошее, и плохое. Здесь мы не будем оценивать его достоинства и недостатки. Скажем только, что, наверное, одна уже противоречивость критических мнений свидетельствует о том, что сборник этот — явление не обыденное в чешской литературе. О многом говорит и тот факт, что заключенные в фашистском концлагере чешские студенты, украдкой по памяти переписывая в свой миниатюрный сборничек любимые произведения мировой поэзии, включили туда стихи Совы, а среди них и «Мы еще раз вернемся...». Один из бывших узников вспоминает: «...С Совой мы стремились в наш край и к нашей природе, куда однажды мы снова вернемся»³.

Говоря о ритмомелодике стихотворений Совы, трудно найти материал более благодарный, чем этот сборник. Арсенал художественных приемов, при помощи которых достигается мелодичность стихов, здесь удивительно богат. В первую очередь назовем один, занимающий среди всех, как нам кажется, главное место. Он последовательно сопровождает все творчество Совы и достигает в книге, о которой мы говорим, своего апогея. Поэтому остановимся на нем подробнее.

Речь идет о звуковых повторах. Мы подразумеваем под этим не только повторение минимальных звуковых единиц, как это было в стихотворении «Закат», но и повторение больших звуковых комплексов. Этим приемом Сова владеет виртуозно, причем изобретательность его воистину неиссякаема.

Прежде всего отметим повторение отдельных слов. Как пример, приведем строки из стихотворения «До прибытия поезда».

Za noci modré, modré a tmavé.
Hlasy zdvih vítr a slábl a sláb.
A my jsme byli tak sami a sami.
A přece zdá se mi, snáz je mi snáze. ⁴

³ «Chléb poesie. Čítanka z Oranienburgu. Moravská Ostrava — Praha, 1945, s. 13.

⁴ A. S o v a. Ještě jednou se vrátíme... Praha, 1959, s. 17. В дальнейшем цифра после цитаты или после названия стихотворения будет обозначать страницу данного издания.

Аналогичные повторы видим также в стихотворениях: «Перед весной» (11), «У залива» (30), «В гротескном свете» (34), «Луна зимой» (56), «В ледяном объятии» (57), «Песня в летнюю ночь» (78), «Эклога» (79), в лирической сцене «Мечтательный флирт» (106).

Интересную функцию выполняет повтор в стихотворении «Ляргю долгих вечеров»: он способствует созданию образа эха, соединяющего две души.

Pouhým echem moji duše byla její duše,
jež rozbíje se v bazaltových skalách,
tím echem, které vyvoláš rád jednou
a jež zní prázdně, když se stále stejně ozývá,
dnes, zítra, zítra, dnes, ó, dnes i zítra. (66)

Почему именно в таком порядке поставлены слова последней строки? Думаем, что к этому побудило автора только одно: воссоздать эхо, о котором говорится в стихотворении. Как размещены здесь слова? Dnes, zítra, дальше идет зеркальное отображение — zítra, dnes, на смену которому приходит новый зеркальный ответ — dnes i zítra. Казалось бы, можно и возразить: в физике отражение звука не имеет ничего общего с отражением лучей. Да, но вот что при этом получается: организованная таким образом строка содержит в себе два повторяющихся слова: zítra, zítra и dnes, ó, dnes, что и создает звуковой эффект эха.

Позже этот простой прием Сова доведет до совершенства — в стихотворении «Меланхолия» из «Книги любви и жизни». Каждая строфа начинается одним и тем же словом и кончается им же, дважды повторенным. Таким образом троекратное:

Vzpomínej, vzpomínej.
Vzpomínej...⁵

что трижды появляется в стихотворении через одинаковые промежутки времени, создает непередаваемое настроение горечи утраты.

Иногда повторяемые слова идут не непосредственно друг за другом, а разграничены текстом. В таком случае у Совы формальным проявлением этого служит анафора:

Pojď než květ opadne bílý.
Pojď v moje náručí (77)

Kořist, jež vaši bodla pýchu.
Kořist, jež lásku vaši množí. (85)

Иногда Сова комбинирует: лексический повтор, а потом, через несколько строчек, — повторение этого повтора. Читаем стихотворение «В гротескном свете»:

Tesknota byla
na věcech kolem a ve mně, a ve mně. (34)

Излишне говорить, что Сова, как и каждый крупный художник, прибегает к повторам не только ради музыкального оформления стиха: повторяются и, тем самым, акцентируются слова, несущие на себе наибольшую логическую нагрузку. В данном случае это подчеркнуто еще и тем, что повторяемые слова вынесены в конец строки. Таким образом, внимание читателя сосредоточено на том, что грусть наполняет не только все окру-

⁵ А. С о в а. Květy intimních nálad a jiné básně, s. 214—215.

жающее, но и — главное — все естество поэта. Но автору надо подчеркнуть, что эта печаль и берет свое начало в душе поэта. И несколькими строками ниже он говорит:

Nejvíc jí bylo ve mně, ve mně.

Сова пропускает всего лишь союз «а». Но как много этим достигнуто! Ритмически строка организована так, что читатель на месте союза вынужден делать паузу. Таким образом, дважды, как будто бы отдельно, обособленно от всего предыдущего изложения, повторяется вот это *ve mně*, принимая на себя всю логическую нагрузку строфы.

И уже совсем иначе — как напоминание читателю, как последний вздох автора — звучит то же самое слово в финальной строке стихотворения:

Cekal jsem,— a ta tesknota ve mně.

Случаются комбинации и более сложные. Так, скажем, лексический повтор:

A ven_a ven, kams na kraj černých lesů,—

а дальше дублирование этого повтора в сочетании с повтором следующей группы слов:

A ven a ven s motýlem pasek světlých,
s motýlem slunečním a s kobylkou...

A ven a ven... Takový svátek slunce,
takový svátek vůně bláznivé.

(«Ясный день», 13)

Повторение группы слов, какого-то отрывка фразы или же целой фразы в сборнике Сова встречается чаще всего — это и в стихотворении «Я загрустил по красному маку» (52), и в сцене «Мечтательный флирт» (105, 108), и наиболее сконденсировано — в «Отрывке сказки»:

Větry rovinou táhnou od moře podzimních krajů,
větry rovinou táhnou přes hlavy slunečnic zlatých.
Větry rovinou táhnou, ach, a pobřeží svítí,
pobřeží svítí a pastýř vysoko v salaši píská.
Tady jsme žili se svou vysněnou, zdá se, že věky,
Po jejím odchodu smutno, po jejím odchodu pusto. (125)

Однако очень часто Сова употребляет повторы, разграниченные довольно большим отрывком текста. При этом наблюдается тот же принцип, что и при повторении отдельных слов: как правило, лейтмотивом проходит фраза (или несколько фраз) ключевая ко всему стихотворению, призванная сосредоточить на себе дополнительное внимание читателя. Поэтому не удивительно, что автор, случается, выносит ее и в заглавие. «Ještě jednou sevrátíme...» (9), «Mdlé března paprsky» (12), «Kdo vám tak zduchal tmavé vlasy» (67), «Princezna Lyoleja» (68), «Dnes byl by večer» (112), «Dej mi ruku...» (129—131) — все эти фразы в одноименных стихотворениях встречаются по несколько раз.

Бывает, что при повторении поэт несколько трансформирует фразу:

Ničeho, co je z dneška nebudjí se.
Ničeho nebojí se, vše je zjevné. (96)

Или:

Ani nevím, mám-li zająsat, anebo smát se, anebo plakat.

И позже:

A nevím ani, mám-li zająsat anebo plakat. (64)

Или же:

Byl tenkrát podzim nádherný a chladný.

И потом:

Nádherný podzim byl... (141)

Лексические повторы Сова сочетает с синтаксическими:

Po jeho modru se leskne sníh,
po jeho stínu se točí lesy,
po jeho hře smutné led potoků dých. (56)

A na její čelo, a na její bobaté pletence vlasů,
a na její oči. (64)

Отсюда один только шаг к градации:

Nezatančíš mezi hroby?
Nechceš zpívat píseň žití,
by se všecko probudilo
k nové síle, k mukám větším,
k nadějším, jež jaro cítí,
k vašní, kterou vzrůsta dílo,
frygická jež čapka zdobí,
k větším zlům a nebezpečím? (130)

Широкое использование у Совы получают синтаксические параллелизмы:

Nejmenší mluví ratolestí,
nejtenčím zpívá bzukem brouka. (85)

Vlažné nebe nad tichem alejí,
jarní píseň nad svěžím hájem.
Spadlé květy třešňových závějí... (121)

Все эти лексические и синтаксические средства Сова щедро обогащает звукописью, вплетает рифму — звонкую классическую рифму, внутреннюю рифму. Она всплывает подчас совершенно неожиданно:

Angrešty nerudnou ještě. (22)

Hle, božské dítě brouká, houká. (85)

Hřbitov máme, Pohřbíváme. (129)

Она является тем последним компонентом, который завершает музыкальную постройку его стихов.

A čekal jsem, to dlouho již..., já čekal... Dvorec stměl
i háj se stměl, večer se stměl a vůně prudké měl. (90)

Она увлекает читателя в такую сферу чувств, в которой уже неощутима граница, где кончаются слова и начинается музыка:

O, vilí dnes těla být líbana chtěla
tak celá, tak celá. (86)

Внутренние рифмы, лексические повторы, аллитерация (говоря о которой, нельзя не вспомнить шевченковское «неначе ляля в льолі білій») — все здесь, да и не только здесь, выступает взаимосвязанно, в комплексе.

Итак, мы говорили об отдельных элементах поэтической формы, при помощи которых Сова достигает мелодичности своих произведений. Говорили об этом, ибо мелодичность — первое, что отмечают критики, как только речь заходит о поэзии Сова. Мы старались вычлениить эти элементы из общей канвы стиха, чтобы лучше показать творческую лабораторию художника. Но вместе с тем хотелось бы особенно подчеркнуть, что все упомянутые элементы — инструментовка стихотворения аллитерациями и ассонансами, внутренние рифмы, повторение отдельных слов, так же как и целых фраз, синтаксические параллелизмы, градация и т. д. — выступают в поэзии Сова в совокупности и именно благодаря этой совокупности достигается та удивительная гармония, которую мы старались вскрыть холодным скальпелем анализа.

Т. В. ПОПОВА

О ПРЕДМЕТЕ МОРФОНОЛОГИИ, ИЕРАРХИИ 'АНАЛИЗА' И ЕДИНИЦАХ ОПИСАНИЯ МОРФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА

Чередования фонем, относимые в ведение морфонологии, представляют собой фрагмент структуры языка¹, т. е. фрагмент его плана выражения. Изучением явлений плана выражения занимается и фонология. Однако есть принципиальная разница между фонологическим и морфонологическим описаниями этих явлений. В фонологии план выражения оказывается безразличным к знаковой организации текста (ср., например, данные об инвентаре фонем, которые не нуждаются в обращении к плану содержания). Морфонология же, оставаясь в рамках плана выражения, анализирует последний через призму морфологии, когда нерасчлененный, единый план выражения разбивается на означающие знака². Поэтому, например, сообщение типа «в русском литературном языке имеется чередование *к ~ ч*» явно не достаточно, так как в нем отсутствуют необходимые сведения о тех грамматических категориях, которым свойственно это чередование. Иными словами, морфонология занимается изучением организации таких явлений плана выражения, которые несут в себе определенную морфологическую информацию.

В чем же суть этих явлений? Какое место они должны занимать в описании языка? Целесообразно ли давать самостоятельное, автономное описание морфонологических явлений?

Постараемся дать ответ на эти вопросы.

*

В определенном ряду морфонологических элементов возможно устранение дистинктивной функции фонологических различий. Так, например, в русском языке корневая морфема в системе словоформ глагольной парадигмы настоящего времени *пеку* ~ *печешь* ~ *печет* ~ *печем* ~ *печете* ~ *пекут*, которая манифестируется в морфах *пек-* (2 раза) и *печ-* (4 раза), едина и неизменна по своему лексическому значению³, несмотря на фонологическое различие между фонемами [к] и [ч], являющимися частью означающих этой морфемы. Фонологическое различие между [к] и [ч] оказывается, таким образом, несущественным, избыточным на уровне

¹ Мы принимаем, что «отношения между означаемыми образуют функциональную систему языка», а «воплощение этой системы в означающих составит структуру языка, его реальное строение» (см. Н. Д. Арутюнова. О значимых единицах языка. Сб. «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968, стр. 103).

² Н. Д. Арутюнова. Там же, стр. 114—115.

³ М. М. Гухман. Грамматическая категория и структура парадигм. Сб. «Исследования по общей теории грамматики», М., 1968, стр. 124.

системы словоформ одного слова, реализующих грамматическую категорию лица в словоформах глагола с грамматическим значением настоящего времени. Однако нельзя игнорировать тот факт, что различие между [к] и [ч] на уровне противопоставления отдельных словоформ одного слова выполняет особую маркирующую роль (наряду с системой флексий); и именно в этом случае отношение между [к] и [ч] начинает функционировать как чередование. Каждая ступень чередования (т. е. [к] или [ч]) становится при этом одним из показателей (или маркеров) словоформ, отличающих их друг от друга⁴.

Итак, фонологические различия морфов одной морфемы могут трактоваться по-разному в зависимости от того, рассматриваются ли они на уровне системы словоформ одного слова или же на уровне противопоставления этих словоформ. В первом случае фонологические различия должны быть отнесены к нерелевантным явлениям избыточности. Во втором случае эти различия в какой-то мере⁵ перестают быть избыточными, так как наряду с флексиями составляют систему маркеров словоформ одного слова: при этом в определенные регулярные отношения, обусловленные морфологически, вступают такие фонемы, которые на уровне фонологии могут и не образовывать коррелятивных связей.

Заметим, что по своей структуре маркеры являются или простыми, или сложными (комплексными). В словоизменении, например, простые маркеры реализуются только во флективных морфемах; при наличии комплексного маркера показателем каждой словоформы служит не только флексия, но и ступень чередования⁶. Маркеры словоформ одного слова составляют переменный компонент в пределах словоизменительной парадигмы; каждый маркер функционирует как основной различительный признак словоформы в плане выражения. При этом можно допустить, что ступень чередования — это минимальный различительный признак разбитого на означающие плана выражения (им может быть дифференциальный признак, отдельная фонема или сочетание фонем); сам он не обладает знаковой функцией, но сопутствует другим несущим знаковую функцию различительным признакам, которыми могут быть флексии или словообразовательные суффиксы.

Таким образом, две (и более) словоформы одной парадигмы различаются между собой при помощи определенных маркеров, которые являются или простыми по своему строению (флексия) или комплексными (флексия + ступень чередования). Есть, по-видимому, все основания считать, что две (или более) словоформы не могут различаться между собой только наличием ступени чередования, т. е. таким различительным признаком, который не обладает знаковой функцией. Ступень чередования — это всегда лишь сопутствующий, второстепенный элемент в наборе маркеров данной словоформы⁷. Ср. соотношение словоформ *сту<ч>у* ~ *сту<ч>ишь* и *гля<ж>у* ~ *гля<д>ишь*, где в первом случае роль маркера выполняют

⁴ Таким образом, в словоизменении морфонологическое чередование выступает как признак слова (т. е. как признак всей парадигмы); отдельная ступень чередования является признаком отдельной словоформы. В словообразовании и же морфонологическое чередование — это признак целого деривационного ряда (или гнезда слов), а ступень чередования — признак одного из слов-derivатов. В данной статье речь идет, в основном, о функционировании словоизменительных чередований.

⁵ Как будет показано ниже, словоформы одного слова различаются прежде всего при помощи флексий; чередование фонем при этом играет лишь вспомогательную роль. Поэтому фактор избыточности, в сущности, всегда присутствует в чередованиях и является их характерной чертой.

⁶ Е. Курдюкович. Структура морфемы. В кн.: Е. Курдюкович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 84—85.

⁷ Е. Курдюкович. Там же, стр. 84.

только флексии, а во втором — флексии и ступени чередования. (Даже в словоформах с внутренней флексией типа русских *нов~новъ* нельзя считать, что чередование [в] ~ [в'] является основным и единственным способом словопроизводства: словоформа *нов* характеризуется прежде всего нулевой флексией, имеющей значения 'краткого прилагательного, мужского рода, именительного падежа, единственного числа', и дифференциальным признаком 'твердость' конечного согласного основы; словоформа *новъ* характеризуется омонимичной нулевой флексией, имеющей значения 'существительного, женского рода, именительного падежа, единственного числа', и дифференциальным признаком 'мягкость' конечного согласного основы⁸. Аналогичное положение наблюдается и в словоформах типа *вбды ~ водбы*, где словоформа *водбы* характеризуется флексией -ы, имеющей значения 'существительного, женского рода, единственного числа, родительного падежа', и дифференциальным признаком 'ударение на флексии', а словоформа *вбды* — омонимичной флексией -ы со значением 'существительного, женского рода, множественного числа, именительного падежа' и дифференциальным признаком 'ударение на корне'). Не может быть, следовательно, словоформ без грамматических морфем; могут быть словоформы с нулевыми морфемами. Не может быть и словоформ, относящихся к одной парадигме, с тождественными грамматическими морфемами; могут быть словоформы с морфемами-омонимами. Однако без маркера-не знака словоформа может существовать. Поэтому невыраженность чередования фонем в системе словоформ нельзя квалифицировать в качестве нулевого признака данных словоформ, ибо это — отсутствие чередования в собственном смысле слова, т. е. минусовый признак⁹. Так, например, в болгарском языке в словоформах *кон* и *радост* мы должны констатировать не отсутствие флексий, а наличие двух омонимичных нулевых флексий, имеющих значения: первая — 'существительного, мужского рода, единственного числа' и вторая — 'существительного, женского рода, единственного числа'. Различие же между маркером, реализованным флексией, и маркером — ступенью чередования можно проиллюстрировать следующим примером. В болгарском языке при сопоставлении словоформ *белина* и *жалост*, обозначающих абстрактные понятия, мы для словоформы *белина* отмечаем наличие флексии -а, имеющей значения 'существительного, женского рода, единственного числа'; для словоформы *жалост*, которая не имеет материально выраженной флексии, мы тем не менее также должны отметить наличие флексии; в данном случае флексия является нулевой, имеющей те же значения 'существительного, женского рода, единственного числа'. В парадигме же настоящего времени глаголов I спряжения *пека ~ печеш ~ печеш... и чета ~ четеш ~ чете...*, несмотря на наличие одних и тех же флексий, следует говорить о различных морфонологических реализациях данных глаголов: некоторые словоформы от *пека* характеризуются наряду с системой флексий и чередованием [к] ~ [ч]; словоформы же от *чета* характеризуются только системой флексий. В случае *чета ~ четеш...*, даже имея в виду параллельные образования *пека ~ печеш...*, нельзя считать, что дифференциальный признак 'периферийности', который

⁸ В. В. Лопатин, И. С. Улуканов. К соотношению единиц словообразования и морфонологии. Сб. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969, стр. 131.

⁹ Иными словами, материальная невыраженность маркера может быть интерпретирована двояко: по отношению к маркеру, обладающему знаковой функцией, следует говорить о нулевом маркере (например, нулевая флексия); по отношению к маркеру, не несущему знаковой функции, следует говорить о минусовом маркере (например, отсутствие чередования). Под нулевым маркером понимаем функционально нагруженное отсутствие показателя, под минусовым — отсутствие показателя, компенсируемого каким-либо иным способом.

характеризует [к] по отношению к [ч] в глаголе *пека*, имеет нулевой показатель в парадигме глагола *чета*: он просто отсутствует, являясь минусовым.

Таким образом, система одних словоформ имеет комплексные маркеры, состоящие из флексий (в словоизменении) и ступеней чередования; система других словоформ характеризуется простыми маркерами — одними флексиями. Основная функция показателя (или маркера) словоформ закрепляется поэтому за флексиями; чередование играет лишь вспомогательную роль. Данный факт находится в ряду тех причин, которые вызывают ослабление значимости морфонологических чередований и в некоторых случаях их элиминацию, что является одной из характерных тенденций развития систем современных славянских языков (например, русского)¹⁰.

Итак, предметом морфонологии мы будем считать те минимальные различительные признаки разбитого на означающие плана выражения, которые сами по себе не несут знаковой функции, но выполняют определенную маркирующую роль на уровне противопоставления словоформ одного слова (или противопоставления двух слов, связанных каким-либо способом словопроизводства). Морфонология, следовательно, изучает маркеры-не знаки (т. е. маркеры словоформ, реализующиеся минимальными единицами плана выражения) и отвлекается от исследования маркеров-флексий, маркеров-суффиксов и т. п. (т. е. маркеров-знаков).

Выше указывалось, что означающие знаков не образуют системы, а составляют лишь структуру языка, в которой воплощается функциональная система, образованная отношениями между означаемыми знаками. Исходя из этого, считаем, что маркеры-не знаки отдельных словоформ, представляющие собой часть тех языковых средств, которые материально выражают значимые оппозиции в языке, составляют морфонологическую структуру языка. Целесообразность самостоятельного выделения этих явлений в особую область лингвистики заключается в том, что структура маркеров-не знаков характеризуется определенными закономерностями и строгим соотношением всех элементов, которые можно описать при помощи моделей; предсказуемость выбора того или иного маркера находится в прямой зависимости от твердых правил моделирования, присущих грамматической системе языка. Каждому слову (как парадигматическому и синтагматическому целому) свойствен свой собственный набор морфонологических средств.

Отсюда следует, что изучая морфонологические элементы языка, необходимо освещать и их функциональное содержание, т. е. указывать на принадлежность маркера-не знака к той или иной грамматической или словообразовательной модели. Особенно это важно по отношению к маркерам, которые оказываются омонимичными с точки зрения их фонемной реализации. Так, например, чередование [к] ~ [ч] в русском языке является приметой и глагольной парадигмы настоящего времени *пеку ~ печешь..* и словообразовательного типа 'существительное ~ мотивированное уменьшительное существительное на -ок-/-к-(*сук ~ сучок*)' и т. п. Поэтому соотношение любых фонем (в данном случае [к] и [ч]), рассмотренное само по себе, без обращения к морфемному строению текста, может быть только предметом фонетики или фонологии, но не морфонологии. Морфонологическая же интерпретация соотношения фонем [к] и [ч] возможна лишь при условии разбиения текста на означающие знака, т. е. при условии обращения к знаковой структуре текста. При этом функ-

¹⁰ См. сб. «Словообразование современного русского литературного языка». М., 1968., стр. 12—13; Р. В. Бахтурина. Морфонологические условия образования отглагольных глаголов с суффиксом -а-/-и-(*м*). Сб. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966.

циональная характеристика соотношения фонем, тождественного с точки зрения материального содержания, будет меняться в зависимости от того, в границах означающих как и *x* означаемых находятся данные фонемы. Иными словами, любая фонема (или сочетание фонем) возводится в ранг ступени чередования только в качестве компонента словоформы, которая противопоставляется другой (или другим) словоформе той же парадигмы (или в качестве компонента слова-derivата, связанного отношениями словопроизводства с другим словом-derivатом). Ср.: в болгарском языке [к] в *пека* ~ *печеш*, наряду с флексией *-а*, является показателем (маркером) глагола 1 л. ед. ч. наст. вр., а в *дъвча* ~ *дъвчач* — наряду с суффиксом *-ач*, показателем производного отглагольного существительного на *-ач*. В этом случае нельзя не согласиться с М. М. Гухман, которая пишет: «Любой морф¹¹ или комплекс морфов имеет валентность грамматического маркера только в качестве компонента определенной словоформы, т. е. в сочетании только с известным классом основ: ср. в русском языке морф *-у*, который в сочетании с глагольной основой оказывается маркером 1-го лица единственного числа настоящего времени, в сочетании с основой существительного женского рода — маркером винительного падежа единственного числа, а с основой существительного мужского рода — маркером дательного падежа единственного числа»¹².

При изучении морфонологической структуры языка важно четко отграничивать те маркеры, которые являются приметами словоформ, принадлежащих к одной парадигме, от маркеров, участвующих в различении слов, связанных отношениями производности. Важно, следовательно не смешивать морфонологическую структуру словоизменительной подсистемы и морфонологическую структуру словообразования. Необходимость такого разграничения вызвана самой природой словоизменительных и словообразовательных моделей¹³. Словоизменительные модели в значительно большей степени характеризуются предсказуемостью и универсальностью, чем словообразовательные модели¹⁴; эти последние обычно больше, чем словоизменительные, зависят от лексического фактора (так, возможность или невозможность образования производной формы обуславливается лексической спецификой производящей основы) и даже от контекста. Поэтому и реализация морфонологических чередований в словообразовании более ограничена и менее универсальна, чем в словоизменении. Ср., например, чередование заднеязычных с шипящими, которое характеризует в русском языке все глаголы I спряжения настоящего времени типу *пеку* ~ *печешь...*, *могу* ~ *можешь...* (с редкими исключениями, ср. *тку* ~ *ткешь...*); но это же чередование свойственно далеко не всем словам, реализующим словообразовательный тип 'именная основа на заднеязычный ~ производное существительное на *-ец*': оно отсутствует в названиях жителей с суффиксом *-ец*, тогда как для других образований на *-ец* является обязательным¹⁵.

¹¹ Здесь «под морфом понимается любой минимальный различительный признак плана выражения как несущий сам знаковую функцию, так и сопутствующий другим морфам-носителям знаковой функции» (М. М. Гухман. Там же, стр. 163, сноска 66).

¹² М. М. Гухман. Там же, стр. 125.

¹³ Там же, стр. 123, 133—134; Н. А. Голсон. Bulgarian Inflectional Morphology. гл. VII, § 4. Mouton. The Hague — Paris, 1968; Об этом же говорил Э. Станкевич в докладе, прочитанном в Институте русского языка АН СССР, 16 ноября 1967 г., и в ряде других своих более ранних работ.

¹⁴ К. Курилович. О природе так называемых «аналогических» процессов. В кн. Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 94.

¹⁵ Н. А. Еськова. О некоторых морфонологических явлениях современного русского языка (На материале образований с суффиксом *-ец* от географических названий с основой на заднеязычные согласные). Сб. «Топонимастика и транскрипция». М., 1964, стр. 79.

В связи с этим заметим следующее. Хотя изучение морфонологических чередований ограничено рамками морфемы, нельзя не учитывать того, что выбор модели чередования происходит только благодаря существованию морфемы в составе словоформы. Если же в качестве того «поля», на котором осуществляются морфонологические процессы, будет выбрана морфема, а не словоформа, то это не даст возможности разграничить словоизменительные и словообразовательные формы.

Итак, предметом морфонологического анализа являются те звуковые различия в нескольких морфах (не менее двух), служащие маркерами и-незнаками и словоформ, которые не разрушают единства морфемы. В вопросе о единстве морфемы мы сталкиваемся с одной из важнейших процедур лингвистического анализа; только определение четких принципов этой процедуры даст возможность наметить границы предмета морфонологии. Это — процедура отождествления морфов, в которых манифестируется одна морфема. Как известно, критерием установления тождества двух (или более) языковых элементов является тождество выполняемой ими функции. Функциональное тождество свидетельствует об отношениях между вариантами какой-либо одной единицы (в данном случае между морфами одной морфемы); функциональное различие — об отношениях между инвариантами (реально — между морфами разных морфем)¹⁶. Напомним, что функционально тождественные элементы могут быть физически различны. Для морфонологии важно именно физическое различие функционально тождественных морфов, манифестирующих одну морфему.

Что же является критерием того единственного и неизменного набора морфов, который бы реализовывал в плане выражения одну морфему? Как установить границы варьирования морфов одной морфемы? Можно ли, например, в болгарском языке морфы *пиш-* в словоформе *пиша* (1 л. ед. ч. наст. вр.) и *пис-* в словоформах *писах* (1 л. ед. ч. аор.) и *писач* (отглагол. сущ.), различающиеся формально и являющиеся семантически сходными, считать принадлежащими одной морфеме? Рассмотрим этот конкретный случай.

Прежде всего разграничим между собой словоформы *пиша* и *писах*, с одной стороны, и *писач*, с другой. Словоформы *пиша* и *писах* относятся к одной глагольной парадигме, т. е. являются словоформами одного слова¹⁷. И хотя морфы *пиш-* и *пис-* имеют разный фонологический облик, они функционально тождественны, так как реализуют одну словоизменительную морфему, входящую в состав одного слова. В одном ряду с этими словоформами, реализующими парадигму изолированного слова и принадлежащими словоизменительной подсистеме, нельзя рассматривать словоформу *писач*, поскольку она связана со словоформами *пиша* и *писах* не парадигматическими, а словообразовательными отношениями и поэтому переносит нас уже в словообразовательную подсистему языка. Однако мы можем установить словообразовательный тип 'глагол ~ отглагольное существительное на -ач (*пиша* ~ *писач*)', и в этом случае сходные семантически, но различающиеся фонологически морфы *пиш-* и

¹⁶ Ср.: «Под инвариантным значением мы понимаем грамматическое значение, сохраняющееся во всех контекстах при любом употреблении данной формы, т. е. значение, лишенное всякой избыточности». (А. В. Исаченко. Бинарность, привативные оппозиции и грамматические значения. «Вопросы языкознания», 1963, № 2, стр. 45). Ср. также: «Если понятие инварианта было отнесено к ее содержанию (т. е. к содержанию морфемы, — Т. П.), то понятие вариантов сохранилось. ... только для плана выражения. Инвариант означаемого стал соотноситься с вариантами означаемого (или точнее с разными означаемыми)». (Н. Д. Арутюнова. Там же, стр. 99).

¹⁷ Мы принимаем, что на словоизменительном уровне слово рассматривается как «потенциальная совокупность словоформ» (М. М. Гухман. Там же, стр. 122).

пис- также можно признать функционально тождественными и принадлежащими уже одной словообразовательной морфеме, характеризующей данный словообразовательный тип. Отсюда следует, что в словоизменительной подсистеме набор морфов, составляющий понятие одной морфемы, целесообразно ограничить парадигмой одного слова; в словообразовательной подсистеме понятие одной морфемы ограничено морфами тех слов-derivатов, которые связаны отношениями словопроизводства и реализуют определенный словообразовательный тип. Таким образом в морфонологическом анализе необходимо строго различать словоизменительные и словообразовательные морфемы.

*

Остановимся подробнее на анализе морфонологических средств словоизменительной подсистемы.

Поскольку мы установили, что явления, относимые в ведение морфологии, получают свой морфонологический статус только и исключительно через призму морфологической системы, то полагаем, что и анализ этих явлений также должен производиться только через стадию грамматического анализа материала. Морфонологический анализ подчиняется, таким образом, иерархии анализа тех единиц, которые определяются для словоизменительной системы на морфонологическом уровне анализа. Этими единицами являются: 1) грамматическая категория как совокупность однородных грамматических значений, представляющая собой класс лексических единиц, или слов; грамматическая категория существует и вычленяется только в парадигме; 2) слово, рассматриваемое в его грамматическом аспекте как потенциальная совокупность словоформ (парадигма или парадигматический ряд); 3) набор словоформ одного слова, являющийся реализатором парадигмы; 4) единичная словоформа как выразитель частного значения, входящего в объем содержания той или иной грамматической категории.

Этим грамматическим единицам словоизменительной подсистемы соответствуют следующие единицы морфонологической структуры языка. Каждая грамматическая категория характеризуется определенным морфонологическим, или альтернативным рядом¹⁸. В русском языке, например, морфонологическим признаком грамматической категории лица в словоформах глагола II спряжения, имеющих значение настоящего времени, с основой на губные согласные служит альтернативный ряд [бл' ~ б', пл' ~ п', вл' ~ в', фл' ~ ф', мл' ~ м']: *люблю ~ любишь...*, *куплю ~ купишь...*, *ловлю ~ ловишь...*, *графлю ~ графись...*, *кормлю ~ кормишь...* Каждый альтернативный ряд состоит из звена в ряду¹⁹. Отдельное звено характеризует систему словоформ каждого слова из группы слов, имеющих аналогичную фонологическую структуру, т. е. звено характеризует парадигму каждого такого слова. Так, например, звено [бл' ~ б'] свидетельствует о единстве глагола настоящего времени *любить* в совокупности его словоформ и о единстве других глаголов с инфинитивной основой на [б']; звено [пл' ~ п'] свойственно глаголам настоящего времени с инфинитивной основой на [п'] типа *купить* в совокупности всех словоформ каждого глагола и т. п. Звено состоит из ступеней чередования или альтернантов; каждый альтернант является маркером-не знаком какой-либо конкретной словоформы. Так, в звене [бл' ~ б'] альтернант [бл'] служит приметой глагольной словоформы 1 л. ед. ч. наст. вр., а альтернант [б'] —

¹⁸ С. Б. Бернштейн. Введение в славянскую морфонологию. «Вопросы языкознания», 1968, № 4, стр. 53.

¹⁹ Там же, стр. 55.

приметой глагольных словоформ 2, 3 л. ед. ч. и 1, 2, 3 л. мн. ч. наст. вр. Можно предположить, что морфонологический ряд чередований представляет собой определенный набор фонологических единиц, различающихся между собой по каким-то общим всем звеньям признакам (см. об этом ниже).

Схематически иерархию морфонологических единиц анализа можно представить следующим образом:

Альтернативный ряд	Звено ряда	
	альтернант I	альтернант II
	бл' пл' вл' фл' мл'	б' п' в' ф' м'

Итак, в словоизменительной подсистеме основными единицами, существенными для выделения морфонологических единиц, являются, во-первых, грамматическая категория как класс слов, во-вторых, слово как потенциальная совокупность словоформ, и, в-третьих, словоформа как выразитель частного значения. Минимальной единицей в данной иерархии является словоформа. Поэтому анализ морфонологической структуры должен исходить прежде всего из грамматического анализа конкретных словоформ.

Любая словоформа существует только в ее противопоставлении хотя бы одной другой словоформе. Как уже указывалось, противопоставление словоформ не возможно без наличия взаимосвязи между лексической основой и разными формативами-маркерами, отличающими одну словоформу от другой. Лексическая основа выступает при этом как постоянная, а маркер — как переменная величина. На этой специфике противопоставления словоформ базируется и их грамматический анализ, учитывающий две оси рассмотрения словоформ — вертикальную и горизонтальную²⁰. Процедура анализа этих единиц на вертикальной оси предполагает рассмотрение набора словоформ одного слова; при этом выделяются формативы-маркеры каждой конкретной словоформы. В данном случае постоянной величиной является лексическая основа слова, а переменной — система словоизменительных маркеров. Анализ словоформ на горизонтальной оси имеет целью проверить статус выделенных маркеров; делается это путем подстановки отдельных конкретных словоформ разных слов к каждому выделенному маркеру. В этом случае в качестве постоянной величины выступает маркер, в качестве переменной — лексическая основа. Не вызывает сомнения важность анализа словоформ именно на горизонтальной оси, так как только эта процедура «позволяет определить строгость правил моделирования данных словоформ, порог их предсказуемости»²¹.

Итак, морфонологический анализ занимается вычленением и изучением тех звуковых различий в нескольких морфах, которые не разрушают единства морфемы; они являются минимальными различительными признаками разбитого на означающие плана выражения и выполняют функ-

²⁰ М. М. Г у х м а н. Там же, стр. 126.

²¹ Там же, стр. 126.

цию маркеров-не знаков словоформ. Из этого следует, как уже говорилось выше, что маркеры-знаки (т. е. флексии и словообразовательные суффиксы) исключаются из данного анализа. Морфонологическое описание, таким образом, призвано дать свод альтернативных рядов, реализуемых в отдельных звеньях, с указанием их функциональной значимости (или грамматической насыщенности), а также — установить порядок альтернантов (т. е. определить направленность чередования в отдельных звеньях).

*

В каких же терминах следует описывать единицы морфонологического анализа — в терминах фонетики или фонологии?

Поскольку мы признаем грамматическую обусловленность морфонологических явлений, то, по-видимому, существенными для морфонологии мы должны считать лишь такие различия в звуковых оболочках одной морфемы, которые фонетически не обусловлены, т. е. не вызваны современными звуковыми законами. Описание чередований в терминах фонетики стирает ту принципиальную разницу, которую при исследовании морфонологической структуры языка следует постоянно и четко проводить между фонетически обусловленными (или так называемыми автоматическими альтернативами) и фонетически не обусловленными изменениями звуков (или неавтоматическими, собственно морфонологическими альтернативами). Так, например, в терминах фонетики мы должны были бы дать совершенно недифференцированно как случаи $\langle c \rangle$ ломать ~ $\langle ш \rangle$ шить и $be[s]ы \sim be[ш]еный$, так и случаи $голо\langle c' \rangle$ тяк ~ $голо\langle c \rangle$ той и $be\langle c' \rangle$ ить ($be[s']енок \sim be[s]ы$). Однако распределение звуков $c \sim ш$ в словах *ломать* ~ *шить* и $c' \sim c$ в словах *холостяк* ~ *холостой*, с одной стороны, и звуков $c \sim ш$ в словах *бесы* ~ *бешеный* и $c' \sim c$ в *бесенок* ~ *бесы*, с другой, объясняется по-разному. Так, наличие звуков c и $ш$, а также c' и c в первом случае обусловлено фонетической позицией²². Что касается распределения звуков c и $ш$ в словах *бесы* ~ *бешеный* и c' и c в *бесенок* ~ *бесы*, то их фонетическая необусловленность не вызывает сомнения: выбор того или иного звука объясняется здесь только правилами построения данных конкретных словоформ.

Поэтому очевидно, что при морфонологической интерпретации звуковых реализаций морфов одной морфемы необходимо строго отличать все фонетически обусловленные изменения звуков, или автоматические альтернативы, от фонетически необусловленных изменений, или неавтоматических альтернатив²³. Только неавтоматические альтернативы, т. е. морфонологические чередования в собственном смысле этого слова, несут в себе определенную морфонологическую информацию, являясь одним из видов маркера-не знака той или иной словоформы.

Кроме того, обращение только к фонетической природе звуковых изменений таит в себе опасность неадекватного описания, которая особенно реальна в том случае, когда предметом морфонологического исследования служит не одна языковая система, а несколько (например, при сопоставлении морфонологической структуры разных диалектов одного языка или при составлении морфонологической типологии нескольких родственных языков). Оперирование звуками — без обращения к их фонологическому статусу — может привести к ошибочным выводам относительно функциональной значимости звуковых единиц в двух или более язы-

²² Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. Изд. 2. М., 1954, стр. 84, 97.

²³ См. С. Б. Бернштейн. Там же, стр. 54.

ковых системах. Например, морфологическая характеристика словоформ единственного и множественного числа слова *кокошка* в двух болгарских говорах — в ихтиманском (ед. *ко̀кбшка* ~ мн. *ко̀кбшки*)²⁴ и банатском (ед. *ку̀кбшка* ~ мн. *ку̀кбшк'и*)²⁵ — совпадает: словоформа единственного числа образуется с помощью флексии *-а*, словоформа множественного числа — с помощью флексии *-и*. Морфонологическая же характеристика, данная в фонетических терминах, окажется различной: парадигмы слова *кокошка* в ихтиманском и банатском говорах попадут в разные группы (в ихтиманском говоре — в группу тех существительных, парадигмы которых образуются без изменения конечных согласных основы, ср. *ко̀кбш<к>а* ~ *ко̀кбш<к>и*; в банатском говоре — в группу тех существительных, парадигме которых свойственно изменение конечных согласных основы, ср. *ку̀кбш<к>а* ~ *ку̀кбш<к>и*). Конечный результат анализа морфонологической структуры данных словоформ, осуществленный в фонетических терминах, следует признать неверным, так как важнейшая для морфонологического анализа сторона — выявление функциональной значимости звуковых единиц в аспекте морфологии (или их грамматическая насыщенность) — интерпретируется ошибочно: им придается различная валентность, хотя и в том и в другом говорах признак твердости — мягкости заднеязычных согласных перед гласным переднего ряда *и* является позиционно обусловленным, т. е. нерелевантным (в данной позиции противопоставление по твердости — мягкости нейтрализуется в двух говорах). Поэтому хотя в ихтиманском и банатском говорах конечный согласный основы слова *кокошка* в словоформе множественного числа реализован разными согласными, мы должны приписать им одинаковый статус с морфонологической точки зрения, а именно: парадигмы слова *кокошка* в ихтиманском и банатском говорах характеризуются отсутствием чередования конечного согласного основы; степень чередования, свойственная словоформам множественного числа, выражается слабыми по твердости — мягкости фонемами²⁶: [*k/k'*] в ихтиманском говоре и [*k'/k*] — в банатском²⁷.

²⁴ М. Младенов. Ихтиманский говор. София, 1967, стр. 67.

²⁵ Ст. Стойков. Банатский говор. София, 1967, стр. 173.

²⁶ Если морфы одной морфемы материально нетождественны, а их различный звуковой состав фонетически обусловлен, то можно считать, что с точки зрения морфологии чередование отсутствует. Иными словами автоматические альтернативы не являются чередованием, а слабые фонемы одного из морфов морфемы, которые входят в фонемный ряд, возглавляемый сильной фонемой другого морфа, не образуют самостоятельной ступени чередования. Поэтому как словоформы *ко̀кбшка* ~ *ко̀кбшки*, так и словоформы *ку̀кбшка* ~ *ку̀кбшк'и* характеризуются отсутствием морфонологического чередования на месте конечного согласного основы, хотя фонетический облик рассматриваемых морфов и различен: в первом случае морфы тождественны и в фонетическом, и в морфонологическом отношениях (*ко̀кошк-* ~ *ко̀кошк-*), во втором — налицо мена согласных *к* ~ *к'* и, следовательно, морфы являются нетождественными в фонетическом и тождественными в морфонологическом отношениях (*ку̀кошк-* ~ *ку̀кошк'-*).

²⁷ Слабые согласные фонемы, употребляющиеся в позиции неразличения дифференциальных признаков твердости — мягкости или глухости — звонкости, обозначаются нами дробью, где числителем выступает тот согласный звук, который употребляется в данной конкретной позиции, а знаменателем — соотносительный согласный противоположного качества, например [*д'/д*] или [*д/д'*] — слабая по твердости — мягкости взрывная переднеязычная звонкая согласная фонема; [*т/т'*] или [*д/т*] — слабая по глухости — звонкости взрывная переднеязычная твердая согласная фонема. Так, парадигма имен существительных женского рода на *-а*, с основой на твердый заднеязычный согласный в юго-западном украинском говоре с. Саджава характеризуется альтернативным рядом, звенья которого образованы звуками *к* ~ *ч'*, *г* ~ *з'*, *х* ~ *с'* (ср. им. ед. *толока* ~ дат.-местн. ед. *толоц'і*, *дорба* ~ *дорбз'і*, *блэ́а* ~ *блэ́с' і*). Поскольку звуки *ч'*, *з'*, *с'* употребляются только в словоформах дательного и местного падежей единственного числа в позиции перед гласным переднего ряда *і*, которому предшествуют в саджавском говоре только мягкие согласные, то с морфонологической точки зрения 'мягкость' этих согласных не является релевантным признаком; данный альтернативный ряд должен

Таким образом, фонетический уровень отражает все автоматические альтернативы, которые вызываются, без сомнения, не морфологическими, а действующими в настоящее время фонетическими причинами. Поэтому они не релевантны на уровне морфологии, не составляют морфологической структуры языка и не должны быть предметом морфонологического описания. Все закономерные фонетические изменения, охватываемые понятием фонемного ряда²⁸, следует исключить из морфонологического анализа как такие явления, которые не несут в себе грамматической информации и не служат маркерами словоформ. Фонетически обусловленные изменения вызываются не правилами соединения морфем и построения словоформ, а правилами, которые организуют данную звуковую систему.

Предметом морфонологического анализа должны быть, следовательно, те звуковые изменения, которые продиктованы требованиями следующего, более высокого, морфологического уровня²⁹. Выявление грамматической насыщенности данных звуковых единиц может быть осуществлено только в том случае, если исследователь оперирует не просто звуками, а такими единицами, которые представляют определенный уровень абстракции, где все избыточное и нерелевантное элиминируется; этими единицами являются фонемы³⁰.

Как известно, система фонем любого языка устанавливается исследователем для того, чтобы с их помощью можно было бы однозначно записать любую устную речь. Причем выделение именно этих фонем может быть признано целесообразным лишь в том случае, если количество и реальный состав (инвентарь) фонем необходимы и достаточны для описания и анализа значимых единиц; явления же чисто позиционного, фонетического характера должны при этом устраняться³¹.

Из сказанного следует, что основная, предсказуемая информация в фонетически обусловленных изменениях не выходит за рамки фонетического уровня и свойственных ему закономерностей. Однако можно предположить, что различные автоматические альтернативы наряду с информацией о фонетической позиции могут содержать и какую-то (правда, совершенно случайную) информацию о морфологическом строении словоформы (обычно в том случае, когда член автоматической альтернативы находится на стыке морфем). Речь идет о том, можно ли при наличии чисто автоматической альтернативы говорить о явлении доминанции³². По-видимому, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным.

Вопрос о том, имеют ли фонетически обусловленные явления статус морфонологически релевантных, нельзя считать новым в лингвистической литературе. Затрагивается он, например, в уже упоминавшейся статье Н. А. Еськовой, где сопоставляются конечные согласные производящей и производных основ в таких словах, как *Сибирь* [p'] — *сибирь* <p>цы — *сибирь* <p'>ец и *Армавир* [p] — *армавир* <p>цы — *армавир* <p'>ец³³. Если фоно-

быть записан следующим образом: [k] ~ [ц'/ц] [г] ~ [з/з], [x] ~ [с'/с], где равнозначные альтернативы каждого звена будут характеризоваться общими признаками, а именно — [k], [г], [x] 'диффузностью' и 'низким тоном', а [ц'/ц], [з'/з], [с'/с] 'компактностью' и 'высоким тоном'.

²⁸ О понятии фонемного ряда см. Р. И. А в а н с о в. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 31.

²⁹ К. Кур и л о в и ч. Структура морфемы, стр. 89—90.

³⁰ Э. А. М а к а е в, Е. С. К у б р я к о в а. О статусе морфологии и единицах ее описания. Сб. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействия». М., 1969, стр. 103.

³¹ П. С. К у з н е ц о в. Проблема дифференциальных признаков в фонологии и разграничения различных типов их. Сб. «Исследования по фонологии». М., 1966, стр. 203.

³² Е. Кур и л о в и ч. Структура морфемы, стр. 84, 88.

³³ Н. А. Е с ь к о в а. Там же, стр. 74.

логический характер твердости и мягкости конечного согласного в словах *Сибирь* и *Армавир* очевиден, то в производных словах он сомнителен. Поэтому не вполне ясно, являются ли звуки <р> в *сибирцы*, *армавирцы* и <р'> в *сибирец*, *армавирец* (в той подсистеме русского литературного языка, где в позиции перед *é, е* употребляются только мягкие согласные) результатом нейтрализации фонологического противопоставления в позициях неразличения твердости и мягкости или же данные звуки несут в себе определенную морфологическую нагрузку, являясь одним из маркеров указанных словоформ. Иными словами, являются ли соотношения $p' - p - p'$ и $p - p - p'$ фонемным рядом или морфонологическим рядом, т. е. чередованием? Н. А. Еськова делает следующий вывод: «Тенденция развития русской фонетической системы ведет к последнему (т. е. к тому, чтобы данные цепочки звуков считать чередованием. — Т. II.), но сейчас, вероятно, эти соотношения еще не вполне ушли из разряда фонетических»³⁴.

Итак, мы считаем, что описание морфонологической структуры языка должно производиться в фонологических терминах. Поэтому при определении альтернативных рядов какой-либо грамматической категории, состоящих из совокупности звеньев чередования, альтернанты которых реализуются в фонемах, важно выявить общие для каждой группы альтернантов фонологические признаки. Иными словами, альтернанты каждого звена, характеризующего слово как лексическую единицу в совокупности всех его словоформ, должны различаться между собой именно фонологическими признаками. Это положение можно проиллюстрировать примером из юго-западного украинского говора с. Саджава. В этом говоре парадигма настоящего времени глаголов II спряжения с основой настоящего времени³⁵ на согласные *л', р', н', п'й, б'й, в'й, м'й* (типа *голётд, варётэ, боронётэ, тупётэ, губётэ, бавётэ, ўстромётэ*) характеризуется альтернативным рядом, каждое звено которого имеет следующее распределение альтернантов. Альтернант I (словоформы 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч.) реализован фонемами [л'], [р'], [н'] и сочетаниями фонем [пй], [бй], [вй], [мй]; альтернант II (словоформы 2, 3 л. ед. ч. и 1, 2 л. мн. ч.) реализован фонемами [л], [р], [н], [п], [б], [в], [м]. Альтернант I всех звеньев характеризуется признаком 'мягкость', альтернант II — признаком 'твердость'. Альтернативный ряд, реализующий морфонологическую структуру грамматической категории 'настоящее время' от глаголов II спряжения, состоит из следующих звеньев: [л'] ~ [л], [р'] ~ [р], [н'], ~ [н] [пй] ~ [п], [бй] ~ [б], [вй] ~ [в], [мй] ~ [м]³⁶.

³⁴ Н. А. Еськова. Там же.

³⁵ Основа настоящего времени определяется нами по словоформе 1 лица единственного числа настоящего времени.

³⁶ Автор приносит искреннюю благодарность Т. Бояджиёву (София) и С. М. Толстой, которые ознакомились с рукописью настоящей статьи и сделали критические замечания.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

К 100-летию Парижской Коммуны

Л. ОБУШЕНКОВА

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ОБ УЧАСТИИ ПОЛЯКОВ В ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

Парижскую Коммуну с оружием в руках защищало около 400 польских эмигрантов — считают польские исследователи К. Вычанская и И. Кобердова. Царский дипломат, современник событий, сообщал о 600 польских коммунарах. Один из очевидцев Владислав Мицкевич, сын Адама Мицкевича, по собственным подсчетам определял численность польских участников Коммуны цифрой 700. Современные французские историки утверждают, что поляки занимали второе место после бельгийцев среди иностранцев-коммунаров, и число их доходило до 600 человек. Поименный список поляков-коммунаров не составлялся и, как видим, даже примерные подсчеты еще весьма разноречивы, но одно остается несомненным: поляки в Парижской Коммуне поддержали честь борцов за свободу.

В войсках Коммуны сражались четыре польских генерала: Ярослав Домбровский, Валерий Врублевский, Август Околович и Роман Черномский и несколько десятков офицеров. К. Вычанская установила, что среди коммунаров-поляков самой многочисленной была группа участников восстания 1863 г., прошедших суровую школу борьбы за свободу родины против деспотизма царского самодержавия. Уже с 1831 г. на знамени польских повстанцев был начертан призыв: «За вашу и нашу свободу!». В 1863 г. он нашел горячий отклик в сердцах передовых людей России. Веру в интернациональное единство и поддержку всего передового против сил реакции сохранили польские патриоты-эмигранты во Франции. Недаром с началом франко-прусской войны, когда возникла непосредственная угроза Парижу, Я. Домбровский обратился с таким воззванием к французскому народу: «Наши ветераны польских восстаний организуются в легионы для защиты Парижа. 200 или 300 юных польских волонтеров жаждут только одного — служить делу французской республики, которое стало делом всего человечества»¹. 380 поляков, проживающих в Париже, заявили о своем желании оборонять город, в Лионе записалось 250 поляков-волонтеров. Такую же готовность помочь делу революции выказали поляки и в период Парижской Коммуны, с 18 марта по 28 мая 1871 г.

Современные польские исследователи, уделяя большое внимание изучению истории польского национально-освободительного движения и проблем интернациональных связей польских революционеров, останавливают свое внимание также и на таких вопросах, как участие поляков в защите Парижской Коммуны. В 1957 г. вышла в свет монография К. Вычанской «Поляки в Парижской Коммуне 1871 г.»², которая является са-

¹ Цит. по.: В. Е. Абрамовичюс, В. А. Дьяков. Валерий Врублевский. М., 1968, стр. 73.

² К. W y c z a ś k a. Polacy w Komunie Paryskiej 1871. Warszawa, 1957.

мым крупным специальным исследованием по этой теме. Большое внимание проблеме отношений польских эмигрантов к Парижской Коммуне уделено и в работах Е. Борейши³ и И. Кобердовой⁴, посвященных более общим проблемам. Наконец, в 1970 г. вышла в свет книга Ежи Борейши «Патриот без паспорта»⁵ о жизни и деятельности выдающегося патриота, участника восстания 1863 г. и генерала Парижской Коммуны Валерия Врублевского.

Работа Е. Борейши является обобщением уже известных фактов из биографии Врублевского, в ней учтена современная польская, французская и советская литература, мемуары современников и участников Парижской Коммуны, а также газетные отклики и журнальные статьи, сборники документов, в частности протоколы заседаний Коммуны. Кроме того, — и это представляется особенно ценным, — автор основывает свое исследование и на новых материалах, извлеченных из советских и французских, в частности парижских архивов: префектуры полиции, национального министерства иностранных дел и военного министерства, а также из Центрального государственного архива Октябрьской революции в Москве. Впервые использован такой ценный рукописный источник, как воспоминания Генрика Гершинского об участии поляков в Парижской Коммуне, хранящийся в собрании Историко-литературного общества в Париже. Книга Е. Борейши ценна поэтому не только систематическим и последовательным изложением фактов, но и тем новым материалом, который еще ярче и убедительнее обрисовывает нам облик В. Врублевского.

Одним из первых среди польских революционеров на сторону Коммуны перешел Я. Домбровский, предложивший план немедленного наступления на Версаль. Такой же решительной тактики придерживался и Врублевский. Известен план действий, предложенный В. Врублевским члену Комитета общественного спасения Ф. Пиа, который тот решил выдать за свой. В книге приводится дополнительный материал, подтверждающий этот факт, отмеченный ранее историком и участником событий П. Лиссагарэ. Из военно-полицейской анкеты о Врублевском от 7 апреля мы узнаем: он «сообщает военному министру о том, что отдает себя в его распоряжение и представляет ему план операции против версальской армии»⁶. Врублевскому было поручено командование второй армией, действовавшей на юге. Он приложил очень много усилий, чтобы привести в боевую готовность подчиненные ему части. Сохранившиеся в архивах документы показывают, сколь необходимы были тогда Коммуне опытные военачальники. На заседании Коммуны один из ее членов, более сведущий в вопросах военного искусства, заявил: «У нас много пушек, много амуниции, много артиллеристов; но зато отсутствует хорошая организация»⁷. «Национальная гвардия, — приводится в книге мнение Г. Гершинского, — насчитывала на бумаге более 200 батальонов и слушалась, если хотела, своего Центрального комитета и посланцев Коммуны»⁸.

Врублевский встретился с большими трудностями, вызванными как отсутствием порядка в войсках, так и бездарностью военного командования. В книге приводятся новые документы, рассказывающие об условиях, в которых приходилось действовать польскому генералу. В частности, проводя одно совещание в начале мая, Домбровский заявил Врублевско-

³ J. M. Borejsza. W kręgu wielkich wygnańców 1848—1895. Warszawa, 1963.

⁴ I. Koberdowa. Pierwsza Międzynarodówka i lewica wielkiej emigracji. Warszawa, 1964.

⁵ J. Borejsza. Patriota bez paszportu. Warszawa, 1970.

⁶ Ibid., s. 98.

⁷ Ibid., s. 109.

⁸ Ibid., s. 107.

му: «Если бы Вы не были назначены главнокомандующим, я сегодня бы просил об отставке. Все мои обращения, все усилия не помогают. Вместо присылки подкреплений, которой я постоянно требую, меня кормят обещаниями, которых недостаточно, чтобы противостоять неприятелю, в десять раз более сильному»⁹. Из исследования Е. Борейши мы узнаем новые подробности о стратегическом плане героической обороны фортов Исси и Ванв. Читая страницы книги, невольно вспоминаешь слова участника и историка Коммуны Л. Дюбрейля о Домбровском и Врублевском: «С этими новыми офицерами Национальная гвардия по крайней мере не подвергалась неожиданностям и авантюрам, за которые до сих пор ей приходилось расплачиваться тысячами убитых и попавших в плен... Новые командиры умеют предвидеть опасность, комбинируют, маневрируют, сами ведут наступление, и солдаты могут сражаться, не ставя без пользы свою жизнь под угрозу»¹⁰.

Автор книги о Врублевском сообщает новые сведения, помогающие лучшему знакомству с его героем. Мы видим, как в дни Парижской Коммуны не только во всю силу проявился военный талант Врублевского, но и его гуманизм и справедливость. В форте Ванв, например, он спас от расстрела группу пленных версальских саперов. Позднее один из спасенных офицеров выступил перед версальским судом в защиту Врублевского¹¹. Свидетелем в пользу Врублевского на процессе по делу доминиканцев выступил ксендз, также обязанный ему жизнью. 13 мая Врублевский не допустил расстрела пленного версальского капитана, приказав своему начальнику штаба рассматривать капитана «как попавшего в плен к цивилизованному народу»¹².

Глава об участии Врублевского в Парижской Коммуне завершается описанием последней «кровавой недели». Версальцам достаточно было опознать поляка, чтобы отправить его на смерть без суда и следствия. Сохранились описания трагических сцен, когда убивали стариков-эмигрантов 1831 г. Е. Борейша сообщает ранее не публиковавшиеся сведения. Так были расстреляны не принимавшие участия в Парижской Коммуне участник восстания 1863 г. Довгел, сапожник Чекальский, работник железной дороги Хуш. Врублевский принимал участие в сражениях вплоть до последнего дня Коммуны. В книге приводится малоизвестное сообщение о месте жительства Врублевского в последние дни его пребывания в Париже. По просьбе одного из офицеров штаба его приютила привратница одного из домов вблизи Шато-д'О. Существуют две версии о путях доставки Врублевскому прусского паспорта. Согласно одной Врублевский уехал из Франции с паспортом на имя Вольдемара, присланным из Лондона по поручению К. Маркса и переданным русским революционером П. А. Лавровым. Е. Борейша же более склонен поддерживать другую версию, согласно которой паспорт Врублевскому прислал В. Замойский, в свое время получивший от него поддержку. В подтверждение этой версии Борейша ссылается на агентурное донесение из Лондона от 29 июля 1874 г., в котором говорится, что В. Замойский прислал Врублевскому 300 франков. Обе версии не исключают друг друга, и, вероятно, нет оснований отрицать какую-либо из них.

⁹ Ibid., s. 115.

¹⁰ Цит. по В. Е. Абрамовичюс, В. А. Дьяков. Там же, стр. 82.

¹¹ J. W. B o r e j s z a. Patriota bez paszportu, s. 118.

¹² Ibid., s. 119.

К. П. ГОГИНА

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА И ЧЕШСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

В истории чешского социалистического рабочего движения Парижская Коммуна занимает особое место. На рубеже 60—70-х годов XIX в., когда чешское рабочее движение переживало подъем, тесно связанный с общим подъемом международного рабочего движения, возглавляемого I Интернационалом, именно Парижская Коммуна явилась фактором, который способствовал распространению среди чешских рабочих социалистических идей и освобождению их из-под влияния лассальянства и национализма собственной буржуазии. Большую роль в этом сыграли чешские «пионеры социализма» и в первую очередь Иозеф Болеслав Пецка (1849—1887).

Парижская Коммуна, бывшая первой попыткой пролетариата свергнуть политическую власть буржуазии и установить свою диктатуру, сыграла решающую роль в становлении социал-демократического движения в Чешских землях. В 1874 г. была создана интернациональная рабочая партия в Австрии, в состав которой входили и чешские социалисты.

Из воспоминаний И. Б. Пецки нам известно, как рабочими-социалистами Праги было воспринято известие о провозглашении Парижской Коммуны. В статье «Первое празднование Парижского восстания в марте 1871 г. в Праге», опубликованной 17 марта 1886 г. в чикагской газете чешских социал-демократов «Будущность», Пецка писал: «Как только до Праги дошли первые известия о Парижском восстании, они вызвали огромный энтузиазм у членов „старой гвардии“¹, и было решено отпраздновать эту революцию в узком кругу; в помещении развевалось красное знамя, а присутствующие восторженно пели песни свободы, произносили речи, сравнивали парижские условия с чешскими и обещали оставаться всегда верными борьбе за свободу трудового народа»².

К этим событиям Пецка возвращается еще раз в своей статье «Рабочее движение в Чехии», опубликованной в Чикаго в газете «Праце» в августе 1886 г.: «18 марта 1871 года! Знаменательный день в истории рабочих всех наций. Едва пришла из Парижа весть о восстании французских рабочих и о провозглашении Коммуны, рабочие других наций отпраздновали это событие. Социал-демократический дух рабочих был уже настолько пробужден, что и в Праге отпраздновали парижскую революцию в частном собрании в трактате „У белого слона“»³.

1 апреля 1871 г., вскоре после поступления первых известий о Парижской Коммуне, в газете «Дельник» была опубликована анонимная статья

¹ «Старой гвардией» называли себя наиболее революционно настроенные члены Млоуэбранской рабочей беседы.

² Průkopníci socialismu u nás, Praha, 1954, s. 37.

³ Ibid., s. 52.

«Парижское восстание»⁴, сыгравшая большую роль в разъяснении чешским рабочим истинного смысла происходивших в Париже событий. В то время как буржуазная печать всех стран обрушила на Коммуну и коммунаров потоки лжи и клеветы, в этой статье чешские социалисты смело выразили свои симпатии к Коммуне. В статье говорилось: «Восстание в Париже приобрело огромные размеры... мы должны пожелать счастья парижским повстанцам»⁵. Разъясняя рабочим, почему буржуазия ненавидит коммунаров и клеветает на них, автор статьи писал: «Восстание, конечно, затронуло господ с туго набитыми карманами, капиталистов, фабрикантов... Не только за границей можно наблюдать испуг на красных, жирных лицах указанных филантропов, но и в нашей стране больше всего злобствуют мыслящие подобным образом господа, будь это фабриканты, капиталисты или владельцы некоторых весьма распространенных газет...»⁶. «... Им не нравятся действия красных в Париже, потому что Париж может, конечно, стать источником социальных новшеств, подобно тому как он был им 80 лет назад». «В этом заключается подлинная причина того, почему богачам не нравятся красные в Париже»⁷. Опровергая домыслы буржуазной печати, статья разъясняла рабочим, что не нужно думать, что «если красные захватили власть в Париже, то там будет господствовать несчастная анархия. Мы не верим этому; если они победят, то они очевидно сумеют очень хорошо урегулировать и личные и государственные дела». Знаменателен общий итог: «Очевидно, что победа революции где бы то ни было есть огромный шаг вперед. Этому нас учит история. Из нее мы узнаем, что приобрел народ там, где революция победила». В качестве примера приводится сравнение положения народа до и после гуситских войн в Чехии, до и после революции в Нидерландах и во Франции⁸.

Парижская Коммуна встретила отклик и в других центрах рабочего движения Чешских земель. Под влиянием Коммуны усилилось стачечное движение в Либереце. Либерецкий гейтман доносил пражскому наместничеству 10 апреля 1871 г., что «рабочее движение, особенно после последней амнистии и после восстания в Париже, с тревогой привлекает внимание всякого трезвого и спокойно рассуждающего человека своим дерзким, грубым и самонадеянным образом действий, и трезвый взгляд на состояние общества убеждает меня, что теперешнее беспокойство похоже на то, какое было в 1848 году»⁹. А 20 августа 1871 г. он потребовал, чтобы для защиты от многочисленных рабочих в городе был размещен военный гарнизон¹⁰.

Стачечное движение горняков в Кладно и Моравской Острове приняло в 1871 г. огромные размеры. Об откликах на Парижскую Коммуну в Моравии свидетельствует, в частности, особый циркуляр брненского наместничества окружным гейтманам, предупреждавший их о том, что вот-вот «должна вспыхнуть революция»¹¹.

И в последующие годы Парижская Коммуна являлась для чешского рабочего движения образцом героической борьбы пролетариата за социа-

⁴ Чехословацкие историки считают, что автором ее был И. Б. Пецка, входивший тогда в редакцию «Дельника».

⁵ Dokumenty k počátkům dělnického hnutí v Čechách 1864—1874, Praha, 1961, s. 188—190.

⁶ Ibid., s. 188.

⁷ Ibid., s. 189.

⁸ Ibid., s. 189—190.

⁹ L. B r ü g e l. Geschichte der österreichischen Socialdemokratie, B. II, S. 326.

¹⁰ Ibid., S. 327.

¹¹ J. M e j z l i k. Dělnické hnutí na západní Moravě do založení KSČ, Havlíčkův Brod, 1957.

листическую революцию. Особенно в этом убеждает статья И. Б. Пецки «К истории Коммуны», опубликованная в газете «Дельнице листы» от 16 января 1874 г. В этой статье Пецка не только излагает историю Коммуны, но на основе анализа ее деятельности приходит к важным теоретическим обобщениям о социальной роли общественных классов на новом историческом этапе. Он, в частности, приходит к выводу, что буржуазия уже не может быть революционной. «Строго революционным правительством могло бы быть только правительство пролетариата». Очень интересным является его замечание о единстве интересов крестьянства и промышленного пролетариата: «...крестьянство... только по названию относится к имущим классам, а в действительности его интересы лишь с незначительными различиями связаны с интересами промышленного пролетариата». Очень высоко оценивает Пецка героизм и самоотверженность борьбы парижского пролетариата в период Коммуны. «В действительности в тех обстоятельствах это было великое решение — предпринять борьбу за республику. И парижские рабочие с самоотверженностью и героическим пылом предприняли эту борьбу, провозглашая славу Коммуне»¹².

¹² Dokumenty..., s. 312—316.

ОТКЛИКИ НА ПАРИЖСКУЮ КОММУНУ В ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕЧАТИ

На рубеже 60—70-х годов XIX в. южнославянские земли переживали мощный подъем национально-освободительного движения, ускоривший процесс размежевания общественных сил. Народы Балканского полуострова боролись за национальное освобождение и создание объединенных независимых государств. В зависимости от уровня социально-экономического развития и положения отдельных южнославянских областей те или иные социальные группы, политические партии и их идеологи по-разному решали эту главную историческую задачу.

Гражданская война во Франции и Парижская Коммуна — первый в истории опыт диктатуры пролетариата — имели поистине всемирно-историческое значение. Эти события не только дали могучий толчок развитию мирового революционного рабочего и социалистического движения, но и помогли лучше понять и точнее определить позиции классов во всей Европе. Отношение к Парижской Коммуне разных движений, политических партий и их вождей служило надежным критерием прогрессивности или реакционности их позиций. Периодическая печать всех стран и народов, в том числе и южнославянских, как наиболее чуткий барометр общественной мысли, подтвердила это со всей очевидностью.

В своем отношении к Парижской Коммуне тогдашняя южнославянская печать резко раскололась на два диаметрально-противоположных лагеря: непримиримых врагов ее, которых было большинство, и друзей и защитников, которые хотя и были в меньшинстве и не отличались единством взглядов, однако сумели в большей или меньшей степени понять и оценить непреходящее историческое значение Коммуны.

К числу последних относятся болгарские и сербские революционеры и их издания¹, воеводинский буржуазный демократ Светозар Милетић и его газета «Застава»², левые

¹ См. С. А. Н и к и т и н. Парижская Коммуна в оценке болгарской печати. «Парижская Коммуна 1871 г.», т. II, М., 1961, стр. 468—472; В. Г. К а р а с е в. Революционно-демократическая публицистика Сербии и Парижская Коммуна. Там же, стр. 480—484.

² См. Н. П е т р о в и ћ. Милетић о Комуни. В кн.: Светозар Милетић (1826—1901). Београд, 1958, стр. 158—177; е г о ж е. Светозар Милетић и Париска комуна. В кн.: Око Милетића и после њега. Нови Сад, 1964, стр. 47—68. Мы разделяем мнение югославского ученого о том, что крылатое выражение Милетића из статьи «Социализм и коммунизм и федеративная республика» («Застава», 1871, № 35, 5 апреля), посвященной Парижской Коммуне: «Мало республики *порядка*, нужна республика *труда*; мало республики *права*, нужна республика *справедливости*; мало республики *свободы*, нужна республика благосостояния — республика *жизни*», означало не защиту идеала Коммуны, как думал Й. Скерлич («Светозар Марковић, његов живот, рад и идеје». Београд, 1922, стр. 141), а защиту буржуазно-демократической республики, с той, однако, разницей, как справедливо замечает Н. Петровић, что «Парижская Коммуна привела его (Милетића) к убеждению, что такая республика может сохраниться только при условии проведения серьезных социальных реформ, которые должны иметь в виду не только политические права, но и экономические интересы трудящихся масс» (Н. П е т р о в и ћ. Око Милетића и после њега, стр. 57—58).

хорватские национал-радикалы — Фране Матасичи др., выступившие в газете «Хрватска»³, видный деятель словенского рабочего движения, участник Коммуны — Франце Железничар⁴ и др.

Известно, что высшим этапом в развитии революционной мысли и материалистической философии у южных славян во второй половине XIX в. являлось творчество двух выдающихся революционных демократов и социалистов-утопистов — болгарина Христо Ботева (1848—1876) и серба Светозара Марковича (1846—1875).

Высказывания этих лучших представителей южнославянской демократии о Парижской Коммуне не потеряли своего значения и теперь, спустя сто лет после беспримерного подвига парижских коммунаров.

Ниже приводятся отрывки из их произведений, посвященных Парижской Коммуне.

*Телеграмма Парижской Коммуне
из Галаца «в первый день пасхи 1871 г.»*

Париж, Комитет Коммуны.

Братское и сердечное поздравление от Болгарской коммуны. Да здравствует коммуна!

Революционеры-эмигранты
Ботев, Попов

«Избранные произведения болгарских революционных демократов». М., 1959, стр. 301.

СИМВОЛ ВЕРЫ БОЛГАРСКОЙ КОММУНЫ

Верую в единую общую силу рода человеческого на земном шаре творить добро и в единый коммунистический общественный порядок — спаситель всех народов от вековых страданий и мук через братский труд, свободу и равенство.

И в светлый животворящий дух разума, укрепляющий сердца и души всех людей для успеха и торжества коммунизма через революцию.

И в единое и неделимое отечество всех людей и общее владение всем имуществом.

Исповедую единый светлый коммунизм — исцелитель всех недугов общества.

Чаю пробуждения народов и будущего коммунистического строя во всем мире.

Галац, 20 апреля 1871 г.

Хр. Ботев

«Избранные произведения болгарских революционных демократов», стр. 307.

³ См. В. И. Фрейдзон. Буржуазные национал-радикалы и друзья Парижской Коммуны в Хорватии. «Советское славяноведение», 1965, № 5, стр. 14—25.

⁴ F. Gestrin. V. Melik. Slovenska Zgodovina od konca osemnajstega stoletja do 1918. Ljubljana, 1966, s. 214.

Христо Ботев

СМЕШНОЙ ПЛАЧ

...Проклинайте коммунистов за то, что они разорили вашу столицу и умерли с разбойничьими, на наш взгляд, словами: «Свобода или смерть, хлеб или свинец!» Плюйте на их трупы... Кидайте грязь и камни на могилу Домбровского за то, что он не стал слугой какой-нибудь коронованной головы, а был поборником великой идеи, высокой цели, оказав непоколебимый отпор предателям Франции и виновникам стольких несчастий человечества.

Весь мир оплакивает Париж, весь мир проклинает коммунистов, и бедная наша журналистика не отстала от других: она тоже заплакала о бездушном и прокляла разумное. Смешной плач! ...видят варварство там, корят и проклинают там, где раб — человек, словами и разумными доводами которого пренебрегли, — вынужден пойти на крайность и вступить в борьбу не на живот, а на смерть, пустив в ход все средства, даже грубые, так как у него нет других: их отняли у него хозяева. Тогда человека называют разбойником, развратником, злодеем, варваром. Такими оказались и коммунисты.

...Школа и только школа подготовит Европу к этому перевороту (социальному. — *Публикатор*), утверждаем мы. Но не школа Златоуста и Лойолы, Вильгельма и Наполеона, а школа Фурье и Прудона, Кьюве и Ньютона и еще школа жизни.

Коммунисты — мученики, ибо важны не средства, применяемые ими в борьбе за свободу, а идея этой борьбы...

Пусть же наша журналистика побережет свои слезы, как и журналистика европейская, чтобы оплакать другие столицы, другие варварства и страдания, когда раб крикнет своему господину: «Кто ты такой, что плачешь?...»

«И будет день — день первый».

«Дума на българските емигранти» («Слово болгарских эмигрантов»), 1871, 25 июня. — «Избранные произведения болгарских революционных демократов», стр. 316—318.

Светозар Маркович

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

(Вопрос о хлебе и самоуправлении)

...Коммуна борется за самый возвышенный принцип, который когда-либо имела партия на своем знамени...

Полагаем, что нам нет нужды говорить о том, что раздел имущества богачей между бедняками не был целью Коммуны. Напротив: раздел имущества — это принцип частной собственности, а не коммунизма (или социализма) ...Коммунисты и социалисты всех школ без различия как раз стремятся к тому, чтобы искоренить и эту последнюю форму грабежа (наемное рабство. — *Публикатор*) и вместо борьбы утвердить братство между людьми, а этого можно достигнуть не «разделом чьего-либо имущества», а как раз наоборот — объединением имущества и труда на основе свободного братского договора.

Таков в основном принцип теперешней Коммуны в Париже...

Мы не можем быть уверены в том, что Коммуна в данный момент победит, но мы твердо убеждены, что принцип Коммуны рано или поздно

победит. Она имеет двух сильных помощников: *п р о м ы ш л е н н о с т ь*, которая непрестанно создает все более крупных миллионеров и многочисленную бедноту, и *н а у к у*, которая вскрывает эту общественную пропасть и учит, как ее ликвидировать...

Программный номер газеты «Раденик» («Работник»), 1871, 17/29 апреля. Светозар Марковић. Сабрани списи, т. II, Београд, 1965, стр. 233—238.

Светозар Марковић

ГИБЕЛЬ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

...Коммуна погребена «навек» под развалинами Парижа — так говорят защитники порядка. Теперь со всех сторон в отношении ее начата травля, как и всегда в отношении любой побежденной партии. Разом завопили все в один голос: английские богачи, брüssельские министры и депутаты (представители капиталистов), все европейские правители и все их маршалы, генералы и прочие господа, венские евреи и белградские журналисты, весь «цивилизованный мир»...

Этот всеобщий вопль против Коммуны не представляет для нас ничего необычного и неожиданного...

Последние героические защитники свободы, мужчины и женщины, захлебываются своей собственной кровью и восклицают: *д а з д р а в с т в у е т К о м м у н а*, а образованным журналистам не хватает бранных слов для этих героических борцов... Это старая тактика всех реакционеров: в настоящее время они не только нападают на Коммуну и социалистов, но хотят очернить прогрессивные политические принципы, приписав им все самые ужасные последствия — убийства, поджоги и все самые тяжкие преступления. Но они не отваживаются критиковать эти принципы и доказывать, что именно сами принципы требуют убивать, грабить, поджигать и т. д. ...Принципы, которые написала Коммуна на своем знамени и за которые она боролась вплоть до своей ужасной гибели...

Она (Гражданская война. — *Публикатор*) была непосредственно вызвана тем, что версальское правительство хотело изъять оружие у граждан... Но...это был только непосредственный повод к войне. Истинная причина гражданской войны лежит гораздо глубже, в самом общественном расколе французского народа ...Пусть каждый поставит себя в положение рабочего и члена Парижской Коммуны. Как он жил в условиях того «законного порядка», который вооруженной силой навязало ему правительство? Тот, кто производил тончайший шелк и бархат, не имел и приличной рубашки; тот, кто строил прекраснейшие дворцы — чудеса строительного искусства, не знал, куда приклонить голову; тот, кто, работая на многочисленных фабриках, создавал все блага для образованного мира, не мог досыта наесться хлебом. И этот-то порядок после столь упорной борьбы должен был снова восстановиться...

На основе... естественного закона можно предсказать, что произойдет дальше в Париже. Одно из двух: или господа Тьер, Жюль Фавр, Пикар, Мак-Магон и пр. сами будут носить известь и кирпичи и строить разрушенный Париж, сами пойдут на все фабрики, будут топить печи и производить все, что необходимо цивилизованному обществу, и тогда Коммуна достигнет своей цели — нет больше разделения на рабочих и капиталистов; или же все эти работы опять будут выполнять рабочие, и тогда останется старая ненависть между рабочими и господами, из которой

снова, как и прежде, возникнут революции и кровопролития. Спустя десять, двадцать лет, когда бы то ни было, но только революция придет, и еще более страшная и грандиозная, чем последняя. В 1848 г. в Париже разразилось рабочее восстание по тем же причинам и с той же целью, как и нынешнее. После трехдневной борьбы оно было подавлено. Национальная гвардия, большинство которой составляли хозяева, была тогда против рабочих. Теперешнее восстание длилось 72 дня, и национальная гвардия была главной силой восстания. Такой прогресс проделал социализм с 1848 г., а его близорукие противники полагали, что он еще тогда, на июльских баррикадах, был похоронен.

*«Раденик», 1871, 1 июня. Светозар Маркович
Избранные произведения. М., 1956, стр. 220—
226.*

Светозар Маркович

БЕЛЫЙ ТЕРРОР

...Мы в свое время указывали в нашей газете на ложь и вымысел по адресу Коммуны, а теперь хотим показать ее принципы, и пусть читатели сами судят о низости этих вымыслов.

Коммуна — это суверенная (независимая) община. Коммуну никогда не следует смешивать с коммунизмом. Между ними существует большое различие, что мы сейчас и покажем. Коммуна является политическо й формой общества. Это община, которая сама вершит все свои дела. Здесь все граждане равноправны. Каждый закон, который издает община, принимается или отвергается всеобщим голосованием всех членов общины.

Все исполнители законов в Коммуне избираются непосредственно путем народных выборов и могут быть смещены в любой момент. Это простые уполномоченные, «делегаты» народа, а не власть над народом. Власть — сам народ. Делегаты получали жалованье по 6 тысяч динаров или 500 талеров в год, как рабочие, которые совершают определенную работу, а не как господа. Это как раз столько, сколько получает сербский стипендиат, проживающий в Париже. Исчез император и его блестящий двор, стоивший 200 миллионов грошей в год, исчезли генералы, сенаторы и маршалы империи, получавшие в год по 500 и 100 тысяч грошей жалованья, исчезла постоянная армия, исчезла жандармерия, исчезли все тунеядцы, которые питались за счет крови и пота народа, исчез весь тот груз — армия и жандармерия — с помощью которого правительство Наполеона давило на народ. Вот что хотела сделать и что сделала Коммуна. Народ был и воином, и законодателем, и контролером над исполнителями законов. Разделение на господствующих и подчиненных было полностью уничтожено. Такие общины должны были существовать по всей Франции. Их союз представлял бы собою преобразенную, вдохновленную новыми идеями всю Францию. Так Коммуна хотела преобразовать политический строй Франции.

Но что было такого страшного в этом строе, от чего все богачи закричали, как сумасшедшие: «На помощь!», «Разбой» и бросились в объятия наполеоновских солдат, жандармов и генералов, чтобы те их спасли от Коммуны?...

...Принципы коммунизма — принципы современной науки об обществе — усвоила рабочая партия, их она и хотела осуществить в Парижской Коммуне...

Именно то, что Коммуна встала на реальную почву, что она действительно о с у щ е с т в л я основную форму общества, что на деле передала народу право думать и заботиться о себе и своих братьях, именно это напугало собственников, а не то, что Коммуна хотела чего-то невозможного. Вот что говорит сама рабочая партия о Коммуне и коммунизме: «Коммуна была прямой противоположностью империи. Когда французский пролетариат с кличем: „Да здравствует социальная республика!“ поднял февральскую революцию (1848 г.), он неясно выразил, что желает такую республику, которая бы устранила не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство. Коммуна была определенной формой такой республики. Коммуна была не парламентской, а рабочей корпорацией, законодательствующей и исполняющей законы в одно и то же время»⁵. Здесь же говорится о политической организации Коммуны, а затем определяется цель Коммуны: «Коммуна была орудием ниспровержения экономических устоев, на которых зиждятся классы и классовое господство. Раз труд освобожден, тогда каждый человек станет рабочим, и производительный труд перестанет быть собственностью одного класса»⁶.

...Рабочий класс не требовал никаких чудес от Коммуны. Он не хотел проводить в жизнь никаких готовых и законченных утопий. Он знает, что и за освобождение рабочих, и за усовершенствование общественной формы, к которым стремится современное общество, рабочий класс должен выдержать длительную борьбу, пройти длительный путь исторического развития, в ходе которого совершенно изменятся и люди и обстоятельства...

...Мы хотели основательно изучить такое явление, как Парижская Коммуна. Мы хотели показать, что проистекает из самого строя современного общества в Европе и по каким причинам; хотели показать общие научные принципы — государственные и экономические, — только на основе которых может быть организовано общество, в котором утвердился бы порядок, свобода, мораль и просвещение. Эти принципы а у ч н ы е, т. е. общечеловеческие, которые должны иметь силу для всех людей и всех народов. Эти принципы выдвинула и пыталась осуществить Парижская Коммуна...

...Мы презираем ваш «порядок», вашу «свободу», вашу «нравственность», ваш «патриотизм», вашу «веру» и ваше «просвещение»...

Нет, господа, в Сербии нет никого, кто был бы заинтересован в разрушении нравственности, семьи, веры, совести, кроме вас самих...

Мы хотели вам ответить открыто, чтобы вы знали, кто мы и чего хотим, чтобы вы знали раз и навсегда, что есть в Сербии люди, которые так же не боятся реакции, как и презирают ваш либерализм.

«Раденик», 1871, 8, 10, 13, 15 и 21 июня. Светозар Маркович. Избранные сочинения М., 1956, стр. 264—284.

⁵ К. М а р к с. Гражданская война во Франции. См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 477 (прим. публикатора).

⁶ Там же, стр. 481 (прим. публикатора).

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Г. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛЬСКИЕ ЭКСЛИБРИСЫ В. А. ФАВОРСКОГО

Искусство экслибриса, по природе своей камерное и интимное, обращено, как правило, к сравнительно узкому кругу библиофилов и коллекционеров. Но если к нему прикоснется рука крупного мастера, эти графические миниатюры отразят неповторимую индивидуальность художника или владельца книжного знака, их мысли, чувства, взгляды на книги или искусство, творческие или иные, жизненные проблемы. Тогда маленькие книжные знаки становятся явлением большого искусства, а нередко и своеобразным художественным документом времени.

Так случилось с экслибрисами Владимира Андреевича Фаворского. Его 26 книжных знаков, первый из которых датирован 1906 г., а последний 1959 г., принадлежат к лучшему, созданному в этом жанре. О незаурядных достоинствах экслибрисов Фаворского писали еще в 20-е годы¹. О работах, выполненных в те годы, и пойдет речь в нашем сообщении.

Среди экслибрисов Фаворского особое внимание привлекают два, исполненные в 1922 г. На одном из них изображен мужчина, рассматривающий открытую книгу и жестом руки отстраняющий летящую обнаженную женщину. Любовь к книге сильнее!—И в знак этого амур ломает свой лук. Надпись гласит: «Z Księgozbiogu Edwarda Chwałewika». На другом, самом крупном по размерам из всех экслибрисов Фаворского, мы видим мужчину за письменным столом, обращенного лицом к бюсту античного мыслителя. Наверху текст: «Ex libris Aleksego Bachulskiego». Имена эти хорошо известны в польской науке. Эдвард Хвалевик (1873—1956) в молодости был одним из видных деятелей СДКПиЛ и в 1903—1906 гг. отбыл сибирскую ссылку. С 1921 г. он заведывал библиотекой министерства труда и социального обеспечения. Историк Алекс Бахульский (1893—1951) в 1937—1939 гг. возглавлял Публичную библиотеку, а в 1940—1951 гг.—Городской архив Варшавы. В 1921—1922 гг. они входили в состав работавшей в Москве комиссии по возвращению в Польшу художественных и научных ценностей, вывезенных в свое время царским правительством.

Работая продолжительное время в Москве и Петрограде, члены комиссий, среди которых были крупные польские ученые и библиофилы, знакомились с культурной и художественной жизнью нашей страны. Заинтересовавшись искусством гравюры и книжной иллюстрацией, переживавшим в ту пору исключительный расцвет, некоторые из них пожелали иметь на память экслибрисы работы советских художников. На их просьбу охотно откликнулись многие ведущие мастера, в том числе В. Фаворский, А. Кравченко, П. Павлинов, И. Рерберг, Н. Купреянов, М. Добров и др., исполнившие в общей сложности 23 польских экслибриса².

¹ Э. Г о л д е р б а х. Вступительная статья к книге «Художественный экслибрис. 1917—1927». Л., 1928, стр. 10.

² Подробнее о них см. ставшую библиографической редкостью брошюру известного советского коллекционера и знатока искусства П. Д. Эттингера («Polski exlibris w Moskwie roku 1922». Kraków, 1946).

Рис. 1

Рис. 2

Польские экслибрисы Фаворского³ созданы в период наиболее интенсивной работы художника в этом жанре — интимного аккомпанимента, сопутствующего его более крупным и выдающимся произведениям» (П. Эттингер). Только в 1921—1922 гг. он исполнил девять книжных знаков, каждым из которых мог бы гордиться любой крупный мастер. Это был период стремительного творческого взлета Фаворского, когда он работал над такими капитальными произведениями, как буквы к роману А. Франса «Суждения господина Жерома Куаньяра» (1918), серия пейзажей «Москва» (1918—1919), иллюстрации к «Эгерии» П. Муратова (1921), поэме А. Пушкина «Домик в Коломне» (1922), трагедии А. Глобы «Фамарь» (1923), «Книге Руфь» (1924), и другими, выдвинувшими его в первые ряды мастеров европейской гравюры. Печатающего высокого художественного совершенства отмечены и экслибрисы Фаворского для А. Бахульского и, особенно, для Э. Хвалевики. Филигранная отточенность ксилографической техники, выразительность и красота уверенного и упругого штриха, мастерство всегда интересной и оригинальной композиции — все это придает графическим миниатюрам Фаворского значимость большого искусства.

Экслибрисы А. Бахульского и Э. Хвалевики стали первыми ласточками, предвавшими широкую известность и популярность Фаворского в Польше. Уже в 1923 г. в Варшаве появляется статья Э. Хвалевики⁴, в которой автор дал высокую оценку мастерству Фаворского.

С творчеством Фаворского польская общественность впервые широко познакомилась только в 1933 г. Конечно, и раньше многие польские художники и критики знали его по международным и зарубежным выставкам, на которых Фаворский регулярно выставлялся начиная с 1924 г., — в Париже и Лейпциге, Флоренции и Венеции, Вене и Берлине, Лондоне и Кельне. В 1933 г. в Варшаве, а затем в Кракове и Лодзи была организована I Международная выставка гравюры на дереве⁵. На долю советских художников — В. Фаворского, А. Кравченко, А. Гончарова, Е. Сахновской и др. — выпал исключительно большой успех. Жюри выставки под председательством ведущего мастера польской ксилографии В. Скочиляса отметило премиями и почетными дипломами 14 советских графиков. «Первым номером» был признан «Ф. М. Достоевский» Фаворского — журнал «Pologne Littéraire» присудил за него автору специальный приз. В прессе было опубликовано множество восторженных отзывов.

Искусство Фаворского произвело большое впечатление на польских художников. Некоторые из них, например Ст. Остоя-Хростовский и другие, становятся его последо-

³ Помимо экслибрисов для Э. Хвалевики и А. Бахульского Фаворский предполагал вырезать еще один книжный знак — для доктора Стефана Рыгля. В собрании Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве хранится из коллекции П. Эттингера эскиз в карандаше этого неосуществленного, к сожалению, экслибриса.

⁴ E. Szwalewicz. Exlibrisy rosyjskie a polskie. «Grafika polska», 1923, № 5—7.

⁵ II Международная выставка ксилографии состоялась в Варшаве в 1936 г., и Фаворский снова был широко представлен на ней своими гравюрами.

вателями. «Фаворский воспитал целую плеяду учеников, многие из которых стали серьезными художниками, — писал впоследствии в своей книге «О советских графиках» польский художник и писатель Игнацы Виц. — Не меньшее влияние оказал он на европейскую и особенно польскую графику, потому что представил искусство крайне высокого качества и редкого совершенства техники»⁶.

Еще более углубленно и широко знакомились художники Польши с творчеством замечательного мастера советской графики в послевоенные годы. Произведения Фаворского экспонировались почти на всех выставках советского искусства, организованных в Варшаве, Кракове и других городах; о нем писали Г. Блюмувна, А. Рышкевич, И. Виц, С. Больдок, С. Бженчковский, Л. Скальска и многие другие польские критики искусствоведы. Наконец, в 1955 г. в советском посольстве в Варшаве были исполнены по эскизам Фаворского мозаичные панно «Весна», «Осень» и «Зима». Во многих государственных и частных собраниях Польши хранятся сравнительно богатые коллекции его гравюр.

Так два маленьких книжных знака, исполненные художником в суровом 1922 г., стали первой строкой одной из интересных и содержательных страниц в истории советско-польских творческих связей.

⁶ I. W i t z . O radzieckich grafikach. Warszawa, 1957.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

СЛОВАЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1960—1970 гг. О ПРОБЛЕМАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ, ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

До конца 50-х годов историография освещала историческую проблематику Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы лишь спорадически. Однако уже в начале 60-х годов возникли организационные и кадровые предпосылки для развития этого научного направления. После создания Института истории европейских социалистических стран в Братиславе началось систематическое изучение этих районов. Одновременно стали ощутимы качественные изменения в исследованиях. В предшествующий период изучалась прежде всего история словацко-славянских связей; во второй половине 60-х годов началось изучение истории отдельных народов и государств данного региона в более широком международном аспекте.

Значительное внимание было уделено идее славянской взаимности, ее возникновению, развитию и значению. Впервые более широко эта проблематика была освещена на конференциях в Смоленицах 12—14 X 1959 г.¹ В последующем году началась разработка отдельных проблем истории XIX в.², второй мировой войны³ и общих вопросов славистики⁴.

¹ Materiály z konferencie o myšlenke slovanskej vzájomnosti a jej úlohe v národnooslobodzovacom boji našich národov» — Historický časopis, 1960, № 2—3.

² J. Hrozienčík. Význam Šafárikovho diela pre národnooslobodzovací a politický boj slovanských národov. — Slovenské štúdie, VI, Bratislava, 1963, s. 13—26; V. Borodovčák. Myšlienka slovanskej vzájomnosti v živote J. B. Bellu. — Slovenský prehľad, 1960, № 6, s. 354—358; L. Haraksim. P. J. Šafárik a Ukrajinci. — Slovenské štúdie, VI, Bratislava, 1963, s. 77—88; L. Haraksim. Die slawischen Programme Ludovít Stúr und die slawische Wechselseitigkeit. Sborník. Bratislava, 1969, s. 217—240.

³ J. Hrozienčík. Všeslovanský výbor v Moskve. — Slovenský prehľad,

Чешские и словацкие историки создали синтетический труд о роли идеи славянской взаимности в национальной жизни обоих наших народов⁵. Словацкую часть подготовили О. Р. Галага, Я. Тибенски, В. Бородовчак, Л. Гараксим, П. Поллак, Й. Грозиевич и Я. Пиволуска. Общий обзор итогов работы словацких славистов содержится в Словаре чехо-словацких славистов⁶; словацкую историографию в этом словаре подготовил коллектив во главе с В. Бородовчаком.

Конкретные проявления идеи славянской взаимности в словацком обществе, ее развитие, политическую и классовую дифференциацию в словацком обществе, а также появление новых прогрессивных черт в отношении к России рассматривают в своих работах О. Р. Галага, В. Бородовчак, В. Матула и М. Пиш. Авторы указывают на традиционное русофильство словацкого общества⁷ и на интерес

1967, № 6, s. 321—330; е го же. Všeslovanské výbory v Moskve. Československé přednášky pro VI. mezinárodní sjezd slavistů v Praze. Praha, 1968, s. 499—507; е го же. K otázke účasti slovanských národov v boji proti fašizmu. Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii. Praha, 1963, s. 363—371; J. Pivoluska. Myšlienka slovanskej solidarity v Slovenskom národnom povstaní. Slovenské štúdie, XI, Bratislava, 1970.

⁴ J. Hrozienčík. Miesto «historickej slavistiky» v marxistickej historiografii. — Slovenský prehľad, 1966, № 1, s. 33—36.

⁵ «Slovanství v národním životě Čechů a Slováků». Praha, 1968, 500 s.

⁶ «Slovník československýck slavistov», Brno, 1970.

⁷ O. R. Halaga. Slovensko-ruské vzťahy za feudalizmu (do národného obrodzenia). — Historia Carpatica I, II, Košice, 1969, 1970; V. Borodovčák. K niektorým charakteristickým črtám slovenského rusofilstva v 60.—70. rokoch 19. stor. Historica — Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenkého,

русской общественности к словацкой политической жизни⁸. В работе М. Пипша⁹ исследованы отклики в словацком обществе на первую русскую революцию, ее влияние на словацко-русские отношения накануне первой мировой войны и на рабочее движение в Словакии в начале XX в.

После Великой Октябрьской социалистической революции, когда главной общественной силой в осуществлении чехословацко-советских и словацко-советских отношений стал рабочий класс, отношение к СССР получило новое классовое содержание, новую интернациональную основу. Это подчеркивают в своих работах Й. Грозненчик¹⁰ и П. Поллак¹¹. Одним из самых значительных событий, отразивших отношение словацкого пролетариата к Советскому Союзу была организация в Чехословакии в 20-х и 30-х годах интернациональной помощи советскому народу. П. Поллак¹² подробно рассматривает историю этого движения, его формы и результаты. Интересна с этой точки зрения и публика-

роц. XV, Bratislava, 1964, s. 299—317; V. Borodovčák, J. Hrozienčik, E. Panovová, F. Gondor. K charakteru slovensko-ruských vzťahů v druhej polovine 19. stoločia. CSSR a SSSR. Z bojů za svobodu a socialismus (sborník), Praha, 1961, s. 96—111; P. Pollák. Slovensko-ruský spolok pamäti Ľudovíta Štúra.— Slovánský prehľad, 1968, № 5, s. 392—394.

⁸ V. Matula. V. I. Lamanskij a Slovensko.— Slovánské štúdie, IX, Bratislava, 1967, s. 138—168.

⁹ M. Písch. Ohlas ruskej buržoázno-demokratickej revolúcie na Slovensku (1905—1907), Bratislava, 1966, 275 s.

¹⁰ J. Hrozienčik. K novému obdobiu v dejinách československo-sovietskych vzťahov.— Slovánské štúdie, V, Bratislava, 1962, s. 11—25; его же, 50. výročie Veľkej októbrovej socialistickej revolúcie.— Slovánské štúdie, IX, Bratislava, 1967, s. 9—11.

¹¹ P. Pollák. K otázke vyst'ahovalectva do Sovietskeho zväzu v rokoch 1921—1925.— Historický časopis, 1961, № 4, s. 537—553; его же. Účast' československých robotníkov a roľníkov pri obnove a výstavbe sovietskeho hospodárstva v rokoch 1922—1932.— Slovánské štúdie, IX, Bratislava, 1967, s. 82—97; его же. Počiatky vyst'ahovalectva do SSSR na Slovensku v rokoch 1923—1925. Historický sborník Slovenského národného múzea. Bratislava, 1961, roč. I., s. 39—64; его же. Vyst'ahovalectví do Sovietskeho zväzu v letech 1921—1925. ČSSR a SSSR..., s. 231—237.

¹² P. Pollák. Internacionálna pomoc československého proletariátu národom SSSR. Bratislava 1961, 400 s.

ция П. Поллака об отношении Ю. Фучика к СССР¹³.

Изучению отношения словацкого народа к СССР в период второй мировой войны и помощи Советского Союза Словацкому национальному восстанию посвятил значительную часть своих исследований Й. Грозненчик¹⁴. К этой проблематике тесно примыкают исследования Я. Пиволуски¹⁵, изучающего внешнеполитическую ориентацию словацкого Сопrotивления, и работы Е. Речковой¹⁶, Ш. Фана¹⁷, исследующих историю освобождения Словакии Красной Армией и развитие словацко-советских отношений в 1945—1948 гг.

Проблемы социально-экономической истории и истории культуры украинцев в Словакии изучает Л. Гараксим¹⁸. Он

¹³ P. Pollák. Július Fučík a SSSR. Bratislava, 1963, 229 s.

¹⁴ J. Hrozienčik. K otázke československo-sovietských vzťahov v druhej svetovej vojne. Vznik a vývoj ľudovodemokratického Československa (sborník), Praha, 1961, s. 11—15; его же. Československo-sovietské vzťahy v období druhej svetovej války. CSSR a SSSR..., s. 45—153; его же. Pomoc SSSR Slovenskému národnému povstaniu. Slovenské národné povstanie 1944 (sborník), Bratislava, 1965, s. 375—397;

¹⁵ J. Pivoluska. K niektorým otázkam zahraničnej orientácie slovenského odboja do r. 1943. Slovánské štúdie, IX, Bratislava, 1967, s. 59—81; его же. Československo-sovietska spojenecká zmluva z r. 1943 jej ohlas a realizovanie v slovenskom hnutí odporu. V tradíciách Veľkého októbra (sborník). Bratislava, 1967, s. 39—57; его же. Miesto Vianočnej dohody v zahranično-politizkej orientácii Československa.— Historický časopis, 1965, № 1, s. 73—76.

¹⁶ E. Rečková. K niektorým problémom oslobodzovania južného a juhovýchodného Slovenska Sovietskou armádou.— Slovánské štúdie, VII, Bratislava, 1965, s. 135—144.

¹⁷ Š. Fano. K československo-sovietskym vzťahom v období rokov 1945—1948. Historica — Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského, roč. XIV, Bratislava, 1963, s. 75—106.

¹⁸ Л. Гараксим. К otázke rusko-ukrajinského osídlenia na východnom Slovensku. Sborník prací Filozofickej fakulty Brněnské university, X, Brno, 1961, s. 192—198; его же. Matica slovenská a Slovania. Matica slovenská v našich dejinách (sborník). Bratislava, 1963, s. 149—160; его же. K problematike obrodzenia Ukrajincov východného Slovenska a Zakarpatska. Oleksander Duchnovič. Zbirnyk materialov naukovej konferenciji prisviacenoji 100. ričeuju z dňa smerti (1865—1965), Prešov, 1965, s. 17—29.

первым в словацкой историографии сделал попытку всесторонне осветить историю развития украинцев в Словакии¹⁹ до 1867 г. Вопросы украинско-польско-словацких контактов в карпатской области освещены в обширной монографии Е. Ставровского²⁰, обобщившего все предшествующие исследования по этой проблематике.

Большой интерес представляют работы А. Шпиеса²¹, посвященные проблематике аграрных отношений в Центральной и Восточной Европе, статья О. Р. Галаги о торговых связях немецкой Ганзы со странами Центральной Европы²² и исследование Л. Гараксима о словацком национальном движении в революции 1848—1849 гг.²³

Изучению истории Польши и польско-словацких отношений в словацкой историографии уделяется довольно значительное внимание, хотя, правда, еще не выявились достаточно четко основные направления в исследовании этой проблематики. Отдельные работы, особенно по периоду средневековья, касаются экономических отношений словацких и польских городов (О. Р. Галага)²⁴, вопросов связей Словакии и Польши (О. Р. Галага)²⁵, торговли солью (М. Кучера,

О. Р. Галага)²⁶, более широкой проблематики в связи с историей возникновения городов²⁷, общих народных традиций (Е. Ставровский)²⁸, польско-словацких отношений в широком плане²⁹, но в целом это пока еще лишь отдельные исследования по частным вопросам. Систематически изучаются польско-словацкие отношения во второй половине XIX в. В работе В. Бородовчака об откликах на польское восстание 1863 г. в Словакии³⁰, и особенно в его публикации об отношении поляков к словацкой национально-освободительной борьбе³¹ рассматривается позиция отдельных классов и слоев польского народа по отношению к словацкой национально-освободительной борьбе. Решению этих вопросов способствует также исследование оценки польской общественностью национальных и политических программ поработоченных славянских народов габсбургской монархии³², отношения рабочих партий к Словакии³³, отношения польской пролетарской эмиграции в Венгрии к словакам³⁴ и освещения польской печатью

²⁶ М. Ку́ч е р а. Pol'sko-slovenský obchod so sol'ou do konca 16. stor. Slovenské štúdie, VII, Bratislava, 1965, s. 89—122; О. Р. Г а л а г а. Pol'ská a uhorská sol' na Slovensku. Studia z dziejów górnictwa i hutnictwa, t. XII, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, s. 69—75.

²⁷ О. Р. Г а л а г а. Mestotvorný proces a stredná Európa. Historica — Sborník Filozofickej fakulty Univezity Komenského, roč. XV, Bratislava, 1964, s. 95—144.

²⁸ Е. Ставровский. Spoločné ľudové tradície pol'ského západoukrajinského a východoslovenského ľudu v 16. až v prvej pol. 18. storočia. Slovenské štúdie, III Bratislava, 1960, s. 269—358.

²⁹ М. Ку́ч е р а. Slováci a Poliaci v minulosti. Historica — Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského, roč. XII—XIII. Bratislava, 1961, 1962, s. 147—190.

³⁰ В. Бородовчак. Ohlas pol'ského povstania roku 1863 na Slovensku. Bratislava, 1960, s. 196.

³¹ В. Бородовчак. Poliaci a slovenský národný zápas v rokoch dualizmu, Bratislava, 1969, s. 380.

³² В. Бородовчак. Poliaci a slovenská otázka v habsburskej monarchii na rozhraní 19. a 20. stor. Slovenské štúdie, X, Bratislava, 1968, s. 47—70.

³³ В. Бородовчак. Pol'ské robotnícke strany a Slováci na prelome dvoch storočí. Slovenské štúdie, VII, Bratislava, 1965, s. 59—88.

³⁴ В. Бородовчак. Pol'ská proletárska emigrácia v Uhorsku a Slováci na rozhraní XIX. a XX. stor. — Slovenský prehľad, 1968, № 2, s. 118—126.

¹⁹ Л. Г а р а к с и м. К социальным и культурным деинам Украинцев на Slovensku do r. 1867, Bratislava, 1961, 200 s.

²⁰ Е. Ставровский. Slovaccko-pol'sko-ukrajinske prikordonia do 18. storičja. Bratislava, 1967, 496 s.; Отдельную статью по этой проблематике опубликовал М. Д а н и л á к. Украинци а слованскы зязд в Праге. Slovenské štúdie, X, Bratislava, 1968, s. 5—28.

²¹ А. Шпиез. Vývoj agrárnych pomerov v strednej а východnej Európe а problém existencie druhého nevol'nictva na našom území. — Historický časopis, 1967, № 4, 512—518; е р о ж е. Balkanski obchodníci на Slovensku в XVIII. stor. — Historické štúdie, XIV, Bratislava, 1969, s. 77—97.

²² О. Р. Г а л а г а. Kaufleute und Handelsgüter der Hanse im Karpatengebiet. — Hansische Geschichtsblätter, roč. 85, Graz—Köln, S. 59—84.

²³ Л. Г а р а к с и м. Národnostná otázka а slovenské národné hnutie в revolúcii r. 1848—1849. Slováci а их národný vývin (sborník). Bratislava, 1966, s. 130—181.

²⁴ О. Р. Г а л а г а. Spojenia slovenských miest s Pol'skom а Русоu до 16. storičja. — Historické štúdie, XI, 1965, s. 139—164.

²⁵ О. Р. Г а л а г а. Porta Poloniae — в kwestii szlaków karpaccich we wczesnym średniowieczu. Acta Archeologica Carpathica, VII, Warszawa, 1965, s. 165—184.

вопросов национального угнетения словаков³⁵.

Изучение отдельных проблем польско-словацких отношений дало возможность создать по этой проблематике первую в словацкой историографии обобщающую коллективную работу³⁶.

В последние годы большое внимание в словацкой историографии уделяется исследованию экономической, политической и дипломатической истории Юго-Восточной Европы. Наибольший интерес вызывают такие темы как возникновение первого славяно-болгарского государства на Балканах (А. Авенариус)³⁷, аварско-славянские отношения (А. Авенариус)³⁸, хорватская колонизация и Словакии (К. Кучерова)³⁹ и особенно вопросы национально-освободительной борьбы народов Юго-Восточной Европы в XIX в. Несомненный интерес представляет взаимное сотрудничество словаков с сербами и хорватами в 30-х и 40-х годах XIX в. и отношение Штура и его сторонников к югославянской идее в первой половине XIX в. В работах В. Матулы⁴⁰ и З. Клэтика⁴¹ содержатся данные не только об усилении стремления к взаимному ознаменованию и сближению словаков с югославянскими народами, но и сведения о конкретных формах их политического сотрудничества.

Переселение словаков в Венгрию в XVIII—XIX вв. составляет целый комплекс исследований. И. Сирачки в ряде аналитических работ⁴², и особенно в

³⁵ V. Borodovčák. Pol'ská publicistika o slovenskom národnostnom útlaku v r. 1867—1914. Sborník o slovensko-pol'ských vzťahoch. Bratislava, 1969; его же. Problem odbudowy niepodległości Polski w prasie słowackiej 1914—1918. Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej, Wrocław, 1969, s. 44—56.

³⁶ J. Hroziencič, V. Borodovčák, Ľ. Haraksim, F. Gondor. Poliaci a my. Bratislava, 1964, s. 199.

³⁷ A. Avenarius, Prbulhari v prameňoch 6.—7. stor. Slovenské štúdie, VIII, Bratislava, 1966, s. 186—204; его же. K otázke avarsko-slovanských vzťahov v VI.—VII. stor., Slovenské štúdie, XI, Bratislava, 1970 (в печати).

³⁸ A. Avenarius. K otázke polohy a vzniku Samovej ríše. Historické štúdie, XIV, Bratislava, 1968, s. 177—200.

³⁹ K. Kučerová. St'ahovanie Chorvátov na Slovensko v 16. stor. Slovenské štúdie, VIII, Bratislava, 1966, s. 5—69.

⁴⁰ V. Matula. Mladé Slovensko a Juhoslovania. Slovenské štúdie, X, Bratislava, 1968, s. 29—45.

⁴¹ Z. Klátič. Stúrovci a Juhoslovania. Bratislava, 1965, s. 209.

⁴² J. Sirácky. St'ahovanie Slovákov na Dolnú zem v 18. a 19. stor.—Slovenský národopis, 1963, № 2—3, s. 193—258; его

своей монографии⁴³, исчерпывающе освещает этот вопрос.

Сотрудничество румын, сербов и словаков в борьбе против правительственной системы в Венгрии в конце XIX в. составляет предмет исследования М. Крайчовича⁴⁴. В обширной работе⁴⁵ автор дает подробный обзор форм и методов сотрудничества угнетенных народов Венгрии в этот период, уделяя при этом особое внимание активности словацкого патриотического движения и отношению этого движения к румынам и сербам. Вопросам об отношении словаков к национально-освободительной борьбе балканских народов внимание уделяет Й. Грозиенчик⁴⁶, В. Бородовчак⁴⁷ и М. Пипш⁴⁸.

Успехи, достигнутые в изучении словацко-югославянских и чешско-югославянских политических, культурных и экономических связей создали предпосылки для организации совместного обсуждения современного состояния исследования этой проблематики историками обеих стран.

Симпозиум, состоявшийся в Братиславе в 1966 г., был первой попыткой осветить эти вопросы в широких хронологических рамках от Велико-Моравской державы до второй мировой войны. Отдель-

же. K vzniku a vývoju slovenského osídlenia na Dolnej zemi v 18. storočí.—Historický časopis, 1963, № 3, s. 433—466.

⁴³ J. Sirácky. St'ahovanie Slovákov na Dolnú zem v 18. a 19. stor., Bratislava, 1966, s. 297.

⁴⁴ M. Krajčovič. Kongres Rumunov, Slovákov a Srbov. Slovenské štúdie, VIII, Bratislava, 1966, s. 71—110; его же. Význam Gustáva Augustyného 1851—1900 v slovensko-rumunsko-srbských vzťahoch. Slovenské štúdie, VII, Bratislava, 1966, s. 145—154; его же. Slováci u Ujedinjena omladina srpska. Ujedinjena omladina srpska. Zbornik radova. Matica srpska. Novi Sad, 1969, s. 415—442; его же. Zjednotená omladina srbská a Slováci. Nový život, Nový Sad, 1968, № 1, s. 53—59.

⁴⁵ M. Krajčovič. Slovenská politika v strednej Európe 1890—1901. Bratislava, 1970.

⁴⁶ J. Hroziencič. Účasť slovenských kolonistov v revolučnom hnutí bulharského ľudu. Československo-bulharské vzťahy v zrcadle stáletí. Praha, 1963, s. 163—175.

⁴⁷ V. Borodovčák. Oslobodenie Bulharska v r. 1878 a Slovenske.—Slovenský prehľad, 1967, № 4, s. 210—214; его же. Ruská politika na Balkáne a Slováci v predvečer prvej svetovej vojny.—Slovenské štúdie, XI, Bratislava, 1970.

⁴⁸ M. Písch. Postoj Slovákov k východnej kríze v 70 r. XIX. stor. Slovenské štúdie, XI, Bratislava, 1970.

ные статьи, опубликованные в сборнике⁴⁹, дают уже не только аналитическое, но и синтетическое представление о ряде вопросов словацко-югославянских и чешско-югославских связей.

Важной составной частью изучения истории Юго-Восточной Европы является исследование дипломатических и политических отношений на Балканах в межвоенный период. Л. Деак исследует внешнюю политику Югославии⁵⁰; ее отношение к Советскому Союзу⁵¹, отношение Балканского союза к Дунайскому пакту⁵², проблематику развития Малой Антанты⁵³ и дипломатические отношения Румынии и СССР⁵⁴. В. Быстрицкий сосредоточил свое внимание на проблеме возникновения Балканского союза⁵⁵, на изучении внешней политики го-

сударств Юго-Восточной Европы⁵⁶, внутривосточного развития⁵⁷ и внешней политики Болгарии⁵⁸ и ее дипломатических отношений с Югославией⁵⁹. И. Порубский исследует значение восстания 23 августа 1944 г. в Румынии⁶⁰.

Значительных результатов достигла словацкая историография в изучении истории Венгрии после 1918 г.⁶¹, И. Фабьян⁶² и Л. Олекса⁶³ сосредоточили внимание на исследовании внутривосточного и внешнеполитического развития Венгрии в годы второй мировой войны в тех аспектах, которые имели отношение к словацкой истории. Большим вкладом в изучение политической обстановки на оккупированной территории южной Словакии в 1938—1945 гг. является работа

⁴⁹ Československo a Juhoslávia. Bratislava, 1968, 440 s. В сборнике опубликованы доклады словацких авторов: P. R a t k o š. Zo slovensko-juhoslovenskej problematiky, s. 17—36; V. M a t u l a. Mladé Slovensko a Juhoslávia, s. 106—133; M. Krajčovič. Slováci a Juhoslávia (1890—1901), s. 146—180; L. D e á k. Juhoslávia a Malá dohoda (1935—1936), s. 235—268; J. H r o z i e n ě i k. K otázke slovensko-juhoslovenskej solidarity v boji proti fašizmu, s. 385—399. Сборник содержит доклады словацких историков: О. Р. Галаги, К. Кучеровой, Л. Гараксима, И. Сирацко, М. Пиша, Ф. Бокеса, В. Борродвачака, В. Быстрицкого, Е. Райсвой, И. Карделиса, И. Майера. В сборнике опубликованы также доклады чешских и югославских историков.

⁵⁰ L. D e á k. Cesta prezidenta Beneša do Juhoslávie r. 1937.—Slovanský prehľad, 1965, № 4, s. 220—227; его же. Jugoslávija i 7 brezen 1936. Studia z dziejów ZSSR i Európy Śródokwowej. Wrocław, 1970.

⁵¹ L. D e á k. O pitanju normalizacije političkih odnosa Jugoslavije prema ZSSR u godinama 1933—1936. «Istorija XX veka». Zbornik radova, IX. Beograd, 1968, s. 245—291; его же. K problému normalizácie vzťahov medzi Juhosláviou a ZSSR v rokoch 1933—1935. Slovenské štúdie, IX. Bratislava, 1967, s. 98—116.

⁵² L. D e á k. Balkánska dohoda a plán Dunajského paktu (1935).—Slovanské štúdie, XI. Bratislava, 1970.

⁵³ L. D e á k. Siedmy marec 1936 a Malá dohoda. Československý časopis historický, 1969, № 3, s. 325—350.

⁵⁴ L. D e á k. K otázke vzťahu Rumunska k SSSR v rokoch 1933—1936.—Slovanské štúdie, VIII, Bratislava, 1966, s. 141—147.

⁵⁵ V. B y s t r i c k ý. Vznik Balkánskej dohody a československá zahraničná politika.—Historický časopis, 1967,

№ 3, s. 365—387; его же. Bolgarija i vznikovenije Balkanskoj Antanty. I-er Congres International des Etudes Balkaniques et Sud-Est Europeennes. Resumes des Communications. Sofia, 1966, s. 29—44.

⁵⁶ V. B y s t r i c k ý. Nové tendencie v zahraničnej politike balkánskych štátov začiatkom 30. rokov. Slovenské štúdie, X, Bratislava, 1968, s. 113—154.

⁵⁷ V. B y s t r i c k ý. Prevrat 19. mája 1934 v Bulharsku a Malá dohoda.—Slovanský prehľad, 1968, № 4, s. 290—298.

⁵⁸ V. B y s t r i c k ý. Zu den Fragen der Beziehungen Bulgariens und der Grossmächte in den Jahren 1936—1938. Politika na velike sili na Balkáne v poverčienko na svetovna vojna (sbornik). Sofia, 1971 (в печати).

⁵⁹ V. B y s t r i c k ý. Vplyv juhoslovensko-bulharského paktu na vývoj Balkánskej dohody. Slovenské štúdie, XI. 1970; V. B y s t r i c k ý, K. M a n ě v. Bulgaro-juhoslovenskoto sblíženie i Československa (1933—1937).—Исторически преглед, 1968, № 4; стр. 3—30.

⁶⁰ J. P o r u b s k ý. Poznámky k vojenskému povstaniu 23 VIII 1944 v Rumunsku. Sbornik marxizmu-leninizmu, I, Bratislava, 1967, s. 133—151.

⁶¹ E. R e ě k o v a. Mad'arsko a Tardieuov plán hospodárskej spolupráce podunajských štátov.—Slovanský prehľad, 1967, № 3, s. 143—149; его же. Mad'arské vol'by na jeseň r. 1945.—Slovanský prehľad, Praha, 1966, № 1, s. 20—25; его же. K niektorým problémom mad'arsko-československých vzťahov v medzivojnom období.—Slovanský prehľad, 1969, № 5, s. 371—376; его же. Ohlas protifašistického boja slovenského ľudu v horthyovskom Mad'arsku. Slovenské národné povstanie 1944 (sbornik). Bratislava, 1965, s. 502—513.

⁶² J. F a b i a n. Svätostefanské tiene. Bratislava, 1966, s. 141.

⁶³ L. O l e x a. Kríza horthyovského fašizmu počas Slovenského národného povstania. Bratislava, 1963, s. 140.

М. Вьетора⁶⁴, в которой рассматриваются формы сопротивления словацкого и венгерского населения, проживавшего на этой территории.

Значительным вкладом словацких историков в изучение истории нашего южного соседа является синтетическая коллективная работа «Венгрия в 1918—1965 гг.»⁶⁵. Это первая попытка всесторонней оценки внутриполитического, экономического и культурного развития и внешней политики Венгрии с 1919 г. до середины 60-х годов нашего века.

⁶⁴ M. Vietor. Dejiny okupácie južného Slovenska (1938—1945). Bratislava, 1968, 505 s.

⁶⁵ «Mad'arsko v rokoch 1918—1965». 800 s. (в печати).

Мы назвали ряд работ по проблематике истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, но все же следует признать, что эта проблематика не изучается еще систематически и комплексно.

Однако аналитический характер многих исследований создает условия для синтетического обобщения ряда явлений из дипломатической, политической и экономической истории и проведения комплексного изучения истории отдельных народов и государств этого региона. Словацкая историография в 1960—1970 гг. сделала значительный шаг вперед в изучении всеобщей истории вообще и истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в особенности.

Ваалериан Быстрицкий

Zb. WOJCIK. Między traktatem andruszowskim a wojną turecką (Stosunki polsko-rosyjskie. 1667—1672). Warszawa, 1968

З. ВУЙЦИК. Между Андрусовским миром и Турецкой войной (Русско-польские отношения 1667—1672)

1667—1672 гг. — особый период в политической истории Восточной Европы, время между двумя крупными международными конфликтами в этом районе: войной за воссоединение Украины с Россией и целым рядом войн, вызванных турецкой агрессией на Украине. Этим, а также отсутствием четкой группировки сил объясняется необыкновенная сложность международной проблематики этих лет.

Если отдельные аспекты проблематики этого периода изучались, то русско-польские отношения оставались очень мало изученными. Солидное монографическое исследование З. Вуйцика, основанное на изучении как имеющейся литературы¹, так и большого количества документальных материалов, извлеченных автором из архивов СССР, Польши, Австрии, Франции и Англии, заполняет этот пробел.

Уже знакомство с первой главой работы «Международное значение Андрусовского договора» показывает, что автор не склонен понимать свою задачу слишком узко, а стремится рассматривать историю русско-польских контактов на фоне и в рамках всей системы международных отношений этого времени. Наряду с естественными для исследования такого рода экскурсами в историю от-

ношений России и Речи Посполитой с их главными дипломатическими партнерами этих лет — Турцией и Крымом, в работе рассматривается позиция основных западноевропейских держав по отношению к происходящим в Восточной Европе событиям. В исследовании З. Вуйцика содержится также подробный анализ положения на Украине и обстоятельно и, как представляется, в целом правильно охарактеризована деятельность гетмана Правобережья турецкого ставленника Петра Дорошенко, в значительной мере способствовавшего обострению русско-польских противоречий на рубеже 60—70-х годов.

Наиболее ценной и интересной частью работы представляется произведенный З. Вуйциком тщательный анализ восточной политики Речи Посполитой в 1667—1672 гг. Наблюдения и выводы автора основываются на широкой источниковедческой базе. Не ограничиваясь изучением собственно дипломатической документации (посольских отчетов, инструкций и т. д.), З. Вуйцик широко использовал в своей работе материалы переписки государственных деятелей, диариусы сеймов и постановления сеймиков, донесения аккредитованных в Польше иностранных дипломатов. Наконец, он тщательно изучил основные памятники публицистики, распространявшиеся на территории Речи Посполитой во время бескорольевы 1668—1669 гг. Поэтому автору удалось не только дать представление о деятельности польской дипломатии, но и обрисовать контуры внешнеполитических концепций государственных деятелей Речи Посполитой и отдельных групп шляхты

¹ Можно отметить лишь один досадный пропуск — автору, по-видимому, осталась неизвестной статья: В. Эйнгорн. Отставка А. Л. Ордина-Нащокина и его отношение к малороссийскому вопросу. «Журнал министерства народного просвещения», 1897, ноябрь.

в те переломные годы, когда по окончании долголетней русско-польской войны перед ними вставал вопрос о перспективах дальнейшего политического развития Восточной Европы. З. Вуйцику удалось показать, что, хотя в целом для польской политической мысли этих лет было характерно преобладание старых взглядов, связанных с надеждами на возобновление политики восточной экспансии, наряду с этим у отдельных политических деятелей (например, подканцлера Ольшовского) и публицистов можно отметить и осознание необратимости происшедших изменений и четкое представление о том, что у недавних соперников имеются некоторые общие интересы, за которые они могут совместно бороться.

Противоречивыми, как показывает З. Вуйцик, были основные цели и характер польской восточной политики. С одной стороны, Речь Посполитая не желала примириться с происшедшими изменениями, стремясь сохранить хотя бы юридические права на возвращенные территории, и поэтому упорно отклоняла русские предложения о превращении Андрусовского перемирия в «вечный мир». Польские дипломаты упорно добивались присоединения Киева и выдвигали требования на другие русские территории — Себеж, Невель, Велиж. С другой стороны, Речь Посполитая стремилась к заключению военно-политического союза с Россией, чтобы обеспечить себе русскую помощь в случае возможного столкновения с Турцией и Крымом, к которому явно вело развитие польско-турецких отношений. Одна цель, по существу, исключала другую, и понятно поэтому, что польскому правительству так и не удалось объединить свои противоречивые стремления «на платформе политического реализма». Вместе с тем польскому правительству на рубеже 60—70-х годов не удалось добиться и стабилизации внутреннего положения в стране. В результате польским политикам не удалось достичь осуществления поставленных целей, не произошло и укрепления позиций Речи Посполитой на востоке, а соглашение о русско-польском союзе против турок практически не вступило в действие.

Выводы, к которым пришел З. Вуйцик, его оценка польской восточной политики представляются совершенно правильными и существенно расширяют наши представления о политическом развитии Восточной Европы в первые годы после Андрусовского мира. Хотелось бы только добавить, что противоречивость польской политики нашла определенное отражение и в проектах «военного союза», выдвигавшихся польской стороной. Его условия и сферу действия польские политики всячески стремились ограничить, чтобы не дать России возможности использовать союз для укреп-

ления своих позиций на Правобережье. Характерно в этом смысле сделанное в пылу полемики заявление польского представителя на переговорах в Андрусове (1669—1670 гг.) Яна Гнинского, что «лучше казаком и всей Украине у турка в подданстве быть как волохи», чем находиться под покровительством России².

Часть исследования З. Вуйцика, посвященная внешней политике России, также основывается на обширном документальном материале, извлеченном из посольских книг фонда «Сношения России с Польшей» в ЦГАДА. Можно только выразить сожаление, что автор, тщательно изучивший «книги», по каким-то причинам уделил сравнительно мало внимания черновым и подготовительным материалам, отложившимся в так называемых «делах» этого фонда.

Изображение русской политики дается автором как бы в контрастном сопоставлении с внешней политикой Речи Посполитой. Если польская политика, как уже указывалось выше, была противоречивой, то «русская позиция» — пишет З. Вуйцик, — была собственно с самого начала ... совершенно последовательной». Цели, осуществления которых последовательно добивались русские политики, заключались в том, чтобы удерживать за собой присоединенные по Андрусовскому договору территории, при благоприятных условиях распространить свое влияние на территории Правобережной Украины и, кроме того, избавиться от обязательств, принятых в Андрусове, а затем в Москве о совместных военных действиях против Турции и Крыма (стр. 307). Далее автор, правда, оговаривается, что первоначально русское правительство соглашалось на этот союз, но это объяснялось тем, что русские политики в 1667—1669 гг. сами опасались турецко-татарского нападения на Россию и, кроме того, царь хотел перед началом элекции подобным шагом привлечь расположение поляков к кандидатуре царевича. Когда элекция кончилась неудачей, а отношения с Турцией улучшились, русское правительство отказалось от своих обязательств, так как не в его интересах было поддерживать Речь Посполитую, продолжавшую претендовать на Киев и Левобережную Украину. Такова схема русской внешней политики в указанные годы, созданная З. Вуйциком. Представляется, что автор правильно наметил некоторые основные тенденции этой политики. Так он верно подчеркивает, что Россия ни при каких условиях не желала уступить территорий, присоединенных по Андрусовскому миру, что и после Андрусова, хотя и в скрытом виде, русское правительство продолжало вести упорную борьбу за присоеди-

² В. Эйнгорн. Там же, стр. 140

нение Правобережной Украины. Вместе с тем отдельные выводы польского исследователя вызывают сомнения и возражения. Представляется несколько одно-сторонним и упрощенным изображение позиций русского правительства по вопросу об антитурецком союзе.

Во-первых, готовность русского правительства к заключению антитурецкого союза в 1667—1669 гг. вряд ли можно объяснить только соображениями, указанными З. Вуйциком, хотя они, несомненно, имели место. Выдвигавшиеся русскими дипломатами и во время московских переговоров 1667 г.³ и позднее на второй Андрусовской комиссии 1669/1670 гг. (о чем упоминает и сам автор, стр. 213) планы активной наступательной политики по отношению к Турции и Крыму и вытеснения турок за Дунай позволяют думать, что идея антитурецкого союза связывалась в Москве с планами укрепления позиций России за счет установления ее политического контроля над освобожденными от турок православными народами Балкан. Кроме того, думается, что в определенной ситуации предусмотренный условиями антитурецкого союза ввод русских войск на Правобережье мог способствовать воссоединению и этой части Украины с Россией. Вероятно не случайно подписание московского договора (декабрь 1667 г.) о военном союзе против Турции почти совпало по времени с переговорами о переходе Дорощенко в русское подданство.

Кроме того, следует учитывать, что позиция русских правящих кругов по вопросу об антитурецком союзе на рубеже 60—70-х годов не была единой. Думается, что З. Вуйцик недостаточно учитывает эти обстоятельства, утверждая, что «собственно с самого начала» русское правительство стремилось только к тому, чтобы избавиться от своих обязательств по Московскому договору. Как хорошо показано в работе В. Эйнгорна, в русских правящих кругах шла острая борьба по вопросу о том, следует или нет выполнять условия этого соглашения. Так, например, когда к концу 1669 г. у некоторых русских политиков сложилось мнение, что в данный момент целесообразно уклониться от подтверждения Московского договора, то это мнение встретило резко отрицательную реакцию со стороны тогдашнего руководителя русской внешней политики А. Л. Ордин-Нащокина, указанного, что «ныне развращать невозможно, что бог создает». В своем мнении, направленном в связи с этим царю в начале 1670 г., он специально подчеркивал необходимость согласованной политики обоих государств

по отношению к Турции и Крыму, «а порознь будет преступление и обман»⁴.

Думается, что у русского правительства на рубеже 60—70-х годов не могло быть единой и последовательной позиции в вопросе об антитурецком союзе. Очерченный З. Вуйциком политический курс выражал, как кажется, лишь одну из тенденций внешней политики России этих лет, которая стала господствующей лишь после отставки А. Л. Ордин-Нащокина с поста начальника Посольского приказа (начало 1671 г.).

Изучение борьбы этих тенденций и аргументации, развивавшейся обеими сторонами, позволит в дальнейшем дать ответ на вопрос, который и после исследования З. Вуйцика остается во многом неясным: какими мотивами руководствовало русское правительство, когда весной 1672 г. оно пошло на фактический разрыв военного союза с Речью Посполитой против Турции и Крыма.

В заключение еще одно небольшое замечание. Правильно указывая, что одной из причин неудачи русской кандидатуры на элекции 1669 г., была пассивность русского правительства, З. Вуйцик ищет объяснения этой пассивности в двух обстоятельствах: провале русского плана найти поддержку испанских и австрийских Габсбургов, а также воздерживания на царя памфлета «Шестрога» с его сообщениями, что пань ведут по отношению к Алексею Михайловичу двойную игру.

Выдвинутые объяснения вызывают, однако, некоторые сомнения. Бесспорно, найденный З. Вуйциком текст «русских предложений испанскому королю и некоторые другие сообщения о деятельности русских дипломатов в Вене и Мадриде представляют большой интерес, и каждый исследователь русской внешней политики этого времени должен будет с ними считаться. Однако, обращает на себя внимание, что об этих русских демаршах автору не удалось найти каких-либо сведений ни в русском, ни в австрийском архивах. Собранные З. Вуйциком материалы обнаружены им, главным образом, в архивах Парижа — это сообщения французских и польских дипломатов поступавшие из Польши. Такое состояние источниковедческой базы вызывает подозрение, не инспирированы ли в действительности эти сообщения о соглашениях России с Габсбургами профранцузским окружением Яна-Казимира, чтобы добиться активизации французской политики в Польше. Что касается «Шестрога», то в настоящий момент мы не знаем, было ли известно содержание этого

³ См. Г. А. Санин. Правобережная Украина и русско-польские переговоры 1667 г. в Москве. «История СССР», 1968, № 1, стр. 133.

⁴ Центральный Государственный архив древних актов. Сношения России с Польшей, кн. 129, л. 352 и сл. (вопросы, присланные к Ордин-Нащокину в декабре 1669 г. и его ответы на них).

памфлета царю и его советникам. Думается, что в дальнейшем выяснить причины пассивности русской политики позволит изучение переписки А. Л. Ордин-Нащокина с царем летом 1668 г., когда обсуждался вопрос о возможности поездки русского «канцлера» на элекционный сейм⁵.

Закачивая, следует подчеркнуть, что

в изучении русско-польских отношений рубежа 60—70-х годов работа З. Вуйцика является несомненно большим шагом вперед.

⁵ См. об этом: В. Эйнгорн. Там же, стр. 120—121.

Б. Флоря

Уједињена омладина српска. Сборник радова. Уредник Ж. Милисавац. Урбивачки одбор: Ђ. Бајић, В. Вулетич, Ж. Милисавац, Б. Новаковић, Б. Павичевић, Н. Петровић, А. Раденић. Нови Сад, 1968.

Объединенная сербская молодежь. Сборник. Нови Сад, 1968, 624 стр.

Сборник, выпущенный Матицей сербской (Нови Сад) и Историческим институтом (Белград), содержит доклады и выступления историков, философов и литературоведов Югославии, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Советского Союза, США и Чехословакии на международном симпозиуме, организованном 12—14 декабря 1967 г. в Нови Саде в связи со столетием возникновения Омладины.

Омладина, аналогично подобным движениям и организациям у некоторых других народов Европы (Италия, Германия), в своих идейно-политических принципах, программе и тактике отразила назревшие задачи определенного исторического этапа в развитии сербского освободительного движения; задачи борьбы против абсолютизма и других остатков феодализма, за национальную свободу, за политическую и духовную свободу вообще, за сплочение нации в едином государстве.

Доклады, прочитанные на встрече, тематически можно объединить (разумеется, условно) в несколько групп: Омладина и сербская общественно-политическая проблематика, мировоззрение выдающихся деятелей Омладины, политическая активность Омладины, Омладина и сербское художественное творчество, сербская литература омладинского периода и литература народов Европы, омладинская печать, традиции Омладины.

Н. Петрович (Югославия) в докладе «Историческое место, роль и значение Объединенной сербской молодежи» подвел итоги своих многолетних исследований омладинского периода. Докладчик указал, что Омладина, антифеодальная по существу, националистская по форме организация, возникла в эпоху, переломную как для Европы в целом, так и для старых империй — Австрии и Турции (под гнетом которых тогда находилась большая часть сербского народа), в годы общественного подъема в австрийской империи и в момент кризиса габсбургской монархии. Имперские власти не сомневались в том, что, несмотря на

культурно-просветительные цели, провозглашенные Омладиной, речь шла о радикальной организации, действующей во имя объединения всех сербских земель в единое сербское государство. Впервые была сделана попытка создать широкую общенациональную организацию, действующую независимо от государственных границ.

В Омладину, вступившую в борьбу с консервативными силами самого сербского общества, вошли представители различных общественных групп. Стремление к скорейшему разрушению Османской империи поставило ее во враждебные отношения с правящими кругами Сербии и Австро-Венгрии. Создался блок властей княжества и Австро-Венгрии против Омладины. Между радикальными кругами организации и правыми либералами, склонявшимися к капитуляции перед сербским правительством, назрел конфликт. Баланс сил (особенно ввиду позиции держав) складывался не в пользу национальной революции. Но Н. Петрович, полемизируя с тезисами реакционной историографии, подчеркнул, что Омладина, стремясь поднять народные массы на освободительную борьбу, пыталась изменить соотношение сил в пользу революции. Достоинно внимания мнение докладчика, что соглашение Александра II и Франца-Иосифа (Рейхштадт, 1876) имело целью, в частности, противодействие революционной народной борьбе на Балканах. Н. Петрович остановился также на обстоятельствах, обусловивших особую роль Воеводины в сербском национальном движении.

А. Раденич (Югославия) в докладе «Светозар Маркович и Омладина» показал закономерность борьбы сербского революционера-демократа против идеологии и политики либералов в рамках Омладины, борьбы, связанной с классовой дифференциацией сербского общества. Д. Неделькович (Югославия) рассказал о философских течениях в Омладине и отстаивании Светозаром Марковичем принципов революционного демократиз-

ма и социализма. Атеизму Марковича посвятил свое выступление Г. Писарек (Польша).

Не столь давно в Югославии и Советском Союзе началось глубокое изучение наследства крупного сербского публициста Живоина Жуёвича. В. Г. Карасев, опираясь на обширный новый материал, показал интерес Жуёвича к деятельности Омладины; сербский демократ и предтеча сербских социалистов, первым отмежевавшийся от либералов, подчеркивал историческую роль сербского «молодого поколения», значение его борьбы против национального гнета, за широкие демократические свободы.

Интересные материалы и наблюдения содержатся в докладах В. Войводица (Югославия) о подготовке восстания на Балканах в 1871—1872 гг. и К. Шаровой (Болгария) об участии Омладины в подготовке восстания в Болгарии в 1870—1872 гг. Ввиду содержащегося в них анализа важнейших сторон деятельности Омладины эти доклады занимают (наряду с докладом Петровича) центральное место в сборнике. В. Войводиц сосредоточил внимание на активности крайнего левого крыла Омладины, которое во главе со Светозаром Марковичем добивалось создания боевой революционной организации для борьбы против султанского господства; в докладе обрисован стратегический замысел левых (сотрудничество с революционными силами других народов, втягивание правительств Сербии и Черногории в борьбу). Однако, подчеркнул докладчик, хотя Омладина всколыхнула сербское общество, ее силы были недостаточны для успеха движения на Балканах. К. Шарова проследила развитие сотрудничества между болгарскими и сербскими революционерами (П. Хитов, В. Левский, С. и Е. Марковичи и др.).

Югославские ученые В. Крестич и В. Мелик затронули проблемы политической жизни (соответственно) в Хорватии и Словении в период деятельности Омладины. Отношение различных политических течений в Венгрии к Омладине и сербскому вопросу вообще явилось предметом докладов Э. Арато (Венгрия) и А. Лебла (Югославия). Чехословацкие исследователи Р. Гавранкова, В. Жачек, М. Крайчович, Я. Сирацкий остановились на сербско-чешских и сербско-словацких, а Н. Чакир (Румыния) на румынско-сербских отношениях в годы Омладины.

В выступлениях историков, собравшихся в Нови Саде, нашли освещение некоторые вопросы русско-сербских связей. С. А. Никитин (СССР) рассказал об отражении событий сербской политической жизни в 60-е годы XIX в. в русской прессе разных направлений, уделив особое внимание выступлениям выдающихся южнославянских публицистов. В. Маклелан (США), говоря о сотрудничестве

сербских и русских революционеров в 1870—1872 гг., подчеркнул необходимость выяснения степени влияния на них идей I Интернационала. В. Н. Кондратьева (СССР) охарактеризовала некоторые русские архивные материалы, характеризующие политическую ориентацию и тактику деятелей Омладины, и высказала свои соображения об авторстве одного из важных документов.

Отдельным аспектам деятельности омладинцев и их влиянию на развитие национальной культуры посвятили доклады югославские исследователи: А. Стойкович (нравственно-этическим взглядам омладинцев), М. Найданович (развитию сербской литературы), Д. Живанович (новеллистике), В. Миличевич (сербской драме 60-х годов XIX в.), Д. Еремич (творчеству искусствоведа и критика Йована Андреевича), Б. Бранешевич, Ж. Бошков, Б. Новакович, Дж. Баич (Югославия) показали вклад Омладины в области литературной, естественно-научной, просветительской и политической журналистики, переживавшей расцвет в конце 60 — начале 70-х годов, значение отдельных омладинских изданий. К. Чехак (Югославия) охарактеризовал общественную обстановку в Воеводине после ликвидации Омладины, обострение социальных противоречий в сербском обществе Воеводины в 70-х годах и начальные шаги рабочего движения. Ж. Милисавац рассмотрел эволюцию наследия Омладины в начале 80-х годов (так называемая «Новая Омладина»).

Литературным и культурным связям сербского народа с народами Европы в период Омладины были посвящены доклады югославских специалистов: В. Вулетича (русской литературе), Дж. Живановича (польской литературе), Б. Ковачека (венгерской литературе), пражской исследовательницы М. Черны (чешской культурной и литературной среде). Об отражении национальных чувств и стремлений в словацкой литературе в связи с сербским национальным движением периода Омладины рассказал Я. Кмеч (Югославия). М. Йованович (Югославия) рассмотрел вопрос о влиянии общественной и художественной мысли Франции (Руссо, Гюго, Сен-Симона, Прудона и др.) на идеологов различных течений в Омладине (от либерала Йовановича до революционного демократа С. Марковича).

В выступлениях ученых в Нови Саде (статьи, в ходе дискуссии нередко существенно разъяснились и дополнялись тезисы докладчиков, и опубликование материалов дискуссии является заслугой редакции сборника) было показано, что демократические круги не только сербского, но и других народов Австро-Венгрии сохраняли память об Омладине как о радикальном прогрессивном движении, боровшемся против обскурантизма и раз-

личных проявлений гнета. И правящие круги Австро-Венгрии применяли термин «Омладина» относительно иных организаций, имевших, по их убеждению, подрывные тенденции. Как отмечалось на встрече, прогрессивные омладинские традиции были использованы югославскими коммунистами в Воеводине для мобилизации народа на борьбу против фашизма.

Из данного краткого обзора видно, что материалы сборника рисуют широкую историческую картину деятельности Омладины. На симпозиуме в Нови Саде были показаны роль Омладины в истории сербского народа, ее прогрессивность, отражение в ее деятельности классовых противоречий тогдашнего сербского общества. Деятельность Омладины пред-

ставлена в связи с общеевропейским историческим процессом, и в частности с историей народов Центральной и Восточной Европы. Тем самым продвинулось вперед изучение одного из крупных прогрессивных движений народов Югославии в XIX в.¹ Плодотворный обмен мнениями в Нови Саде вновь свидетельствует об эффективности международных научных контактов.

V. Ф.

¹ Нам уже приходилось отмечать недостаточную изученность социально-экономических условий в Воеводине в 60 — начале 70-х годов XIX в. (см. «Советское славяноведение», 1969, № 6). Однако рецензируемый сборник не содержит новых исследований в этой области.

WIEŚLAW ŚLADKOWSKI. *Kolonizacja niemiecka w południowo-wschodniej części Królestwa Polskiego w latach 1815—1915*. Lublin, 1969, s. 285 + mapa

ВЕСЛАВ СЛЯДКОВСКИЙ. *Германская колонизация в юго-западной части Королевства Польского в 1815—1915 гг.*

Работа В. Слядковского, которую он защитил как докторскую диссертацию в Университете им. М. Кюри-Склодовской в Люблине — итог его многолетних исследований¹. Следует подчеркнуть, что эта проблема, представляющая значительный научный интерес, была сравнительно мало разработана в исторической литературе. В. Слядковский в своих исследованиях учитывал поиски З. Цихонкой-Патражицкой, занимавшейся вопросом немецкой колонизации на Волини², а из новых работ — статью М. Жиховского³, а также богатую старую и новую немецкую литературу, полемизировал с многими неправильными утверждениями

и даже мифами о роли немецкого элемента в этой части Королевства Польского.

Рецензируемая книга состоит из вступления, где дается обоснование темы, методики разработки, обзор литературы и источников, восьми разделов и заключения. Четыре первых раздела («Начало и развитие немецкой колонизации в юго-восточной части Королевства Польского до 1864 г.»; «Социально-экономические отношения в немецких колониях в юго-восточной части Королевства Польского в 1815—1864 гг.»; «Рост немецкой колонизации после крестьянской реформы и ее развитие до 1915 г.»; «Социально-экономические условия жизни колонистов в 1864—1915 гг.») содержат большой фактографический материал, характеризующий положение колонистов. Автор показывает развитие немецких колоний, связывая его с общественными, экономическими и политическими отношениями в польских землях, и положением в немецких государствах, откуда прибывали колонисты.

В. Слядковский кропотливо проанализировал материалы, что позволило сделать общие выводы относительно экономического положения немецких колонистов, обеспечения земель, состояния животноводства, социального расслоения и классовой борьбы. Эти вопросы рассматриваются автором с учетом немецкой колонизации в других польских землях и на Волини. До реформы 1864 г. немецкие колонисты селились в государственных и шляхетских имениях. В этот период немецкая колонизация в Королевстве Польском возросла примерно на

¹ См. статьи В. Слядковского: *Gospodarstwo kolonistów niemieckich w południowo-wschodniej części Królestwa Polskiego w latach 1815—1915*, «Annales UMCS», sec. F, vol. XVIII, 1966, s. 117—148; *Koloniści niemieccy a środowisko, wzajemne wpływy i oddziaływanie*, «Annales UMCS», sec. F, vol. XX, 1968, s. 161—179; *Z badań nad rozwojem kolonizacji niemieckiej w południowo-wschodniej części Królestwa Polskiego w latach 1864—1915*, «Rocznik Lubelski», t. VIII, Lublin, 1968, s. 151—177.

² Z. Cichocka-Patrzyska. *Żywioł niemiecki na Wołyniu*. Warszawa, 1933.

³ M. Żychowski. *Osadnictwo rolnicze kolonistów niemieckich w Królestwie Polskim w latach trzydziestych-sięćdziesiątych XIX w.* «Kwartalnik Historyczny», 1957, t. LXIV, № 3.

40%, а в юго-восточной части его почти на 300%. В начале XIX в. немецкие поселения на юго-востоке Королевства составляли 3,6% поселений. В 40-е годы 9,8% [11,4% всех немецких поселений в Королевстве (стр. 58)]. Еще более быстро здесь росла немецкая колонизация после 1864 г. Если в 1860—1864 гг. в юго-восточной части Королевства числилось около 6000 колонистов, то в 1910 г. их было уже 44 320. На рубеже XIX и XX вв. здесь проживало около 9% всего немецкого населения Королевства и 15% всех немцев, занимавшихся земледелием. Наибольших размеров колонизация достигла в повятах: Хелмском, где было образовано около 106 сел, Любартовском — 50, Гарволинском — 22, Влодавском — 21, Люблинском — 15 и Венгровском — 15.

В. Слядковский уточняет данные относительно размеров колонизации, количества колонистов, их обеспечения земель. Развитие немецкой колонизации он объясняет экономическими и социальными причинами, а также развитием капиталистических отношений на польских землях.

В следующих двух разделах: «Внутренний вид немецкой колонии» и «Внутренняя жизнь в колониях» В. Слядковский дает представление о формах поселений, о жилых и хозяйственных постройках, касается наименований поселений. Автор констатирует, что типичной формой деревни немецких колонистов была линейная одорядка, а также отдельная колония. Германские историки, главным образом Вальтер Куи, утверждали, что такую форму деревни перенесли на польскую почву немецкие колонисты. Автор опровергает это утверждение, доказывая исконно польский характер строения⁴. В наименованиях немецких колоний преобладали польские названия, и только некоторые названия имели немецкое происхождение.

Обстоятельно освещена внутренняя жизнь немецких колоний: вопросы религии, образования, семейная жизнь, взаимоотношения между жителями, общественные отношения. Доминирующей религией было здесь евангелическое-аугсбургское вероисповедание. В конце XIX в. большое значение приобрела религиозная секта баптистов. Отмечая недоброжелательное отношение царской администрации к немецким колонистам в Люблине и Хелме, автор связывает его с опасением, что колонизация могла затруднить русификацию этой территории, а хозяйственная деятельность колонистов ущипать интересы местного русского населения. Это утверждение не является убедительным уже потому, что в Любартовском повяте и особенно во Вло-

давском, где положение было аналогичным, позиция властей была иная. Кроме того, колонисты составляли очень небольшой процент населения, чтобы представлять собой угрозу в экономическом и политическом отношении, особенно если принять во внимание тезис автора о значительной их колонизации. Скорее всего это было связано с планами царских властей выделения этих территорий из Королевства Польского в самостоятельную Хелмскую губернию. Эта проблема, по моему мнению, была очень существенной для польского населения.

Много внимания уделяет автор немецким школам, так называемым канторатам — «религиозным школам», которые действовали наряду с государственными начальными школами. Немецкие школы находились в лучших условиях, так как количество учащихся, приходящихся на одну русскую школу, было в три-четыре или даже в пять раз больше. Говоря о сопротивлении немецкого населения уплате школьного налога (в Хелмском повяте в связи с этим произошли серьезные столкновения)⁵, трудно согласиться с окончательным выводом автора. Автор считает, что стражники не применили оружия, «желая по соображениям международного порядка избежать острых столкновений, жертв и т. п.» Для подтверждения этого тезиса, он пишет, что в случае столкновения с польским населением «результат инцидента был бы несомненно совершенно другим»⁶ (стр. 210). Это нельзя признать правильным, так как царские власти в аналогичных случаях подобным образом поступали и в отношении польского населения. Немецкие колонисты, как правило, не принимали участия в политической и общественной жизни местного населения.

В VII разделе — «Колонисты и окружающая среда, взаимодействие и взаимовлияние» — автор успешно полемизирует с немецкой историографией выдвинутым ею тезисом, что колонисты были «во всем серьезными покровителями культуры и учителями местного населения» (стр. 222—223). Он отмечает, что немецкие хозяйства были более товарными, чем хозяйства местных крестьян. Процесс колонизации колонистов быстрее протекал в обособленных усадьбах и медленнее в сплоченных этнических группах. По мнению автора, объективные условия, в которых находились немецкие колонисты, определили их враждебное отношение к национально-освободитель-

⁵ W. Ś l a d k o w s k i. Stanowisko władz carskich wobec szkolnictwa kantoralnego w południowo-wschodniej Kongresówce, «Rocznik Lubelski», t. X. Lublin, 1968, s. 149—262.

⁶ H. B r o d o w s k a. Ruch chłopski po uwłaszczeniu w Królestwie Polskim 1864—1904. Warszawa, 1967, s. 223 и следующие

⁴ J. B u r s z t a. Od osady słowiańskiej do wsi współczesnej. Wrocław, 1958.

ной борьбе поляков и революции 1905—1907 гг. (стр. 238). С этим утверждением нельзя согласиться, тем более что оно ослабляет тезис автора о значительной полонизации и ассимиляции немецкого элемента.

Автор указывает на почти полную особенность колонистов от остального местного населения. При этом он ничего не говорит об их связях со своей прежней родиной, они получали, как известно, прессу, портреты Бисмарка. Власти неоднократно отмечали, что «немецкие колонисты проникнуты духом единства с Германией и считают себя апостолами германизма в России»⁷.

В последней части работы «Публицистика и пресса о немецкой колонизации» В. Слядковский характеризует взгляды Б. Пруса, полемизирует с Г. Верценьским, видевшим в немецкой колонизации запланированную акцию прусских властей и обвинявшим колонистов в шпионской и диверсионной деятельности. Автор решительно отвергает утверждение Верценьского. Нельзя, однако, забывать о деятельности немецких офицеров и немецких эмиссаров среди колонистов. Для примера можно привести факт ареста 31 мая 1883 г. во Влодаве австрийского офицера Морица Нага с шпионской документацией или же арест 7 июня того же года во Влодаве Гуго Рутберга, который был якобы направлен в Королевство Польское из Вены с целью выяснения возможности покупки земли в Люблинской и Волынской губерниях. Путь его проходил по сле-

⁷ ЦГАОР; ф. 102, оп. 3, д. 47, ч. 42, 1891, л. 27—28.

дующим местностям: Грубешов, Ковель, Влодимеж Волинский, Войславце, Красныстав, Замость, Павлов, Верещин, Анджейов, Михельсдорф, Выгычно, Колаче, Влодава. Потом он намеревался побывать в Любени и ряде местностей Хелмского повята⁸. Это были местности, где проживали немецкие колонисты, и в связи с этим польские публицисты и историки могли действительно иметь повод для того, чтобы писать о диверсионной работе среди колонистов и их враждебной позиции по отношению к полякам.

Резюмируя свое интересное исследование, В. Слядковский пришел к общему выводу, что с экономической точки зрения «немецкие колонисты были положительным явлением», в то время как «в политическом отношении колонисты и вообще немецкое меньшинство сыграли отрицательную роль» (стр. 259). Этот вывод в значительной степени расходится с утверждением автора о несущественном отличии хозяйства немецких колонистов от хозяйства местных крестьян и с объяснением отношения колонистов к национально-освободительной и революционной борьбе условиями их положения.

Книга В. Слядковского является, несмотря на высказанные здесь оговорки, ценным исследованием. Советский читатель найдет в ней много интересного сравнительного материала при изучении немецкой колонизации на украинских землях.

⁸ ЦГАОР, ф. 102, оп. 80, ч. 52, л. 64—65.

Альбин Копруковняк

Fr. BRONOWSKI. Idea gminowładztwa w polskiej historiografii (Geneza i formowanie się syntezy republikańskiej J. Lelewela). Łódź, 1969, 158 s.

Фр. БРОНОВСКИЙ. Идея гминовладства в польской историографии (Генезис и формирование республиканского синтеза И. Лелевеля)

Лодзинский историк Фр. Броновский известен как исследователь истории польской исторической науки и, в частности, научного наследия И. Лелевеля¹. Его книга, посвященная анализу генезиса и формирования республиканского синтеза Лелевеля, — результат длительного и тщательного изучения творчества выдающегося ученого. В этом труде впервые рассматривается историческая концепция Лелевеля и прежде всего его теория гминовладства (народоправия) в тесной связи с развитием философской и общественно-политической мысли Западной Европы и Польши в конце XVIII — начале XIX в. Это позволяет Фр. Бро-

новскому показать Лелевеля как последнего идеологов Просвещения и в полной мере подчеркнуть развитие им новых идей, рождавшихся в атмосфере формирования романтической историографии. Можно без преувеличения сказать, что проблема традиции и новаторства Лелевеля составляет основу исследования автора.

Работа Фр. Броновского состоит из трех глав. В первой главе — «В кругу просветительских традиций» — рассматривается оценка идеала античной республики французскими историками XVIII в., а также влияние французской республиканской мысли на польскую историографию. Вторая глава — «На волне романтизма» — посвящена анализу нового понятия «народ», исторической ро-

¹ См. «Вопросы истории», 1964, № 2, стр. 188—189; № 5, стр. 194—195.

ли народа, разрабатывавшихся романтической историографией. Фр. Броновский нарисовал в этой главе довольно широкую картину отношения польских историков, публицистов, политиков, писателей конца XVIII — начала XIX в. к древней славянской демократии. В третьей, основной главе монографии — «В сравнении с историческим синтезом И. Лелевеля» — автор справедливо подчеркивает, что творчество Лелевеля стало важнейшим этапом в развитии идей гминовладства в польской историографии. Он анализирует оценку Лелевелем идеи свободы и демократии в истории античности и взгляды ученого на национальное прошлое. При оценке античной демократии Лелевель находился под влиянием идеологов Просвещения, особенно Мабли и Руссо. Однако польский историк вносил идею развития в оценку античности, придавая рассмотрению демократических полисов древности черты историчности. Он отвергал миф Просвещения об античных республиках как форме идеального строя, был близок к реалистическому описанию действительности в древней Греции. При анализе концепции национальной истории, разработанной Лелевелем, Фр. Броновский сосредоточивает внимание на его теории гминовладства как одной из основных составных частей этой концепции. В монографии проанализированы истоки лелевелевской теории гминовладства, созданной на богатой основе не только польской, но и европейской культуры. Она базировалась, как отмечает автор, прежде всего на синтезе представления о свободной Речи Посполитой и романтическом идеале народа. Фр. Броновский отмечает политическую актуальность этой теории для польского общества первой половины XIX в. В монографии показано, как Лелевель представлял процесс ликвидации древнего гминовладства. Его исследование по во-

просам создания раннефеодального польского общества Фр. Броновский с полным основанием относит к самым значительным научным достижениям ученого.

Работа Фр. Броновского, вышедшая из семинара проф. М. Серейского (Лодзинский университет), займет достойное место среди исследований ученых Польской Народной Республики, посвященных различным аспектам многогранной деятельности Лелевеля. В первые послевоенные годы исследователи народной Польши, подчеркивая традиции демократической мысли своего народа, обращались к Лелевелю прежде всего как выразителю демократических идеалов польского общества первой половины XIX в., порой невольно его идеализируя. В монографии Фр. Броновского, как и в последних работах польских ученых, посвященных Лелевелю, взгляды знаменитого польского историка XIX в. показаны во всей сложности и подчас противоречивости.

Автор не претендует на окончательное решение всех затронутых в книге проблем. Несомненный интерес представляет анализ значения лелевелевской теории гминовладства для идейно-политической борьбы в польском обществе первой половины XIX в., более подробное исследование этапов формирования этой теории и ее места в работах историка, написанных в разные периоды его жизни. Важную проблему представляет отношение к теории гминовладства последователей Лелевеля и его эпигонов. Эти вопросы еще ждут своего решения.

Тщательно выполненная и богато документированная монография Фр. Броновского существенно помогает осуществлению дальнейших исследований по истории польской исторической науки и общественно-политической мысли XVIII — XIX вв.*

Б. С. Попков

«KOMUNISCI. Wspomnienia o Komunistycznej partii Polski». Warszawa, 1969, 654 s.

«Коммунисты. Воспоминания о Коммунистической партии Польши»

В связи с пятидесятилетием Коммунистической партии Польши партийное издательство Польши выпустило сборник воспоминаний польских коммунистов. В сборнике рассказывается о деятельности КПП в течение 20 лет ее существования. На страницах сборника выступают известные деятели КПП и рядовые члены партии, а также члены Коммунистических партий Западной Украины и Западной Белоруссии, являющихся в то время составной частью КПП. Большинство воспоминаний публикуется впервые.

В книге дается краткая биографическая справка об авторах воспоминаний.

Из сборника мы узнаем, в каких трудных условиях подполья коммунисты вели борьбу против реакционного режима санации. О первом съезде компартии Польши вспоминает Ф. Беджицкий. О встречах с известными деятелями КПП А. Варским, М. Кошутской, Ю. Ленским и другими пишут Т. Федер, Ф. Фортальская, Ю. Серп, Ю. Ковальчик. Авторы воспоминаний рассказывают о героической борьбе КПП и о руководстве

партий массовыми революционными выступлениями польского пролетариата.

Мы узнаем, что вместе с рабочими в этих боях участвовали и трудящиеся крестьяне, что коммунисты боролись за создание единого и антифашистского фронта. Авторы рассказывают о борьбе польских коммунистов против угрозы Польше со стороны германского фашизма.

Из воспоминаний Ф. Ксенжарчика, В. Комара, Т. Цвика, Р. Новака читатель узнает, что польские коммунисты возглавляли борьбу всех антифашистских сил страны в защиту республиканской Испании и тем самым КПШ внесла большой вклад в дело международной солидарности.

В книге рассказывается об активном участии польских коммунистов в защите Варшавы от гитлеровских полчищ в трагические дни сентября 1939 г. Остальные страницы воспоминаний посвящены рассказу о том, как КПШ использовала разные формы деятельности, сочетая легальную и нелегальную работу. Освещается деятельность коммунистов — депутатов сейма, работа их в профсоюзах,

библиотеках и других легальных организациях.

О работе коммунистов среди молодежи пишут З. Травинский, К. Светлик, Б. Румынский. О деятельности коммунистов среди студенческой молодежи и о создании единой антифашистской организации рассказывает К. Петрусевич. В его воспоминаниях много интересных фактов. В некоторых воспоминаниях рассказывается о деятельности МОПР'а, который оказывал большую помощь коммунистам, особенно тем, кто находился в тюрьмах буржуазной Польши. Находясь в тюрьмах, польские коммунисты продолжали и там борьбу против реакции. С воспоминаниями выступают члены левых партий, которые вместе с коммунистами боролись за создание антифашистского фронта. В этом плане вызывают интерес воспоминания левого деятеля Строничтва людowego Ю. Сороки, который вместе с коммунистами принимал участие в создании антифашистского фронта в Замойском повяте.

В целом сборник является важным вкладом в изучение истории КПШ.

И. Б. Перцигер

J. DOLANSKÝ. Neznámý jihoslovanský pramen Rukopisů královédvorského a zelenohorského. Praha, Academia, 1968, 222 s.

Ю. ДОЛАНСКИЙ. Неизвестный южнославянский источник Краледворской и Зеленогорской рукописей. Прага, 1968

С того времени, как в начале XIX в. В. Ганка «открыл» Зеленогорскую и Краледворскую рукописи, они не перестают привлекать к себе внимание ученых. Но, если в первые десятилетия их рассматривали по большей части в качестве источников по истории первых веков развития чешского народа, то позднее, после того, как текстологические и палеографические исследования показали их поддельность, — как рукописи, не имеющие серьезного значения. Между тем, в пылу многолетней полемики, упускался из вида тот простой и очевидный факт, что Зеленогорская и Краледворская рукописи являются сами по себе памятниками чешской поэтической литературы эпохи национального возрождения. Кроме того, эти рукописи в значительной степени вопреки воле их авторов, стали, хотя в известной мере и негативно, катализатором углубленного изучения и познания чешского фольклора и литературы. Лишь в последние годы чехословацкие литературоведы поняли именно эту сторону проблемы. Сравнительно недавно о художественной ценности Краледворской рукописи писал в журнале «Чешская литература» М. Отруба (1968, № 4), а ныне вышло в свет новое исследование Ю. Доланского, по-

священное выяснению южнославянских источников Зеленогорской и Краледворской рукописей.

Уже в предшествующих работах было показано, что среди источников рукописей, кроме памятников древнечешской литературы, находились сборники русских и сербских песен, «Слово о полку Игореве». Однако оставалось неясным, какие образцы были использованы авторами рукописей для подражания славянскому эпосу. В качестве такого источника Ю. Доланский указывает книгу хорватского поэта XVIII в. Андрии Качича «Приятный разговор славянского народа», вышедшую в 1765 г. и затем неоднократно переиздававшуюся. Рассмотрев в первой главе историю распространения этой книги и степень знакомства с ней чешского общества начала XIX в., Ю. Доланский приходит к выводу, что чешские ученые и литературоведы знали об этой книге. Знал о ней, по мнению Ю. Доланского, и Ганка, хотя он ни разу и не упомянул ее в своих трудах и переписке — эту деталь Ю. Доланский считает весьма примечательной. Вторая и третья главы монографии посвящены детальному сличению и сравнительному анализу текстов Зеленогор-

ской и Краледворской рукописей с книгой Качича. Автор убедительно доказывает, что В. Ганка и Й. Лянда многое взяли от Качича. И дело не только в том, что ими были заимствованы стихотворный размер и те или иные грамматические формы, но и в том, что южнославянский материал был ими использован для описания явлений древнечешской общественной жизни. Так, в Зеленогорской рукописи, при описании древнечешского семейного быта, В. Ганка использовал сведения о хорватской задруге. Это новое и чрезвычайно плодотворное наблюдение Ю. Доланского заслуживает внимания.

Нельзя не отметить, что книга Ю. До-

ланского охватывает более широкий круг вопросов, нежели просто выяснение южнославянских источников рукописей. Источниковедческий анализ дал возможность поставить и решить многие существенные вопросы, имеющие прямое отношение к подделкам. Прежде всего, это относится к установлению авторства отдельных песен, их структуры и взаимоотношения друг с другом. Таким образом, книга Ю. Доланского с полным основанием может быть названа наиболее полным в настоящее время исследованием по истории и текстологии Краледворской и Зеленогорской рукописей.

А. С. Мильников

НОВАЯ КНИГА О БОЛГАРСКОМ ИСКУССТВЕ

Кирил Цонев — выдающийся болгарский живописец и автор талантливых исследований по технологии живописи и истории мирового искусства, реставратор Боянских фресок и педагог софийской Художественной академии. Обладая самобытной творческой манерой исполнения, будучи разносторонне одаренным художником и наблюдательным путешественником, работавшим во многих странах мира, Цонев создавал и выставлял свои картины в Европе и Америке; он изучал творчество мастеров Германии, Франции, Испании, Кубы, Италии, работал в Мексике вместе с Риверой, Орско и Сикейросом, но всегда и везде оставался истинно болгарским художником, впитавшим лучшие традиции национальной культуры своего народа.

Цонев родился в 1896 г. в г. Кюстендил, одном из старинных болгарских художественных центров, — из Кюстендила вышло немало замечательных художников. Цонев нередко вспоминал впоследствии, какую огромную роль в его жизни и формировании художественных взглядов сыграло соприкосновение с народным творчеством, к традициям которого были близки и родители художника. Особенно запомнились ему живописные сочетания домотканых ковров и покрывал, которые создавала его мать, подобно многим болгарским мастерицам владевшая тонким чувством цвета, формы, той особой гармонией сдержанных и в то же время звучных цветовых аккордов, которые превращают болгарские ковры и ткани в удивительные произведения искусства.

Цонев закончил гимназию в Кюстендиле, затем учился в софийской Художественной академии, а после ее окончания в 1919 г. продолжал образование в Вене и Мюнхене. Начиная с 1924 г. он начинает выставлять свои работы на международных выставках. В 1930 г. художник уезжает в Америку (Мексика,

Куба), где создает целый ряд произведений — портреты, композиции, пейзажи, ныне вошедших в экспозицию Национальной Художественной галереи в Софии. После возвращения в Болгарию Цонев становится членом прогрессивного Общества новых художников, а вскоре — одним из его руководителей. Художник живет и работает в самой гуще событий бурной художественной жизни Болгарии, неизменно отталкивая традиции передового искусства. Он выступает со статьями, докладами, работает как педагог, однако самым важным для Цонева остается его творческая работа.

В настоящее время делаются первые шаги в собиравии и систематизации огромного творческого наследия Цонева.

Первый удачный опыт — вышедшее недавно в свет двухтомное издание «Ки-

Портрет Е. Ш. х. м.

Портрет С. Минкова. х., м.

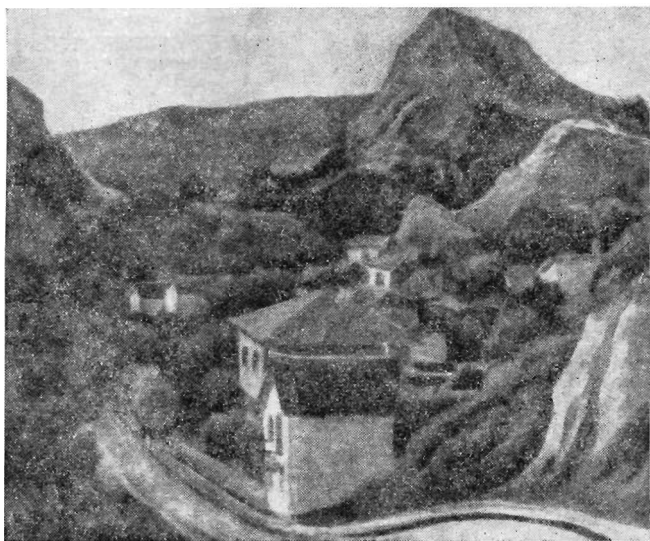
рил Цонев. Путь в искусство»¹. В первом томе, помимо краткой вступительной статьи В. Святилы, его открывающей, собраны статьи и исследования К. Цонева, касающиеся истории и современного искусства, а также технологии живописи. Сразу же обращает на себя внимание сам выбор мастеров, которые привлекают Цонева: Леонардо да Винчи и Веласкес, Рубенс и Ривера — в истории мирового искусства; В. Димитров-Майстора, А. Жендов, П. Георгиев, Г. Попов и другие современники художника —

¹ «Кирил Цонев. Път в изкуството», т. I, II. Съставител и редактор Сашо Стоянов. София, 1969.

в болгарском искусстве. Цонева всегда привлекали узловые, переломные эпохи в истории художественной культуры, интересовали цельные, глубокие и многогранные человеческие характеры и таланты — они были созвучны его собственной натуре, заключавшей в себе нечто ренессансное. Целиком принадлежа бурной и сложной эпохе нового времени, сформировавшись в условиях соприкосновения с национальной и западной культурами, Цонев через всю жизнь и творчество пронес любовь к непреходящим ценностям национальной художественной культуры, оставшись безразличным ко всякого рода мимолетным модным увлечениям в искусстве. Зато он был всегда исключительно чуток ко всему подлинно новому, умел его увидеть, понять и поддержать. В произведениях своих любимых болгарских художников Цонев видел приметы большого искусства — уважение к человеку труда, интерес к его психологии, стремление проникнуть в его сложный духовный мир.

Цонев-критик умеет спорить, не соглашаться, но он умеет и доказывать свою точку зрения в тактичной форме и с мастерством профессионала; такая критика помогала художникам в их творческом развитии. С тех пор как были опубликованы статьи, напечатанные в первом томе, прошло несколько десятилетий, но звучат они в наши дни свежо и актуально — верный признак их глубины и подлинной прозорливости автора.

В первый том вошли иллюстрации — целый ряд репродукций работ К. Цонева. Среди них «Портрет С. Минкова», «Мексиканский революционер», «Бездомная», портреты, пейзажи и натюрморты.

Закат над Балчиком. х., м.

Портрет Мары Цончевой. х., м.

О картинах Цонева 20—30-х годов можно сказать то же, что и о его теоретических работах: они современны и воспринимаются так, словно созданы в наши дни. Точность рисунка, лаконизм цвета, внимание к психологии в портрете, мастерство композиции — все это делает произведения Цонева подлинной школой для молодых художников.

Во втором томе — переписка Цонева с Ас. Василиевым, известным болгарским искусствоведом и художником, воспоминания о путешествиях по Америке. И в письмах, и в путевых заметках ярко проявилось цоневское восприятие мира, людей, искусства. Внимательно всматриваясь в облик природы и людей далеких стран, Цонев постоянно помнит об истоках своего творчества, о родной земле — и любовью к ней, гордостью за ее древнюю культуру провизаны письма и записки художника.

JADWIGA ZIĘTARSKA. *Sztuka przekładu w poglądach literackich Polskiego Oświecenia*, (Studia z okresu Oświecenia, t. 10). Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969, 324 s.

ЯДВИГА ЗЕНТАРСКАЯ. *Искусство перевода в литературных оценках польского Просвещения* (Изучение эпохи Просвещения, т. 10)

Книга, посвященная взглядам деятелей польского Просвещения на теорию и практику перевода, представляет большой интерес. Ее появление тем более важно, что хотя в послевоенные годы наблюдается значительное оживление интереса к вопросам перевода (достаточно

Специальный раздел второго тома посвящен воспоминаниям о Цоневе его современников — художников, искусствоведов, учеников и просто людей, любящих его творчество. (Здесь можно было бы упрекнуть редактора за некоторую перегрузку текста — отдельные эпизоды повторяются в разных воспоминаниях, и, пожалуй, было бы целесообразно выделить из них наиболее интересные.)

О Цоневе — человеке и художнике, принимавшем самое активное участие в борьбе за прогрессивное искусство, живо пишут С. Сотиров, М. Цончева, Н. Шмиргела, А. Василиев, писатели — Х. Радевский, Ламар, Н. Фурнаджиев, Г. Караславов и многие другие деятели болгарской культуры. В статьях искусствоведов Н. Маврадинова, А. Божкова, Сирака Скитника, К. Крыстева даются также анализ произведений художника — часть статей написана в 30-е годы, но представляет несомненный интерес для общего понимания искусства той поры и места Цонева в художественной жизни.

Взволнованно, с большой теплотой пишут о Цоневе писатель Г. Джагаров, скульптор С. Тодоров, художник А. Поплилов. Все они раскрывают какую-то новую грань творчества этого выдающегося художника, цельного и мужественного человека. И снова иллюстрации ко второму тому помогают оценить мастерство Цонева — рисовальщика и живописца.

Книга о К. Цоневе — не монография. Очевидно, будущая монография обобщит художественную деятельность этого большого мастера на научной основе. Но выпущенные издательством «Болгарский художник» два тома «Путь в искусство» — очень интересны, содержательны и помогают понять одну из ярких страниц истории болгарской художественной культуры XX века.

Е. Львова

указать на две книги безвременно скончавшегося молодого чешского теоретика перевода Иржи Левого¹, на книгу

¹ J. L e v ý. *České teorie překládu*. Praha, 1957; ег о же. *Umění překládu*. Praha, 1962. О второй книге см.:

О. Войтасевича² и польский сборник «Искусство перевода»³), все еще не монографических исследований, посвященных конкретному анализу отдельных этапов его развития в разных странах. Более того. Даже в специальных монографиях, посвященных культурным и литературным контактам славянских народов, в первую очередь ставятся вопросы, что и для чего переводится, а вопросы, посвященные поэтике перевода, практически оказываются на втором плане.

В период, которому посвящена рецензируемая книга, положение было иным. Идеологические и «технологические» аспекты перевода были неразрывно связаны между собой и глубоко волновали ведущих деятелей литературы и культуры, — не только писателей, но и общественных деятелей, ученых, педагогов.

Изучив огромный фактический материал, относящийся к взглядам деятелей польского Просвещения на перевод, автор критически пересмотрел некоторые упрощающие схемы, крепко утвердившиеся в теории перевода.

Так, принято считать (не только в польской литературе — см. хотя бы известную работу А. В. Федорова⁴), что эстетика классицизма требовала вольного перевода (того, что в русской литературе получило название «склонения на наши нравы») и что только в эпоху романтизма впервые ставится задача воспроизвести стилистическое своеобразие подлинника.

Зентарская хорошо видит тесную связь между переводческой практикой деятелей Просвещения и эстетикой классицизма. Однако она показывает, что принципы классицизма далеко не во всех случаях требовали вольного перевода. Прежде всего критерий соответствия перевода оригиналу менялся в зависимости от жанра. Так в переводе комедий, басен и сатир главенствовал принцип адаптации, ибо основная цель таких произведений, по мнению теоретиков Просвещения, состояла в «исправлении нравов», т. е. в воздействии на читателя⁵, а с другой стороны — согласно тем же воззрениям — комедия имеет своим предметом изображение обычаев, т. е. того, чем отдельные культуры резко различаются. Что касается лирических и философских

произведений (в особенности античных), то здесь переводчик XVIII в. гораздо больше стремился к передаче своеобразия оригинала. Во-вторых, — и в выявлении этого обстоятельства особая заслуга Зентарской — самый принцип «вольного перевода» проявляет себя не только в сознательной «полонизации» оригинала с резким изменением и стиля, и содержания, с полным пренебрежением к намерениям автора — часто даже без объявления о том, что имел место перевод⁶. Очень характерны для XVIII в., как показывает Зентарская, и такие вольные переводы, где переводчик многократно отстывает от оригинала, но каждое свое отступление, идет ли речь об амплификации, или перемене реплий, или исправлении «ошибок» стиля и композиции, или, наконец, об исправлении «еретических» мыслей автора и даже о прямой полемике с ним, переводчик тщательно мотивирует в предисловии или в сносках. Здесь уже другое отношение к «вольности», рассматриваемой как исключение, как нужда, а не как добродетель, — отношение, подготавливающее новый подход к переводу, проявившийся, как мы увидим, в том же XVIII в. А именно, как показывает Зентарская, во второй половине века (точнее, после 1770 г.) все сильнее проявляется тенденция к переводу, отражающему своеобразие подлинника. Правда, это стремление характерно в первую очередь для филологов-классиков. Однако постепенно принципы точного перевода все более широко распространяются в литературе. Здесь весьма важным оказался авторитет замечательного грамматиста Онуфрия Колчинского, который в своей «Грамматике» высказался за точность перевода. Принципы перевода, передающего не только общее содержание, но и формально стилистические особенности переводимого автора, постепенно осознаются столь отчетливо, что некоторые формулировки исследователей той эпохи звучат как выдержки из современного руководства по переводу, ср., например, следующее высказывание И. Влодека: «Для полноценного перевода еще необходимо: ничего не прибавлять от себя и ничего не потерять из того, что переводится, везде, где это только соответствует особенностям языка, надо обращать внимание и на объект и на способ его выражения, чтобы он был бы одинаково прекрасен в обоих языках. Поэтому не нужен перевод, занимающийся произвольным украшательством» (стр. 160). Разумеется, не стоит преувеличивать степень приближения концепции XVIII в. к современному пониманию адекватности перевода. Во-пер-

И. И. Р е в з и н. Семиотический комментарий к новой чешской книге о переводе. «Мастерство перевода». 1966. М., 1968.

² O. W o j t a s i e w i c z. Wstęp do teorii tłumaczenia. Wrocław, 1957.

³ «O sztuce tłumaczenia». Wrocław, 1955 (см. в особенности статьи З. Клеменевича и Р. Ингардена).

⁴ А. В. Ф е д о р о в. Введение в теорию перевода. М., 1953.

⁵ И в наше время интермедии в ряде пьес постоянно обновляются по той же причине.

⁶ Это обстоятельство правильно связывается Зентарской с особым отношением классицизма к проблеме авторства.

вых, Зентарская во «Вступлении» подчеркивает, что между теоретическими воззрениями и конкретной практикой может быть значительное различие. Во-вторых, требование верности оригиналу имеет разный смысл при разном понимании соотношения означаемого и означаемого (для XVIII в. разные языки — это лишь разные формы выражения одного и того же мыслительного содержания), ибо каждое такое требование должно оцениваться в системе целого. Тем не менее очевидно, что метод точного перевода в конце XVIII в. имел не менее прочную поддержку, чем принцип вольного перевода.

Следует также иметь в виду (в книге эта связь явно не прослеживается), что именно при применении метода точного перевода появляются неологизмы, обогащающие (иногда, впрочем, и портящие) язык перевода. Этого аспекта автор касается лишь в последней главе (стр. 255 и сл.). Интересно, что в русских работах о переводе этому вопросу всегда отводится значительное место (о роли неологизмов, введенных Кантемиром, говорит на стр. 267 и сама Зентарская). Столь же малое место в книге отводится вопросам влияния перевода на стихотворную форму (всего несколько замечаний на стр. 217). Чрезвычайно интересны приводимые Зентарской высказывания Минасовича о причинах, побуждавших его отказаться от рифмованного стиха.

Автор сознательно ограничивает свою задачу изложением взглядов деятелей Просвещения на перевод и почти не касается анализа их переводческой деятельности (если эта деятельность стала предметом обсуждения только в XIX в.). Такое ограничение связано с интересом к реконструкции определенной литературно-художественной концепции по методу, предложенному польским литературоведом Я. Славиньским⁷ (стр. 12).

⁷ J. Sławiniński. *Konwersja języka poetyckiego Awangardy krakowskiej*. Wrocław, 1965.

J. MACIEJEWSKI. *Słownik chełmińsko-dobrzyński* (Siemon, Dulsk). Toruń, 1969, 308 s¹.

Е. МАЦЕЕВСКИЙ. *Хелминско-добжинский словарь* (Семонь, Дульск)

В последнее время в славистической науке все чаще ставится вопрос о создании полных словарей говора одного населенного пункта или полных сравнительных словарей нескольких населенных пунктов или небольших территорий. Такие сравнительные словари, если в них

¹ В серии: *Prace Wydziału filologiczno-filozoficznego* (Towarzystwo Naukowe w Toruniu), t. XXI, zesz. 1.

Впрочем, фактически реконструкция ведется не путем абстрагирования и установления гипотетической историко-литературной структуры, как у Славиньского, а за счет широкого привлечения высказываний французских теоретиков классицизма во всех тех случаях, когда польские источники не давали сведений о тех или иных эстетических принципах. При всей спорности такого подхода следует признать, что для польского классицизма XVIII в. он оправдан: высокий престиж в Польше XVIII в. французских просветителей, в частности часто цитируемой «Энциклопедии», сомнений не вызывает.

Такая установка не означает, однако, отказа от выявления специфических особенностей развития переводческого искусства и литературного языка в Польше XVIII в. В частности автор вслед за Р. Майеновой⁸ подчеркивает значение того обстоятельства, что поляки XVIII в. ощущали как живой литературный факт поэзию прошлых веков, и в частности переводческую традицию Я. Кохановского. При этом и язык XVI в. — важность его для развития литературного польского языка сейчас несомненна⁹ — во многих случаях представлял для авторов XVIII в. образец, на который они ориентировались. Весьма характерно высокое мнение Красицкого о «старых польских переводчиках».

Таким образом рецензируемая книга представляет интерес не только для лингвистов и литературоведов, интересующихся проблематикой перевода, но и для всех тех, кто занимается проблемами контакта культур и места перевода в общем здании культуры.

И. И. Резви

⁸ См. предисловие к книге «*Ludzie Oświecenia o języku i stylu*». Oprac. Z. Florczak a L. Pszczolowska, pod red. M. R. Maýenowej. t. 1. Warszawa, 1958, s. 6.

⁹ См. И. И. Резви н. *Словарь польского языка XVI в.* «Вопросы языковедения», 1959, № 5.

выбор населенных пунктов будет сделан с учетом типичности репрезентации словарного состава определенных говоров, в условиях недостаточного исследования диалектной лексики явится действенным средством предварительного определения лексических изюблоссов, разделяющих или объединяющих диалектные зоны. Вышло из печати — несколько словарей этого типа, наиболее интересным из которых является «Сравнительный словарь

трех малопольских сел» М. Кудалы². Неоспоримое значение этой оригинальной работы подчеркивается в имеющихся рецензиях, в теоретических работах по диалектологии и диалектной лексике³.

Столь же важным является и вышедший в 1969 г. «Хелминско-добжинский словарь» Е. Мацевского. Он состоит из таких частей: «Вступление» (стр. 5—12), «Сравнительная характеристика словарного состава Дульска и Семония» (стр. 13—14), «Отличия в сфере словообразования» (стр. 15—18), «Лексические отличия» (стр. 18—23), «Коллективные отличия» (стр. 23—24), «Выводы» (стр. 24—25) и «Словарь» (стр. 26—259), состоящий из пяти больших разделов: 1. Природа (стр. 29—74); 2. Труд (стр. 75—162); 3. Физическая жизнь человека (стр. 163—197); 4. Умственная и психическая жизнь человека (стр. 198—217); 5. Общественная жизнь человека (стр. 218—256); «Реэюме» (на английском языке, стр. 257—259); «Индекс» (стр. 260—306).

Словарь Е. Мацевского представляет собой первое обширное собрание хелминской и добжинской лексики. На примере словарного состава двух быдгошских сел — с. Семень в Торунском повяте (в 6 км от г. Униславь) и с. Дульск в Голубско-Добжинском повяте (в 7 км от Голуб-Добжина на реке Дрвенца) — автор делает попытку определить соотношение словарного состава хелминского и добжинского диалектов.

Материал собирался в 1957—1961 гг. в каждом населенном пункте отдельно, а потом сводился в единый словарь, что дало возможность отразить лексическую специфику каждого говора и естественно употребляемые в говорах слова. Собрание слов осуществлялось по тематическим вопросам, составленным Диалектологической комиссией ПАН в Варшаве под руководством проф. В. Дорощевского⁴. Предметное (идеографическое, тематическое) расположение словарных статей, дополненное в словаре алфавитным индексом, раскрывает системные отношения лексики, синонимии слов, стилистическое богатство словоупотребления и естественно размещает фразеологизмы соответственно их значению.

² M. K u s a ł a. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.

³ См., например, W. K u p i s z e w s k i. [Рец.] M. K u s a ł a. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. «Poradnik Językowy», 1958, № 1; M. K a r a ś. Wytuczne doboru wyrazów języka ogólnonarodowego do słownika gwar polskich. «Język Polski», 1960, № 3, s. 169; Н. И. Т о л с т о й. Какой тип диалектного словаря нам нужен? В кн.: XII Республіканська діалектологічна нарада. Київ, 1965.

⁴ Kwestionariusz do badań słownictwa ludowego, z. 1—4. Wrocław, 1958.

При тематической классификации слов автор руководствовался схемой Р. Халлиха и В. Вартурга⁵, удачно приспособленной М. Кудалой к польской диалектной лексике в его «Сравнительном словаре трех малопольских сел». Е. Мацевский несколько изменил классификацию М. Кудалы, сократив количество тематических групп за счет их объединения и переместив некоторые лексемы в другие группы лексики.

Порядок подачи словарных статей в тематических группах следующий. В первую очередь указываются слова, общие для двух сел и общепольского языка с точки зрения произношения и семантики; они приводятся без объяснения значений, без иллюстраций и выделяются в тексте словаря графически. (Такой порядок подачи статей нарушает идеографический принцип размещения слов, но облегчает пользование словарем.) Последующий порядок определяется широтой семантики: слова с более широким значением предшествуют узкосемантическим.

Заглавие словарной статьи представляет собой инвариант лексемы, переданной в литературной орфографии; в случае, если по говорам слово звучит неодинаково, заглавием статьи становится форма, более близкая к литературной. Одна статья объединяет словообразовательные варианты. Деминутив дается в качестве самостоятельного заглавия статьи только в том случае, если деривация ведет к расщеплению семантики и перемещению лексемы в другой тематический пласт, например *wózek* — это не «малый воз», а «Малая Медведица».

Значения указываются только к тем словам, которые отличаются от литературных либо в плане выражения, либо в плане содержания. Такой способ обработки материала надо считать экономным.

По охвату материала словарь Е. Мацевского принадлежит к типу полных (интегральных) словарей — единственно возможных для сравнения диалектной лексики. Его словник состоит из 10 348 статей, содержащих около 9000 лексем.

Совокупность данных по лексике двух сел и ее сравнительный анализ показывают, что общая лексика составляет 64,6% и что 35,4% лексического состава двух сел — это слова и значения, принадлежащие лишь одному из этих сел⁶.

⁵ R. Hallig, W. von Wartburg. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. Versuch eines Ordnungsschemas. Berlin, 1952.

⁶ Приблизительно такую же разницу словарного состава устанавливает сравнительный анализ лексики трех малопольских сел, проведенный М. Кудалой. Обращая внимание на этот факт, Е. Мацевский ставит вопрос: не случайно ли это совпадение (стр. 24)? Очевидно, в этом совпадении нет закономерности и срав

Эти показатели свидетельствуют о значительных лексических различиях между говорами одного языка.

В работе сравниваются данные о количестве слов, относящихся к большим тематическим разделам лексики, и устанавливаются причины различий между говорами двух сел в этом аспекте. Так, большее количество слов, относящихся к общественной, духовной и физической жизни человека, в говоре с. Семонь объясняется более высоким уровнем культурного развития этого села; лучшее же знание жителями с. Дульска окружающей природы, реалий материальной культуры, связанной с сельскохозяйственными работами, обусловило и большее количество соответствующих слов в говоре Дульска. Достаточно подробно рассмотрены автором различия в словообразовании и семантике обоих говоров. Анализ лексических различий говоров Дульска и Семоня позволил Е. Мацевскому сделать вывод о более интенсивном влиянии польского литературного языка на добжинский говор и немецкого языка на хелминский говор (стр. 18—23). Автор справедливо ищет причины лексико-семантической дифференциации в экстралингвистических факторах, в частности, в том, что река Дрвенца была естественной и административной границей между добжинской и хелминской землями (стр. 24—25).

Следует, однако, признать, что сравнительный анализ лексики двух сел сделан только в общих чертах. Более детального анализа заслуживает сравнение не только больших разделов лексики типа «Природа», «Труд» и т. д., но и сравнение более узких лексико-тематических пластов типа «Рыбы», «Птицы», «Растения» и т. д. Иначе зачем же их выделять? В главах, где проводится сравнительный анализ лексики говоров двух сел, нет списков слов, присущих только говору одного из сел. Это шаг назад по сравнению со словарем М. Куцалы. Нет в работе и списка слов полисемичных в одном говоре и однозначных в другом, нет и других сравнительных данных.

Книга Е. Мацевского не лишена и недостатков, касающихся охвата материала, его лексической обработки, идеографической классификации лексики, разме-

нительный анализ лексики других польских диалектов покажет иной процент общности словарного состава.

Автор настоящей рецензии сделал сравнение лексики трех сел житомирского Полесья, относящейся в теме «Природа», и установил, что общая для этих пунктов лексика охватывает ровно три четверти общего количества лексем. См. Н. В. Никончук. Опыт сравнительного анализа лексики трех сел житомирского Полесья (на материале лексики природы). Автореферат канд. дисс. Одесса, 1970.

щения словарных статей, способа раскрытия их значений, документации и др.

Больше всего замечаний вызывает принятая в словаре схема классификации лексики. Она не охватывает всего богатства лексемного состава каждого говора, с одной стороны, и не позволяет представить содержащиеся в словаре лексемы во всей полноте их семантических манифестаций, с другой стороны.

Так, семантический объем многих глаголов гораздо шире, чем это показывает тематическая схема словаря. Например, *iść* 'o wodzie: płuwać' — в тематической группе «Река» (стр. 30); *iść* — без толкования в тематической группе «Существование» (стр. 43); *iść* — без толкования в тематической группе «Движения, помещенной в разделе «Физическая жизнь человека» (стр. 171). Приведенные в других словарных статьях иллюстрации (стр. 29, 33, 34, 35, 38) свидетельствуют о том, что эта лексема и ее дериваты отличаются в исследуемых говорах более широкой семантикой.

Есть много условностей в отнесении отдельных лексем и даже целых групп лексем к определенным разделам лексики и тематическим группам. Совершенно условно, например, к разделу «Физическая жизнь человека» отнесены тематические группы «Пища» (стр. 183—187), «Питье» (стр. 187—188), «Курение» (стр. 188—189), «Одежда» (стр. 189—195), «Личная гигиена» (стр. 195—197). Раздел «Физическая жизнь человека», особенно его подразделы «Части тела», «Физиологические процессы», «Болезни» и др., правильнее было бы объединить с разделом «Природа». Это устранило бы искусственное сужение семантики слов (ср., например, *noga* 'нога человека', стр. 165) и неоправданное повторение (ср. снова *noga* 'нога животного', стр. 67), позволило бы зафиксировать факты уничижительного, стилистического, образного и др. названия предметов, пополняющего манифестации лексемы другой семемой (ср., например, названия частей тела человека словами, обозначающими части тела животного), и избежать иных отклонений, отрицательно влияющих на комплексный анализ лексико-семантической системы.

В некоторых случаях создается впечатление искусственности тематического контекста. Так, слово *knowie* 'нижняя часть снопа' помещено в группе «Растения» (стр. 48; его лучше поместить в группу «Сельскохозяйственные работы»), слово *łagon* 'перекладина, мостик' — в группе «Река» (стр. 30; оно должно функционировать в группе «Коммуникация»), слово *grzyb* 'древесный гриб' — в группе «Деревья» (стр. 54; лучше в группу «Грибы») и т. д. Не всегда достаточно четко критерии гнездового подразделение слов, о чем свидетельствует функцио-

нирование слов *wędrowczyki* 'вид пчел', *uciekiniery* 'то же', *złodzieje* 'то же', *trędy* 'трутни', *muzykanty* 'то же' в группе «Животные» и слов *matka* 'пчелиная матка', *maciora* 'то же', *muzykanty* 'трутни', *trędy* 'то же' в части «Пчеловодство» раздела «Животноводство» (стр. 121) и др.

Автор не учел критического замечания В. Купишевского в рецензии на упомянутый выше словарь М. Куцалы о неэкономности повторения одних и тех же слов с одинаковым значением в разных частях словаря⁷. В его словаре мы встречаемся с повторением слов, которого можно было бы избежать Ср., например, *bartnik* 'пчеловод' в группе «Пчеловодство» (стр. 121) и в группе «Профессии» (стр. 156), *muzykanty* 'трутни' в группе «Пчеловодство» (стр. 121) и в группе «Животные» (стр. 58), *zagaj* 'молодой лес' в группе «Лес» («Местность», стр. 29) и в группе «Растения» (стр. 53) и др.

Классификация диалектной лексики нуждается еще в дальнейшем совершенствовании. В последние годы лексикологическая литература пополнилась рядом словарей, которые могут быть использованы для более четкого размежевания лексико-тематических пластов на основании семантических связей лексики⁸.

Если внимательно приглядеться к словнику некоторых лексико-тематических пластов, то создается впечатление его неполноты и в известной мере случайного подбора слов. Например, пласт «Лес» содержит только лексемы *las*, *las sosnowy*, *las liściasty*, *polana*, *łąka*, *bór*, *zagaj*, *porąb*, *wywioty* (стр. 29). Ясно, что он отражает лишь незначительную часть лесной терминологии. Поскольку в говоре функционировал составная лексема *las sosnowy*, то естественно допустить, что в нем имеются простые или составные лексемы, образующие противопоставление для значения 'лес дубовый', 'лес березовый' и т. д. Вряд ли в говоре отсутствуют лексемы для манифестации семем 'опушка', 'старый, перестойный лес' и др. Если в говоре имеются лексемы *staby wiatr*, *równy wiatr* (стр. 33), то, очевидно, есть составные лексемы для противопоставления 'сильный ветер'. Некоторые пласты лексики (например, ономатопейческая лексика — названия подражающий голосам диких зверей и птиц) в словаре почти не представлена.

⁷ W. Kupiszewski. Ibid., s. 45.

⁸ См. К. Бабов, А. Въргулев. Тематичен руско-български речник. София. 1961; J. Haller. Český slovník věsný a synonymický, I. Praha, 1969.

«Хелминско-добжинский словарь» Е. Мацеевского, таким образом, не отражает всей лексики исследуемых говоров и его только в принципе можно считать полным.

Некоторые замечания вызывает и редакционная сторона словаря. Имеются неточные, приблизительные дефиниции, например: *łyskać się*, *łyknąć się* 'błyskać się' (отсутствует глагол, обозначающий моментальное действие, стр. 34); *boże drzewko* 'roślina południowa' (стр. 58); *koźlarz* 'gatunek grzyba' (стр. 57). Часты случаи внесения в дефиницию нерелевантных признаков, сужающих десигнат, типа *bąbel* 'sopel lodu zwisający z dachu' (стр. 35; очевидно, если бы сосулька не свисала с крыши, денотат не изменился бы). При названиях растений и животных желательны латинские эквиваленты; вид некоторых растений вообще не определен, а толкование их названий дано настолько описательно, что нет возможности определить даже семейства, к которым принадлежат растения. Наблюдается несоответствие по виду между заглавием статьи и иллюстрацией (*grad tłucze: grot zboże sypie*, стр. 34), несоответствие по части речи (*mątny* 'mątny': *woda jak śe muići, że muntno*, стр. 32). Очевидно, одинаковые примеры, иллюстрирующие две рядом стоящие лексемы, было бы экономнее приводить в одной словарной статье (ср., например, статьи *mątny* и *mącić się* на стр. 32). В словаре, к сожалению, не выделены с помощью специальных значков лексические, словообразовательные, семантические и фонетические диалектизмы. Нет и стилистических помет при словах, отличающихся экспрессивно-оценочной коннотацией (такие коннотаты имеются, например, в разделе «Труд»). Следуя принятому автором принципу подачи статей (см. выше), целесообразно было бы сгруппировать и выделить графически также и нелексикализованные фонетические диалектизмы, поскольку они образуют диалектных противопоставлений лексического порядка.

Несмотря на отмеченные и другие недостатки и неточности, практическое и теоретическое значение «Хелминско-добжинского словаря» Е. Мацеевского для диалектной лексикографии очевидно. По нашему убеждению, эта книга польского диалектолога послужит стимулом для более интенсивного собирания и исследования лексики славянских диалектов.

Н. В. Никончук

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1970 г.
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

**I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН
ЕВРОПЫ**

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

Безыменский Л. Общеввропейская задача. (О предложениях, выдвинутых на Будапештском совещании министров иностр. дел соц. стран.) «Новое время», 1970, № 2.

Билляк В. Дружба, испытанная временем. (К подписанию чехословацко-советского договора). «Проблемы мира и социализма», Прага, 1970, № 8.

Высоцкий В. Потсдам — итог войны, программа послевоенного устройства. «Международная жизнь», 1970, № 7.

Гапачка П. Н. В. И. Ленин об основных принципах пролетарского интернационализма. Проблемы научн. коммунизма, 1970, вып. 4.

Горбачев В. Укрепление сплоченности и развитие всестороннего сотрудничества социалистических стран. «Парт. жизнь», 1970, № 18.

Грибанов М. Путь к безопасности и сотрудничеству. (О меморандуме, принятом на совещании министров иностр. дел стран Варшавского Договора. «Агитатор», 1970, № 15.

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой. (Договор ратифицирован 1 июня 1970 г.). «Ведомости Верховного Совета СССР», 1970, 24 июня, № 25.

Иванов К. Потсдам и современность. (О проблемах европейской безопасности). «Новое время», 1970, № 31.

Лавров К. Главная проблема европейской политики. (О позиции стран Варшавского Договора в вопросе о европейской безопасности). «Новое время», 1970, № 29.

Лаврова Л. Ф. Роль интернационалистических традиций в развитии общественной активности советских трудящихся. (На материалах сотрудничества с социалистическими странами). В кн. Ленинизм и современная идеологическая борьба в национальном вопросе. М., 1970.

Марьяна В. В. Советская литература 1965—1969 гг. о развитии европейских социалистических стран. (Историкографический обзор). В кн. Работы советских историков за 1965—1969 гг., 1970.

Международная теоретическая конференция о возрастании роли ленинизма и борьбе с антикоммунизмом. (Обзор работы конференции, проходившей в Москве 19—23 января 1970 г.). Научн. докл. высш. школы. Философ. науки, 1970, № 4.

Михайлов А. Договор дружбы и сотрудничества. (О новом советско-румынском договоре, подписанном в Бухаресте 7 июля 1970 г.) «Международная жизнь», 1970, № 8.

Растущая роль коммунистических партий в революционном процессе строительства социализма и коммунизма. С междунар. научн. конференции. (Берлин, ГДР.) «Парт. жизнь», 1970, № 15.

Селянинов О. Сочетание национального и интернационального в политике социалистических государств. «Международная жизнь», 1970, № 7.

Степанян Ц. А. Социалистический интернационализм и националистическая идеология. В кн. Оружие борьбы. М., 1970.

Судницын Ю. Г. Ленинский принцип сочетания пролетарского интернационализма и национального суверенитета. В кн. Ленинизм и современная идеологическая борьба в национальном вопросе. М., 1970.

Токарева П. А. Новые международные организации стран социализма. Сов. гос-во и право, 1970, № 7.

Уусталь А. Договор Советского Союза с другими социалистическими государствами об оказании правовой помощи. Уч. зап. Тарт. гос. ун-та, 1970, вып. 24. Тр. по правведению, т. 10.

Фойтик Я. Ленинский завет — непримиримо бороться с оппортунизмом. (Доклад на междунар. конференции «Ленинизм и современность», проходившей в Праге 19—21 ноября 1969 г.). В кн. Ленинизм и революционный процесс. Прага, 1970.

Фридрих Энгельс и коммунистическое движение. Материалы международной теоретической конференции (Прага, 1—2 июля 1970 г.). «Проблемы мира и социализма», Прага, 1970, № 9.

Шидляк Я. Вечно живые ленинские идеи пролетарского интернационализма. (Доклад на междунар. конференции «Ленинизм и современность», Прага, 19—21 ноября 1969 г.). В кн. Ленинизм и революционный процесс. Прага, 1970.

Шмелев Н. Актуальные проблемы развития социалистической системы и борьба за сплоченность стран социализ-

ма. В кн. Теория, преобразующая мир. Минск, 1970.

Юр'ева С. В. Трьумф ленінскіх прынципаў інтэрнацыяналізму. (На матэрыяле взаимоотношений между соц. странами). Весці АН БССР. Сер. грамад. навук, 1970, № 3.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Авдичев Л. Что такое агропромышленный комплекс. (На примере соц. стран в ходе реформы развития сельского хозяйства). «Новое время», 1970, № 39.

Александрович Л., Большаков И. Симпозиум по проблемам городских торговых центров. (Прага, ноябрь, 1969 г.). Сов. торговля, 1970, № 7.

Астаскевич Р. З. Воплощение идеи Маркса и Ленина в новом типе экономических отношений стран социализма. Тр. преподавателей полит. эконом. вузов Поволжья. 1969, вып. 3.

Бабурски Г. Основные органы управления народным хозяйством НРБ. (Приводится схема управления). Эконом. газ. 1970, № 3.

Бачюлис А. Югославия: экономическая реформа и ее последствия. «События и время», Вильнюс, 1970, № 17.

Беляев Ю., Шляев Ю. СЭВ: новый этап сотрудничества. (В связи с решениями XIII и XIV сессий СЭВ). «Коммунист», 1970, № 11.

Богомолов О. Т. Исследования проблем социализма. (Интервью с директором Ин-та экономики мировой системы социализма АН СССР о деятельности Института). «Новое время», 1970, № 31.

Будков А. Д. Нефтепровод «Дружба». Полит. самообразование. 1970, № 10.

Васильев В. Молчанова И. Экономическое развитие стран СЭВ в 1970 году. Эконом. газ., 1970, № 37.

Васильев Л. Создается атомная энергетика. (К подписанию советско-чехословацкого соглашения о постройке в ЧССР двух атомных электростанций.) «Эконом. газ.», 1970, № 27.

Вахрамеев А. Актуальные проблемы развития мировой системы социализма. Междунар. жизнь, 1970, № 8.

Ветров А. Экономические связи социалистических и капиталистических стран. Междунар. жизнь, 1970, № 8.

Вечерж Я. Консолидация экономики ЧССР, «Новое время». 1970, № 38.

Вилен К. Международный инвестиционный банк. (Об образовании банка в рамках СЭВ). Эконом. газ., 1970, № 30.

Воевудка Ч. 20 лет экспорта польских судов в СССР. Мор. флот, 1970, № 7.

Грабовский Т. Общая экономическая политика государств — членов «Общего рынка» по отношению к социалистическим странам. В кн. «Общий ры-

нок» и международные отношения в Западной Европе. М., 1970.

Гуров Ю., Козлов В., Сумба-то в В. Плата за производственные фонды (В соц. странах). Экономика стр-ва. 1970, № 7.

Делеган В. Революційний молодіжний рух на Закарпатській Україні в 1918—1929 рр. «Архіви України», 1970, № 3.

Декалов М. Кооперативная промышленность Болгарии, Сов. потреб. кооперация, 1970, № 10.

Деятельность Международного банка экономического сотрудничества в 1969 году. «Деньги и кредит», 1970, № 9.

Дмитриев Е. Новое в организации труда на селе. (О создании специализированных ферм и развитии многосторонних кооперативных связей в сельском хозяйстве Румынии.) Эконом. газ., 1970, № 28.

Доценко А. П. Здійснення ленінських принципів матеріального стимулювання праці в сільському господарстві Болгарії. Питання політ. економії, 1970, вип. 63.

Дудзински В. Основные органы управления народным хозяйством. Эконом. газ., 1970, № 29.

Дудинский И. Плодотворный курс. (Об экономической интеграции, осуществляемой соц. странами.) «За рубежом», 1970, № 28.

Дудинский И. Экономическая интеграция — закономерность развития социалистического содружества. Междунар. жизнь, 1970, № 10.

Евстигнеев Р. Совершенствование руководства промышленностью. (О промышленно-производственных объединениях в соц. странах). Эконом. газ. 1970, № 41.

Жамин В., Жуков В., Ольшевич Ю. Вопросы экономической интеграции стран — членов СЭВ. «Вопросы экономики», 1970, № 9.

Западноевропейская интеграция и проблемы европейского сотрудничества. «Общий рынок» и социалистические страны. Европейская безопасность. Демократическая альтернатива империалистической интеграции. В кн. «Общий рынок» и международные отношения в Западной Европе. М., 1970.

Засухин А. А. Экономические связи СССР с социалистическими странами. «География в школе», 1970, № 4.

Знаменська М. В. Взаємні відвідування колективів трудящих УРСР і зарубіжних соціалістичних країн (1956—1969 рр.). Укр. іст. журн. 1970, № 7.

Иваненко С. У болгарских кооператоров. (О развитии аграрнопромышленного комплекса Врачанского округа.) Эконом. газ., 1970, № 32.

Илич Л. Развитие идей Н. И. Вавилова в Югославии. В кн. Н. И. Вавилов и сельскохозяйственная наука. М., 1969.

Ильичева В. В. О некоторых особенностях экономической реформы в европейских странах социализма. Изв. Воронежского гос. пед. ин-та, 1970, т. 102. Вопросы политэкономии капитализма и социализма, вып. 3.

Иноземцев Н. Н. Сотрудничество стран — членов СЭВ — воплощение ленинских идей о новом типе международных отношений. Бюл. иностр. коммерч. информации. Прил. 1970, № 3.

Исусов М. Структурные изменения в экономике Болгарии (1944—1947 гг.). Сов. славяноведение, 1970, № 4.

Калецкий М. Об основных проблемах теории эффективности капиталовложений. В кн. Симпозиум по моделированию народного хозяйства. Новосибирск, 1970.

Канищев О. Специализация и кооперирование производства в странах СЭВ. Внешн. торговля, 1970, № 10.

Капелкранс Л. Дунайская комиссия. (О деятельности Комиссии с 1949 г.) «Вымпел», 1970, № 11.

Каращ А. Ленинская теория международных экономических отношений. Бюл. иностр. коммерч. информации. Прил. 1970, № 3.

Карпич В. Страны СЭВ: пути развития интеграции. Междунар. жизнь, 1970, № 7.

Климович Д. Механизм регулирования внешних связей в странах СЭВ и социалистическая экономическая интеграция. Научн. докл. высш. школы. Эконом. науки, 1970, № 10.

Кобзарь Э. Экономическое стимулирование технического прогресса в странах СЭВ. Эконом. газ., 1970, № 39.

Козлов И. Развитие научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ. «Под знаменем ленинизма», Киев, 1970, № 17.

Козлов И. Экономическое сотрудничество стран социалистического содружества. «Коммунист Украины», 1970, № 9.

Компонент европейской безопасности. В кн. «Общий рынок» и международные отношения в Западной Европе. М., 1970.

Король Э. На благо советского и польского народов. (О советско-польском экономическом и техническом сотрудничестве за 1966—1970 гг.) Внешн. торговля, 1970, № 10.

Кудрявцев А. Инвестиционный банк социалистических стран. «Деньги и кредит», 1970, № 9.

Кулигин П. И. Платность производственных фондов в европейских странах социализма. Экономика и организация пром. производства. Новосибирск, 1970, № 1.

Ларионов К. Международный инвестиционный банк социалистических стран. (Об образовании, организации и структуре) «Новое время», 1970, № 30.

Левин Л. Экономическое сотрудничество социалистических и развиваю-

щихся стран. «Вопросы экономики». 1970, № 9.

Любчик В., Михайлов А. Правові питання в діяльності Ради Економічної Взаємодопомоги. Рад. право, 1970, № 3.

Маергойз И. М. Некоторые территориально-географические аспекты экономической интеграции стран социализма. Вестн. Моск. ун-та. География, 1970, № 4.

Максимов И. Успехи экономики НРБ. Междунар. жизнь, 1970, № 9.

Мамайсур М. По ленинскому кооперативному плану. (О развитии кооперации в соц. странах.) «Под знаменем ленинизма», Киев, 1970, № 13.

Масленников И. Социалистическая экономическая интеграция и укрепление обороноспособности стран Варшавского Договора. Коммунист Вооруж. Сил, 1970, № 19.

Матеев Е. Оптимизация и межотраслевые связи. В кн. Симпозиум по моделированию народного хозяйства. Новосибирск, 1970.

Миколайчик З. По отраслевому принципу. (О новой организационной структуре управления промышленностью в ПНР.) Эконом. газ. 1970, № 41.

Митрофанова Н. И. Оценка личных качеств работников на промышленных предприятиях Югославии. Труд и зар. плата, 1970, № 3.

Михайлов Б. Прогнозирование в системе народнохозяйственного планирования в странах — членах СЭВ. «Вопросы экономики», 1970, № 10.

Мищенко С. О співробітництво робітників західних областей УРСР з робітничим класом європейських країн соціалізму (1959—1965 рр.). В кн. Питання нової та новітньої історії європейських соціалістичних країн. Ужгород, 1969.

Морозов В. СЭВ: совершенствование правовых основ сотрудничества. (О вопросах по развитию правовых основ экономической интеграции, рассмотренных на XXIII сессии СЭВ в апреле 1969 г.) Эконом. газ. 1970, № 40.

Мкрвичка И. О системе воспитания и подготовке должностных лиц и работников чехословацких потребительских кооперативов. В кн. Семинар специалистов кооперативных организаций европейских социалистических стран по вопросам кооперативного образования и подготовки кадров. Москва, 1969, Сборник материалов, ч. I. М., 1970.

О XXIX сессии Совета Экономической Взаимопомощи (Варшава, 12—14 мая 1970 г.). Бюл. эконом. информации (СЭВ), 1970, № 3.

О мероприятиях, проводимых органами СЭВ в связи с ленинским юбилеем. Бюл. эконом. информации (СЭВ), 1970, № 3.

Орличек З., Спал И. Проблемы управления внешней торговлей ЧССР и значение учения Ленина для их решения.

Бюл. иностр. коммерч. информации, Прил. 1970, № 3.

Павлов Г. Сотрудничество стран СЭВ в развивающихся государствах. Междунар. жизнь. 1970, № 9.

Пайестка Ю. Совершенствование планирования и управления. Эконом. газ., 1970, № 34.

Пенев В. Развитие крупнопанельного домостроения в Болгарии. Жил. стр-во. 1970, № 7.

Петров Ц. Нормативная база и планирование. (О единой нормативной базе в условиях новой системы планирования в Болгарии.) Эконом. газ., 1970, № 36.

Птасиньский Я. Неуклонный подъем. (Экономическое развитие Польши. К 26-й годовщине освобождения страны.) «Агитатор», 1970, № 13.

Пташек Я. Курс на инициативу. (Осуществление решений V съезда ПОРП в области интенсификации промышленности.) «Новое время», 1970, № 3.

Птичкин Н. XXIV сессия Совета Экономической Взаимопомощи. (Сессия состоялась в Варшаве в мае 1970 г.) Внешн. торговля, 1970, № 7.

Рыбалкин В., Черкасов Н. Координация планов развития народного хозяйства и расширение экономического сотрудничества стран-членов СЭВ. Научн. докл. вып. школы. Эконом. науки, 1970, № 10.

Сарай М. I. Соціалістичний міжнародний поділ праці — новий тип економічних відносин. Вісн. Львівського держ. ун-ту. Сер. сусп. наук, 1969, вып. 5.

Семенова А. Определение эффективности научно-технической кооперации. (О сотрудничестве стран-членов СЭВ.) Экономика стр-ва, 1970, № 10.

Соловьева К. Экономические закономерности развития мировой системы социализма. Научн. докл. высш. школы. Эконом. науки, 1970, № 6.

Станев Л. О некоторых методологических вопросах в связи с составлением третьего отчетного межотраслевого баланса общественного продукта в Народной Республике Болгарии. В кн. Симпозиум по моделированию народного хозяйства. Новосибирск, 1970.

Стельцов В. Д. Экономические проблемы развития мировой системы социализма. (О междунар. научной конференции «Мировая социалистическая система — воплощение идей ленинизма», проходившей в Москве 27—30 января 1970 г.) Вестн Моск. ун-та, Экономика, 1970, № 5.

Сухаревский Б. Проблемы экономического стимулирования в странах СЭВ. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1970, № 8.

Тржецковски В., Мыцельски И., Басюк И. Макромодели текущей оптимизации в польской теории и практике национального эконо-

мического планирования и международного сотрудничества. В кн. Симпозиум по моделированию народного хозяйства. Новосибирск, 1970.

Фаддеев Н. На пути социалистической интеграции. (Интервью о работе XXIV сессии СЭВ.) «Проблемы мира и социализма», Прага, 1970, № 8.

Фортунова Т. Экспорт болгарских фруктов и винограда. «Садоводство, виноградарство и виноделие Молдавии», Кишинев, 1970, № 9.

Хаджииванов И. Ленинское учение о социалистической внешней торговле и некоторые вопросы совершенствования ее планирования в Болгарии. Бюл. иностр. коммерч. информации. Прил. 1970, № 3.

Хорват Б. Об оптимальной норме капиталовложений. В кн. Симпозиум по моделированию народного хозяйства. Новосибирск, 1970.

Храбсков В. Развитие таможенных связей социалистических стран. Междунар. жизнь, 1970, № 8.

Царевски Н. Финансы и кредит в новых условиях. Эконом. газ., 1970, № 29.

Циранкевич Ю. Воплощение ленинских идей в сотрудничестве стран — членов СЭВ. Бюл. эконом. информации (СЭВ), 1970, № 3.

Чапек В. Н. Миграция населения в Польской Народной Республике. В кн. Социальная мобильность и проблемы формирования и использования трудовых ресурсов. Вып. 6. Новосибирск-Иркутск, 1970.

Черников Е. Рост реальных доходов работников с.-х. предприятий Болгарии. (сводн. реферат). Реф. журн. (ВНИИ информации и техн.-экон. исследований по сел. хоз-ву). Экономика, 1970, № 6.

Чуканов О. Научно-техническое сотрудничество стран — членов СЭВ на юбов этапе. (В связи с выполнением решений XXIII и XXIV сессий СЭВ.) «Коммунист», 1970, № 13.

Шамрай Ю. Цены на специализированную продукцию в торговле между странами — членами СЭВ. «Вопросы экономики», 1970, № 8.

Шкварец В. П. Критика буржуазно-националистических трактовок экономического сотрудничества социалистических стран. В кн. Национальное и интернациональное в жизни народа. Вып. II, Киев, 1970.

Юзуфович Г. К. К вопросу об использовании хозяйственного расчета в международных исследованиях стран — членов СЭВ. Тр. Ленингр. инж.-экон. ин-та, 1970, вып. 74.

Япония. — К торговым отношениям с социалистическими странами. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1970, 7 июля, № 79—80.

3. Государственное строительство и право

Кочев К. В. Потерпевший в уголовном процессе Народной Республики Болгарии. Изв. высш. учебн. заведений. Правоведение, 1970, № 3.

Лентовский Я. Верховный суд ПНР и обеспечение законности в управлении. Сов. государство и право. 1970, № 9.

Мионов В. К. Правовое положение молодых специалистов в зарубежных социалистических странах. Вестн. Моск. ун-та, Право, 1970, № 5.

Никитин В. С. Научно-исследовательский институт охраны труда и профзаболеваний НРБ. Научн. работы ин-тов охраны труда ВЦСПС, 1970, вып. 65.

Поляк В. С. Борьба трудящихся ПНР за перетворения в життя рішень III з'їзду ПОРП. (1959—1965 рр.). В кн. Питання нової та новітньої історії європейських соціалістичних країн. Ужгород, 1969.

Примов И. Ленинский кооперативный план в Болгарии. (Доклад на международной конференции «Ленинизм и современность», проходившей в Праге 19—21 ноября 1969 г.) В кн. Ленинизм и революционный процесс. Прага, 1970.

Райчев В., Обрешков Д. Перспективы Болгарии. «Новое время», 1970, № 3.

Соколов С. Чехословацкая народная армия. Коммунист Вооруж. Сил, 1970, № 18.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Андел В. П. До історії чесько-білоруських культурних зв'язків. (Оценка деятельности Ференца Скорины как филолога-просветителя. Укр. слов'язознавство. Львів, 1970, вип. 3.

Андреев К. А. Проникновение ленинских философских идей в Болгарию до Великой Октябрьской социалистической революции. (Сокращенный текст сообщения, сделанного на научной конференции «Ленинский этап в развитии марксистской философии». Ленинград, декабрь 1969 г.) Научн. докл. высш. школы, Филос. науки, 1970, № 4.

Гаерський С. Ф. До питання про перебування війська Хмельницького в південно-західній частині Белзького воєводства (1648—1641 рр.) «Архіви України», 1970, № 4.

Грабовецький В. Джерела з історії боротьби карпатських опришків під проводом Олексія Довбуша. (К 225-літтю со дня гибелі.) «Архіви України», 1970, № 4.

Григорьев С. Г. В. И. Ленин у истоков Болгарской коммунистической партии. В кн. Дальневосточный университет. Владивосток. Научная конференция,

14-я, 1970. Материалы..., Серия общественных наук. Владивосток, 1970.

Забілик С. Поширення ідей великого Леніна на західноукраїнських землях (до 1939 г.) «Архіви України», 1970, № 4.

Кобцева Ж. Ф. Тактика КПЗУ у революційно-визвольному руху (1924—1928 рр.). Вісн. Львівського держ. ун-ту. Сер. сусп. наук. 1969, вып. 5.

Королюк В. Д. Владимир Иванович Пичета (Опыт творческого портрета). «Вопросы истории», 1970, № 8.

Маланчук В. Ю. Польські комуністи у Львові (1939—1941 рр.). Укр. іст. журн., 1970, № 8.

Молок Ф. А. Распространение ленинских работ в Чехословакии в 20-е и 30-е годы. «История СССР», 1970, № 5.

Писарев Ю. А. Сараевское убийство 28 июня 1914 года. «Новая и новейшая история», 1970, № 5.

Пушкаш А. И. Работы советских ученых в 1965—1969 гг. по истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. (В обзоре затронуты основные труды советских авторов по истории с древнейших времен до конца второй мировой войны.) В кн. Работы советских историков за 1965—1969 гг. М., 1970.

Сардачук П. Д. Революційна робота комуністів Західної України в армії буржуазно-поміщицької Польщі (1929—1938 рр.). Вісн. Львівського держ. ун-ту. Сер. сусп. наук, 1969, вып. 5.

Сміян П. Поширення ленинських ідей на Закарпатті (20-е роки). «Жовтень», Львів, 1970, № 8.

Черниловский З. М. Возникновение раннефеодального государства и права в Чехии. Тр. Всесоюз. юрид. заоч. ин-та, 1970, т. 14.

Яхимович З. П. Внешняя политика Италии в период Балканских войн. Уч. зап. Пермского гос. пед. ин-та. Оренб. гос. пед. ин-та. Оренбург, 1969, вып. 32.

2. Культура и наука

Авров Д. Первые успехи. (Образ В. И. Ленина на польской сцене.) «Театр», 1970, № 4.

Алсупе А. Конференция Польского этнографического общества в Торуні. Изв. АН ЛатвССР, 1970, № 6.

А. М. Общество польских работников книжной торговли. (Структура и деятельность.) Издат. дело. Книговедение. 1970, № 1.

Андреев В. Д. Борьба за ленинский принцип партийности в социалистической прозе Болгарии 1930-х годов. Вестн. Ленингр. ун-та 1970, № 8. История. Яз. Лит., вып. 2.

Андреев В. Д. Литература современной Болгарии. «Звезда», 1970, № 9. Анкета «Иностранной литературы». (Ответы К. Калчева и М. Бануша на юбилейную ленинскую анкету «Ино-

странной литературы») Иностран. лит-ра, 1970, № 5.

Анкета «Иностранной литературы» (Ответы на анкету, посвященную 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, писателей социалистических стран.) Иностран. лит-ра 1970, № 4.

Антонюк С. М. Нове в работі істориків-славистів Київського університету. Укр. слов'язнавство, 1970, вип. 1.

Архангельский Л. М., Квасов Г. Г., Момов В. Этика как наука. (Болгаро-советский симпозиум, Варна, 6—10 июня 1970 г.). «Вопросы философии», 1970, № 10.

Атанасов А. Ленинские труды в Болгарии. «Полиграфия», 1970, № 4.

Бабич И. Отражение идей Октябрьской революции в революционной хорватской публицистике в первые годы Советской власти. (В творчестве Крлежа, Цесареца.) В кн. Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М. 1970.

Бабов К. Преподавание русского языка и литературы в школах Болгарии. Рус. яз. в нац. школе. 1970, № 5.

Балдина И. В., Сироткина Э. И. В библиотеках Польской Народной Республики (по личным впечатлениям). В кн. Библиотечное дело и библиография за рубежом. Вып. 33. М., 1970.

Бартельский Г. Заметки о современной польской прозе. В кн. Зарубежные литературы и современность. Вып. I, 1970.

Баршчэўскі А. Польске літаратурнае дваццацігоддзе. (Обзор творчества виднейших поэтов народной Польши.) «Полямя», 1970, № 6.

Барымов С. Из опыта атеистического воспитания в Болгарии. Вопросы научн. атеизма, 1970, вып. 9.

Бачалдин Б. Семь дней в Югославии. (Заметки о деятельности библиотек в Югославии.) «Библиотекарь», 1970, № 8.

Беляев В. Позывные воинского братства. (О польском фильме Е. и Т. Петельских «Красная рябина».) «Искусство кино», 1970, № 7.

Березкин В. Йозеф Свобода — художник оперного театра. Сов. музыка. 1970, № 5.

Березницкий Я. Арбат, 26. Краковский Старый театр. (О гастрольях Краковского театра в Москве.) «Театр», 1970, № 7.

Берловська Л. В. Поема Маяковского «Володимир Ілліч Ленін» в оцінці сучасного польського літературознавства. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1970, вип. 6.

Бессонова Е. В., Горбачева А. Н., Пашаева Н. М. Книги к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина,

вышедшие в европейских социалистических странах. «Новая и новейшая история», 1970, № 5.

Библиографическая работа в помощь комплектованию зарубежной литературы в сети библиотек Болгарской академии наук (Обзор материалов). Информация о библиоделе и библиогр. за рубежом. (Всесоюз. гос. б-ка иностран. лит-ры.) 1970, вып. 3.

Богичевич М. Поэзия в Боснии и Герцеговине. «Вопросы литературы», 1970, № 10.

Богомолов А. С. На совещании редакторов философских и социологических журналов социалистических стран. Бухарест, ноябрь 1969 г. «Вопросы философии», 1970, № 2.

Богомолова Н. Возрождение классицистских тенденций в польской поэзии начала XX века. Сов. славяноведение, 1970, № 4.

Болгария. (Библиография литературоведческих работ, изданных в 1965—1966 гг.) В кн. Мастерство перевода. Сб. 6., М., 1970.

Большая жизнь ученого и философа. (К 80-летию Тодора Павлова.) Вестн. Моск. ун-та. Филос., 1970, № 1.

Брадишилова М., Добрев Ч. Развивая наши традиции. (Образ В. И. Ленина на болгарской сцене.) «Театр», 1970, № 4.

Британишский В. Поэзия воскрепленная профессорами. (Изучение польского барокко в XX веке.) «Вопросы литературы», 1970, № 5.

Бружек М. Миллионными тиражами. (Об издании в Чехословакии произведений В. И. Ленина. 1921—1969 гг.) Кн. торговля, 1970, № 4.

Булаховська Ю. Л. Леся Українка і Станіслав Віснійський. До 100-риччя з дня народження Л. Українки. «Слов'янське літературознавство і фольклористика». Київ, 1970, вип. 6.

Булаховська Ю. Л. Поетична збірка Леопольда Стаффа «Мертва погода». «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1970, в вип. 5.

Бурлас Л. Четверть века словацкой музыки. (О развитии музыкального искусства в соц. Словакии.) Сов. музыка, 1970, № 5.

Вагапова Н. В Белграде. (О театральном жизни Белграда.) «Театр», 1970, № 8.

Вагапова Н. Пролетарская сцена Словении. (Из истории словенского пролетарского театра в Любляне в 20-е годы.) «Театр», 1970, № 2.

Вагапова Н. Словенский театр в Москве. (О гастрольях Словенского Национального театра.) «Театр», 1970, № 3.

Ванчур Д. Исследования читательских интересов в библиотеках ЧССР. В кн. Рабочее совещание центров библиотечного дела и методической работы

библиотек соц. стран. 4-е. Москва. 1968. Ч. 1. М., 1970.

Велчев В. Октябрь в болгарской поэзии. В мире книг, 1970, № 6

Виноградов В. А., Киселев И. Н. Многостороннее научное сотрудничество Академий наук социалистических стран. Вестн. АН СССР, 1970, № 2.

Виноградов В. Д., Михайлов К. М. Съезд польских социологов. (Познав, декабрь 1969. Тема съезда: теория социологических исследований и общественная практика.) «Вопросы философии», 1970, № 6.

Вклад Української РСР у науково-культурне співробітництво Радянського Союзу з європейськими соціалістичними країнами. Київ, 1970.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. В кн. Мастерство перевода. Сб. 6, М., 1970.

В. М. Советские редакторы философских и социологических журналов социалистических стран. (Киев, 22—24 июня 1970 г.) «Вопросы философии», 1970, № 9.

Воейкова И. Образ современника в живописи Светлина Русева. «Искусство», 1970, № 10.

Воейкова И. Полвека отдано искусству. (О творчестве болгарского народного художника Д. Узунова.) «Искусство», М., 1970.

Волков А. Р. Жанровая природа драматургии К. Чапека. Укр. слов'язнознавство, Львів, 1970.

Волков М. Н., Васильев Д. И. Подготовка научно-педагогических кадров в Болгарии. Вестн. высш. школы. 1970, № 3.

Врублевська В. Серед перекладених книг. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1970, вип. 6.

В. Т. Роль ленинизма и критика антикоммунизма. (О международной конференции на тему «Возрастание роли ленинизма в современную эпоху и критика антикоммунизма», организованной Академиями наук соц. стран. Москва, 19—23 января 1970 г.) «Проблемы мира и социализма». Прага, 1970, № 3.

Вылчаў Г. Балгарыстыка ў беларускім літаратуразнаўстве. (Обзор за последние годы) «Маладосць», 1970, № 6.

Вялова С. О. Роль російско-словацких культурных зв'язків у національно-визвольному русі словаків. Укр. слов'язнознавство, Львів, 1970, вип. 3.

Габель М. О. Академик О. И. Билецкий про міжслов'янські літературні зв'язки. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1970, вип. 6.

Гайдай М. М. Чеський і словацкий фольклор у дослідженні українських славістів першої половини ХІХ ст. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1970, вип. 6.

Ганелин Ш. И. Ян Амос Коменский (1593—1670). Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та. 1970, т. 377.

Гапаева В. Максим Танк — перекладчик славянских поэтов. (Рассматриваются переводы из польской и русской поэзии.) В кн. Старонкі літаратурных сувязей. Мінск, 1970.

Геленова Е. Софийский камерный оркестр. (Выступлениях в Москве, в МГУ.) Сов. музыка, 1970, № 7.

Герчева К. Георгий Калоянчев. В кн. Актеры зарубежного кино. Вып. 5, М., 1970.

Год Ленина за рубежом. (О мероприятиях, посвященных 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, в библиотеках Болгарии, ГДР, Югославии). «Библиотекарь», 1970, № 4.

Голенопольский А. А. Повесть Л. Стоянова «Серебряная свадьба полковника Матова» как результат идейной и художественной эволюции писателя в 20—30-е годы. Уч. зап. Волгогр. пед. ин-та, 1970, вып. 30.

Гольберг М. Я. Максим Рильский — дослідник перекладач сербської народної поезії. «Слов'янське літературознавство і фольклористика». Київ, 1970, вип. 6.

Гольяков С. Югославские впечатления. (Из истории югославской коммунистической печати и проблемы современной журналистики.) «Журналист», 1970, № 9.

Гончаров Н. К. Ян Амос Коменский и современность. Сов. педагогика, 1970, № 9.

Гордина Е. Дни болгарской музыки. (О фестивале болгарской музыки в Москве осенью 1969 г.) Сов. музыка, 1970, № 1.

Гордина Е. Югославские музыканты в Москве. (О выступлениях Хоружественного ансамбля югославской Народной армии.) Сов. музыка, 1970, № 7.

Горецкий А. В. Збірка Прержихова Воранца «Самородки». «Слов'янське літературознавство і фольклористика». Київ, 1970, вип. 5.

Горецкий А. В. Образ героя-революционера у словенській соціальної прозі 30-х років. Укр. слов'язнознавство, Львів, 1970, вип. 3.

Городинская И. С. Научно-исследовательскому институту труда в Болгарии 10 лет. Труд и зарплата, 1970, № 1.

Грибовьска О. И. Максим Горький в Польщі. Укр. слов'язнознавство. Львів, 1970, вип. 3.

Гро К. Путь к научному учреждению. (О научной работе в области библиотекосведения.) В кн. Рабочее совещание центров библиотекосведения и методической работы библиотек социалистических стран. 4-е. Москва. 1968, ч. 2. М., 1970.

Громов П. Т. Переписка В. С. Караджича с И. И. Срезневским. (Письма хранятся в ЦГАЛИ в фонде Срезневских

за 1842—1958). В кн. Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970.

Грошковський Я. Наукове співробітництво між Польською Академією наук і Академією наук УРСР. Вісн. АН УРСР, 1970, № 6.

Гурьев Г. Живые традиции революционного искусства Чехословакии. (Изобразительное искусство 20—40-х годов XX в.) «Искусство», 1970, № 5.

Гуссак Т. В центре всей пропаганды. (О пропаганде и распространении ленинской литературы в Польше.) Кн. торговля, 1970, № 2.

Гуць М. Сербохорватські народні пісні в українських перекладах. (Бібліографія за 1837—1965 р.) «Слов'янське літературознавство і фольклористика». Київ, 1970, вип. 5.

Дановский Б. «Народная сцена». (К истории создания рабочих театров в Болгарии.) «Театр», 1970, № 4.

Джуров Д. Боевое единство и братство (Болгарской Народной Армии и Советской Армии в борьбе за освобождение Болгарии от фашизма.) «Агитатор», 1970, № 8.

Доброславкова А. К истории издания произведений В. И. Ленина в Чехословакии. «Полиграфия», 1970, № 4.

Доронина Р. Поэзия Десанки Максимович. В кн. Зарубежные литературы и современность. Вып. 1, 1970.

Ершов Л. Ф. Проблемы русской литературы в журнале «Przegląd Humanistyczny». (Обзор за 1965—1966 гг.) Рус. лит-ра, 1970, № 2.

Жадова Л. А. Чехословацкая керамика. В сб. Искусство керамики. М., 1970.

Жаровцева И. Фестиваль польских кукол. О Всепольском фестивале куколных театров. «Театр», 1970, № 9.

Зарубежные страны. (Библиография литературоведческих работ, изданных в зарубежных странах в 1965—1966 гг.) В сб. Мастерство перевода, М., 1970.

Захаржевська В. О. Письменник і народ (Творчість Л. Стоянова 40—50-х років XX ст.) «Слов'янське літературознавство і фольклористика». Київ, 1970, вип. 5.

Захаржевська В. Радянсько-болгарський науковий симпозіум. (Софія, 28—30 мая 1969 г.) «Слов'янське літературознавство і фольклористика». Київ, 1970, вип. 6.

Земцов С. «Злата Прага». (Об архитектурной выставке, экспонировавшейся в Москве.) «Декоративное искусство СССР», 1970, № 5.

Зик Э. Опыт изучения читателей в библиотеках социалистических стран. В кн. Рабочее совещание центров библиотекведения и методической работы библиотек социалистических стран. 4-е. Москва, 1968, ч. I, М., 1970.

Зінченко В. Г. Про деякі жан-

рові особливості роману А. Гресека «Ф. Л. Век». Укр. слов'язознавство. Львів, 1970, вип. 3.

Золотухина Е. М. Издание произведений В. И. Ленина в европейских социалистических странах. Издат. дело. Книговедение, 1970, № 2.

Илек Б. Вклад Иржи Левого. (О вкладе ученого в литературоведение и науку о переводе.) В кн. Мастерство перевода. Сб. 6, М., 1970.

Илек Б., Ванечкова Г. Заметки о русских изданиях Незвала. В кн. Мастерство перевода. Сб. 6, М., 1970.

Кабачок В. М. Вивчення історії південних та західних слов'ян у вузах Харкова. Укр. слов'язознавство, Львів, 1970, вип. 1.

Казбярук У. М. Пленные контакты. (Некоторые вопросы беларуськапольских литературных связей и становление беларуской литературы XIX ст.) В кн. Старонкі літаратурных сувязей. Мінск, 1970.

Калайджиева К. Задачи и функции Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия. В кн. Библиотекведение и библиография за рубежом. Вып. 33, М., 1970.

Калайджиева К. Русская и советская книга в болгарских библиотеках. В кн. Библиотекведение и библиография за рубежом. Вып. 32, М., 1970.

Калинова В. Пропаганда произведений В. И. Ленина в библиотеках Словакии. Информация о библиотечном деле и библиографии за рубежом. 1970, вып. 2.

Калоева И. А. Отражение 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции в библиографии Чехословакии и Югославии. Сов. библиография. 1970, № 2.

Каролев С. О стилевых тенденциях в современной болгарской прозе. В кн. Зарубежные литературы и современность. Вып. 1, 1970.

Карташова К. Архитектура Чехословацкой Социалистической Республики. «Архитектура СССР», 1970, № 6.

Карцева З. И. О некоторых особенностях прозы Богомила Райнова. Вестн. Моск. ун-та. Филол. 1970, № 3.

Кацнельсон Д. Б. Русские и польские стихи в записях участников революционных выступлений начала 60-х годов. В кн. Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг., т. 5, М., 1970.

Киров Ж. Духовный мир современника в болгарской драматургии. В кн. Новаторство и художественное многообразие литературы и искусства. М., 1970.

Кирчів Р. Ф. Питання перекладу українських пісень на польську мову. «Слов'янське літературознавство і фольклористика». Київ, 1970, вип. 6.

Кирчів Р. Ф. Польські переклади українських дум. «Слов'янське літера-

турознавство і фольклористика». Київ, 1970, вип. 5.

К и ш к і н Л. С. Олійний живопис Миколаша Алеша. Укр. слов'язнавство. Львів, 1970, риз. 3.

К л е в ч е н я А. С. Юліан Мархлевський і лєнінізм. Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя, філасофія, эканоміка, права, 1970, № 1.

К л и м к о в а Л. М. В. Г. Белінський про Ю. І. Венеліна. Укр. слов'язнавство. Львів, 1970, вип. 3.

К л и ш к о З. Ленінізм в польском рабочем движеніи. «Новая и новейшая история», 1970, № 2.

К о в б а Ж. М. Бравий вояка Швейк у Києві. Укр. слов'язнавство. Львів, 1970, вип. 3.

К о е в И. Состояние изучения проблемы народного искусства в Болгарии. В кн. Международный конгресс антропологических и этнографических наук. 7-й. Москва, 1964. Т. 7, М., 1970.

К о л е в с к и Васил. Ленін, социализм, литература. (О проникновении ленинских идей в болгарскую литературу. Иностр. лит-ра, 1970, № 8.

К о л е с н и к В. Мост дружби і братерства. (О контактах в области культуры между трудящимися Волины и Люблина.) «Всесвіт», Київ, 1970, № 6.

К о л о д в е й с к а Я. Исследования по проблематике библиотековедения в Польше. В кн. Рабочее совещание центров библиотековедения методической работы библиотек социалистических стран. 4-е. Москва, 1968, ч. 2, М., 1970.

К о л о д ж а н а В. Кино Польши (1929—1945). В кн. Колоджаяна Валентина Сергеевна и Трутко Инна Иосифовна. История зарубежного кино. Т. 2. 1929—1945 гг. М., 1970.

К о л т а ш е в а И. «Пылающая суть» (О поэзии Юлиана Тувима). В кн. Зарубежные литературы и современность. Вып. I, 1970.

К о н с т а н т и н о в а Е. Певец Словакии (словацкий живописец Мартин Бенки). «Творчество», 1970, № 5.

К о н с т а н т и н о в а Е. У' Георгія Караславова. «Всесвіт», 1970, № 6.

К о п и с т я н с ь к а Н. Х. Традиції і новаторство в романі Івана Ольбрахта «Микола Шугай, розбійник». Укр. слов'язнавство. Львів, 1970, вип. 3.

К о с т о в а З. Издание произведений В. И. Ленина в Болгарии. «История СССР», 1970, № 5.

К о с т р и ч е н к о В. М. Критика современных антинаучных теорий социализма. Изв. Воронежского гос. пед. ин-та, 1970, т. 102. Вопросы политэкономии капитализма и социализма. вып. 3.

К о у ц к и В. На верном пути. (О вкладе чехословацкого театра в дело социалистического воспитания народа.) «Театр», 1970, № 5.

К р а л е в С. Состояние общеобразовательных библиотек в Народной Рес-

публике Болгарии. Проблемы руководства и организации. В кн. Библиотековедение и библиография за рубежом. Вып. 33. М., 1970.

К р ы л о в а Н. В., К и р и е н к о И. В. Переводы произведений В. И. Ленина за рубежом. (Обзор.) Сов. библиогр. 1970, № 1.

К р ы с т е в В. Оперное творчество Парашкова Хаджиева. Сов. музыка. 1970, № 9.

К у р б а т о в а Е. С. Польский просветительский классицизм. В кн. Проблемы Просвещения в мировой литературе. М. 1970.

К у ц О. Діяльність Товариства радянсько-чехословацької дружби по інтернаціональному вихованню трудящих на бойових традиціях радянсько-чехословацької дружби. (С 1958 г.) Вісн. Харк. ун-ту, 1970, № 38, наук. комунізму, вип. 5.

Л а н т е в а Л. П. Ян Коллар в русской дореволюционной литературе. В кн. Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970.

Л е в і н а І. С. Поема В. Маяковского «Володимир Ілліч Ленін» в перекладі Іржі Тауфера. (Нотатки про перекладацьку майстерність.) Укр. слов'язнавство. Львів, 1970, вип. 2.

Л е г з д а А. Драматургия поэтической мысли (Обзор развития современной чехословацкой поэтической драмы.) «Театр», 1970, № 5.

Л е м С. Про книгу Бенедикта Коуски «Передмова до автобіографії». (Об автобиографической книге известного чешского философа и математика.) «Наука і суспільство». Київ, 1970, № 8.

Л е м С. Фантастика — не самоцель. Беседу вел С. Лапин. (Писатель о своем творчестве). Вопросы лит-ры. 1970, № 9.

Л и б а П. Основные проблемы библиографии в Словакии. Сов. библиогр. 1969, № 6.

Л и в и к О. Польская литература последних лет. «Лооминг», Таллин, 1969, № 10.

Л и н г а р т Л. Чешский кинокритик Вацлав Тилле. (К 100-летию со дня рождения.) В кн. Вопросы киноискусства. Вып. 12, 1970. М. 1970.

Л о м е в а С. Краеведческая работа Народной библиотеки им. Ивана Вазова в г. Пловдиве. Ее координация с другими окружными библиотеками Южной Болгарии. В кн. Библиотековедение и библиография за рубежом. Вып. 33, М. 1970.

Л ь в о в а Е. П. О некоторых особенностях искусства болгарского Возрождения. В кн. Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970.

М а л ь к о в А. В музее Войска Польского. Культпросвет. работы в войсках. 1970, № 1.

М а м о н т о в А. В. Современное со-

стояние краеведческой библиографии в Народной Республике Болгарии. В кн. Библиотекведение и библиография за рубежом. Вып. 33. М., 1970.

М а н с ф е л д Д. Тезисы о народном образовании в Югославии. (О проекте тезисов 1968 г.) Нар. образование, 1970, № 3.

М а н ы к и н А. В. Научная конференция, посвященная 25-летию победы над гитлеровской Германией. (Москва, 11—13 мая 1970 г.) «Новая и новейшая история», 1970, № 5.

М а р и н А. П. О структуре польского книжного рынка. Издат. дело. Книговедение, 1970, № 4.

М а р к о в В. С. Ленинское атеистическое наследие и современность. (О юбилейной научной сессии, организованной в Москве в октябре 1969 г. в Ин-те научного атеизма с участием ученых соц. стран.) «Вопросы философии», 1970, № 2.

М а р т ы н о в а Г. Н. Идеино-художественное своеобразие романа Ярослава Ивашкевича. «Хвала и слава». Вестн. Моск. ун-та. Филол. 1970, № 3.

М е я к М. Словенская литература наших дней. Вопросы лит-ры, 1970, № 10.

М і ш к о в а О. Л. Божена Немцова. (До 150-річчя з дня народження). Укр. мова і літ. в школі. 1970, № 2.

М л и н к Ю. До історії зв'язків лужицького літературного життя з літературою східних слов'ян. Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 3.

М л о д з е в с к и й Е. В музыкальной Познани. (О развитии музыкального искусства современной Познани). Сов. музыка, 1970, № 7.

М о л ч а н о в К. Полемические заметки (о современном состоянии польского музыкального искусства). Сов. музыка, 1970, № 3.

М о т о р н и й В. А. Вивчення зарубіжних слов'янських літератур львівськими славістами-літературознавцями. Укр. слов'янознавство. Львів, 1970, вип. 3.

Н а р о ч н и ц к и й А. Л. Совещание советских и польских экспертов о преподавании истории в школах обеих стран. (Москва, октябрь 1968 — Варшава, сентябрь 1969 г.) «Новая и новейшая история», 1970, № 2.

Н и к и ч А. Живописец Раденко Мишевич. «Творчество», 1970, № 7.

Н и к о л а е в И. Н. Ленинизм — марксизм XX в. (О юбилейной сессии, состоявшейся в Академии общественных наук 6—7 января 1970 г. с участием ученых из соц. стран.) «Вопросы истории КПСС», 1970, № 3.

Н о в и к о в А. Спор о человечности искусства. (По поводу статьи Д. М. Еремича «Гуманизм искусства» в журнале «Sociologia» 1966, № 4.) «Творчество» 1970, № 2.

Н у д ь г а Г. «Дума» в писаних джеделах XVI—XVIII століть. (О влиянии

украинской песни и думы на польскую литературу.) «Жовтень», 1970, № 6.

О р е л Я. Народное искусство в Чехословацкой Социалистической Республике. В кн. Международный конгресс антропологических и этнографических наук, 7-й. Москва, 1964. Т. 7. М., 1970.

П а в л е т и ч В. Послевоенная хорватская литература. Вопросы лит-ры. М., 1970, № 10.

П а в л о в и ч Д. Старинные деревянные сербские церкви. В кн. Международный конгресс антропологических и этнографических наук, 7-й, Москва, 1964. Т. 7. М., 1970.

П а м я ъ ц о в а М. В. Міхась Васілек — пясяр вызвалення Заходній Беларусі. В кн. В единой семье советских народов. Минск, 1970.

П а р х о м о в с к а я С. Разговор друзей. (О встрече советских и болгарских писателей, состоявшейся в Москве весной 1970 г.) Иностран. лит-ра, 1970, № 8.

П а р х о м ч у к С. М., Г о р і ш н і й П. А. (Рец. на кн.: Сохань П. С. Социалистический интернационализм в действии. Украинская ССР в советско-болгарском научно-техническом и культурном сотрудничестве 1945—1965 гг. Киев, 1969.) Вісн. АН УРСР, 1970, № 3.

П а с к а л ь в Д. Проблема пролетарского искусства в марксистской эстетике Болгарии конца XIX — начала XX века. В кн. Новаторство и художественное многообразие литературы и искусства. М., 1970.

П а ц ь о р к о в с к и Р. Ленинские издания в Польше. Кн. торговля 1970, № 2.

П а ч о в с ь к и й Т. І. Відгуки поезій Шевченка в польській літературі другої половини XIX ст. Укр. літературознавство. Львів, 1970, вип. 8.

П а ч о в с ь к и й Т. І. А. Гожалчинський — перекладач поезій Шевченка. Укр. слов'янознавство. Львів, 1970, вип. 3.

П а ш а е в а Н. М. Русские ученые и публицисты о национальном Возрождении в Галиции. В кн. Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970.

П а ш к о в с ь к и й Л. О. Радянсько-болгарські зв'язки в галузі кінематографії до відновлення дипломатичних відносин між обома країнами. Укр. слов'янознавство. Львів, 1970.

П е т р о в В. П. Фольклорі проблема балто-слов'янської спільності. «Слов'янське літературознавство і фольклористика». Київ, 1970, вип. 5.

П е т р о в И. А в р а м о в И. Планировка малых городов в Болгарии. Стр-во и архитектура, Киев, 1970, № 3.

П е т р о в С. Музыкальная культура банатских болгар. В кн. Международный конгресс антропологических и этнографических наук, 7-й. Москва, 1964. Т. 7. М. 1970.

Пешич-Максимович Н. Об охране памятников традиционной архитектуры и сельских поселений в Югославии. В кн. Международный конгресс антропологических и этнографических наук. 7-й. Москва. 1964. Т. 7. М., 1970.

Пинчук Е. М. Заметки о высшей школе Чехословакии. Вестн. высш. школы. 1970, № 8.

Пирко М. 1-й Польский революционный полк в России. В кн. Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970.

Погожева Л. Истории истинные и выдуманные. (О современной югославской кинематографии.) Лит. газета, 1970, 7 октября.

Полек В. Т. Твори І. П. Котляревського у чехів та словаків. «Слов'янське літературознавство і фольклористика». Київ, 1970, вип. 5.

Польща. (Библиография литературоведческих работ, изданных в 1965—1966 гг.) В кн. Мастерство перевода. Сб. 6, М., 1970.

Полякова Л. Витезслав Новак и его опера «Карлштейн». Сов. музыка, 1970, № 10.

Полянина Т. В. «Подорож по Галицькій та Угорській Русі» Я. Ф. Головацького та значення цього твору для слов'янознавства. Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 3.

Порочкина И. М. Значение статей В. И. Ленина о Л. Н. Толстом для литературоведения славянских стран. Вестн. Ленингр. ун-та. 1970, № 8. История, Яз. Лит. вып. 2.

Похилевич Д. Л. Наукова робота львівських істориків славістів у 1967—1969 рр. Укр. слов'янознавство. Львів, 1970, вип. 1.

Принц Я. Издано в Словакии. (Об издании и распространении произведений В. И. Ленина в Словакии. 1924—1970 гг.) Кн. торговля, 1970, № 4.

Против антикоммунизма в литературоведении и эстетике. (Ред. ст. Обзор докладов на международной конференции «Возрастание роли марксизма-ленинизма в современную эпоху и критика антикоммунизма». Москва, январь 1970 г.) Вопросы лит-ры, 1970, № 5.

Пуруш Й. Ленинский год в чехословацком кино. «Искусство кино», 1970, № 5.

Путитов Б. Н. Славянские эпические песни о сватовстве. В кн. Фольклор и этнография, М., 1970.

Путитов Б. Н. Три недели в Болгарии. (Заметки о болгарской фольклористике в связи с 5-м междунар. фольклорным фестивалем в Бургасе 5—13 июля 1969 г.). Сов. этнография, 1970, № 1.

Пяткевич А. М. Адьюстраванне жыцця працоўных Заходняй Беларусі ў польскай прозе. В кн. В единой семье советских народов. Минск. 1970.

Рекомендации IV рабочему совещанию центров библиотекосведения и методиче-

ской работы библиотек социалистических стран (июнь 1963, Москва). В кн. Рабочее совещание центров библиотекосведения и методической работы библиотек социалистических стран. 4-е. Москва, 1968. Ч. 2. М., 1970.

Рихтман Ц. Полифонические формы в народной музыке Югославии. В кн. Международный конгресс антропологических и этнографических наук. 7-й. Москва, 1964, Т. 7. М., 1970.

Ровда К. И. По следам 1848 года. (А. Н. Пыпин в Праге). Рус. лит-ра, 1970, № 1.

Ровда К. И. Пути и перепутья чехословацкой русистики. (По страницам журнала «Československá Rusistika» Рус. лит-ра, 1970, № 3.

Рок Т. Як виникла польська опера. (Рассматривается период с XVII в.) «Всесвіт», Київ, 1970, № 3.

Ротач П. «Кобзар» у Югославії. (О популяризации творчества Т. Г. Шевченко в соц. Югославии.) «Всесвіт», Київ, 1970, № 9.

Руда Т. П. Из неопубликованого листування чеських учених з Іваном Франком. «Слов'янське літературознавство і фольклористика». Київ, 1970, вип. 6.

Секерский С. О новых исследованиях Института книги и чтения. (О деятельности Ин-та книги и чтения Национальной библиотеки в Варшаве.) В кн. Рабочее совещание центров библиотекосведения и методической работы библиотек социалистических стран. 4-е. Москва, 1968, Ч. 1. М., 1970.

Серебряков А. Ф. Лучшие издания Международного конкурса. Об участии социалистических стран на международной выставке книг, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, проходившей в Москве в мае 1970 г. «Полиграфия», 1970, № 7.

Симпозиум стран — членов СЭВ и СФРЮ «Теоретические основы информации». (Москва, 23—26 июня 1970 г.). Научн. и техн. б-ка СССР, 1970, вып. 7.

Скорик Л. П. Проблемы развития центра Варшавы. Стр-во и архитектура. Киев, 1970, № 9.

Слізінський Є. Про діяльність відділу західнослов'янських літератур Інституту слов'янознавства ПАН. Укр. слов'янознавство. Львів, 1970, вип. 3.

Слонимский С. «Варшавская осень—69». Сов. музыка, 1970, № 1.

Соболев Р. Анджей Лапидский. В кн. Актеры зарубежного кино. Вып. 5. М., 1970.

Соколов Н. Культурная революция в Народной Республике Болгарии. В кн. Первые шаги в науку. Тезисы науч. докл. студентов — участников второй Респ. науч. студенч. конференции по проблемам обществ. наук, истории ВЛКСМ и междунар. молодежного движения, посвящ. 50-летию ВЛКСМ и

50-летию БССР и КПБ. Ч. 2, Минск, 1969.

Солнцева Л. Два спектакля гостей из Словакии. (О гастролях театра Словацкого восстания в Ленинграде и Talline.) «Театр», 1970, № 5.

Социалистические страны в эти дни. (О спектаклях к 100-летию В. И. Ленина.) «Театр», 1970, № 4.

Степанович П. Зарубіжні зв'язки Інституту історії АН УРСР у 1969 р. Укр. іст. журн. 1970, № 6.

Стефанов И. Наше общее зная. (Идеи В. И. Ленина о пролетарском искусстве и задачи современного киноискусства) «Искусство кино», 1970, № 4.

Стоин Е. К вопросу о связи текста с музыкой в болгарской народной песне. В кн. Международный конгресс антропологических и этнографических наук. 7-й. Москва, 1964, Т. 7. М., 1970.

Струкова К. Л. Из эпистолярного наследия П. Д. Драганова. (О письмах к В. И. Ламанскому, хранящихся в Архиве АН в Ленинграде) Сов. славяноведение, 1970, № 4.

Струмінський Б., Полянський Я. Лемківські співанки. (О фольклоре лемков, живущих на территории Польши). «Жовтень», 1970, № 6.

Тиханова В. Польские скульпторы М. Вельтер и Э. Майковский в Москве. (О выставке в Москве в январе 1970 г.) «Искусство», 1970, № 10.

Тодоров Д. Т. Некоторые аспекты этнографических исследований современного быта и культуры в Болгарии. Сов. этнография. 1970, № 2.

Тодору Павлову 80 лет. «Вопросы философии», 1970, № 2.

Томич П. Народная керамика в Югославии. В кн. Международный конгресс антропологических и этнографических наук, 7-й. Москва, 1965. Т. 7. М., 1970.

Трофимович К. К. Наукова робота істориків Інституту серболужицького народознавства. (Бауцен, ГДР.) Укр. слов'янознавство. Львів, 1970, вип. I.

Трутко И. Кино Чехословакии (1929—1945). В кн. Колодяжная Валентина Сергеевна и Трутко Инна Исидовна. История зарубежного кино. Т. 2, 1929—1945 гг. М. 1970.

Урбап З. Божена Немцова і українці. Укр. слов'янознавство. Львів, 1970, вип. 3.

Фере Вл. «Варшавская осень — 69». Сов. музыка, 1970, № 1.

Фестиваль польской песни на советской сцене. (1970 г.) «Театр», 1970, № 5.

Фиала В. Творчество Яна Штурсы (чешского скульптора начала XX в.) «Искусство», 1970, № 5.

Хаджихристов Х. Н. Опыт изучения читателей в библиотеке Болгарии. В кн. Рабочее совещание центров библиотечного дела и методической ра-

боты библиотек социалистических стран. 4-е. Москва, 1968. Ч. I. М., 1970.

Хаджихристов Х. Н. Роль, задачи и проблемы окружных библиотек Болгарии. В кн. Библиотечное дело и библиография за рубежом. Вып. 33. М., 1970.

Хватов А. Великий образ в произведениях болгарских писателей. (Ленинская тема в болгарской литературе.) «Нева», 1970, № 4.

Христова Д. Центральная техническая библиотека — часть единой научно-технической и экономической информации Болгарии. Научн. и техн. б-ки СССР. 1970, вып. 7.

Цепков Б. В борьбе за ленинизм в эстетике (О вкладе Т. Павлова в развитие марксистско-ленинской философии и эстетики.) Вопросы лит-ры. 1970, № 2.

Ципро М. В. И. Ленин и развитие школы и педагогики в Чехословакии. Сов. педагогика. 1970, № 4.

Цыбульский Р. Обзор научных исследований книготорговли в Польше. Издат. дело. Книговедение. 1970, № 4.

Цыбульский Р. Советская научная книга в Польше. (О пропаганде советской научной литературы.) Кн. торговля, 1970, № 2.

Цьох И. Т. Ленінська тема у прогресивній комуністичній пресі Західної України. Вісн. Львівського держ. ун-ту. Сер. журналістики, 1970.

Черненко М. Даниэль Ольбрыхский. «Искусство кино», 1970, № 3.

Черненко М. Любиша Самарджич. В кн. Актеры зарубежного кино. Вып. 5, М., 1970.

Чехословакия. (Библиография литературоведческих работ, изданных в 1965—1966 гг.) В кн. Мастерство перевода. Сб. 6, М., 1970.

Шагалова А. Рассказы Л. Стоянова 20—30 гг. Научн. тр. филол. фак. Кирг. гос. ун-та, Фрунзе, 1970, вып. 16.

Шайкевич Б. О. Н. Вапцаров і революційне болгарське мистецтво 30-х років. «Слов'янське літературознавство і фольклористика». Київ, 1970, вип. 6.

Шерлаимова С. Полвека новой литературы Чехословакии (с 1918 г.) В кн. Зарубежные литературы и современность. Вып. I, 1970.

Штвртек Ш. Чехи и словаки в Октябрьской революции. В кн. Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970.

Шумада Н. С. Сторінка українсько-болгарського фольклористичного спілкування. «Слов'янське літературознавство і фольклористика». Київ, 1970, вип. 6.

Щербач В. Идеи В. И. Ленина в теории и практике воспитания в Народной Польше. Сов. педагогика, 1970, № 4.

Эрхардт Д. Памяти Гражины

Бацевич. (О творчестве польского композитора.) Сов. музыка, 1970, № 7.

Югославия. (Библиография литературоведческих работ, изданных в 1965—1966) гг. В кн. Мастерство перевода. Сб. 6. М., 1970.

Юзвенко В. А. Нове народження фольклористичних прац О. Кольберга. «Слов'янське літературознавство і фольклористика». Київ, 1970, вип. 6.

Яковлева В. Літопис боротьби. Югославські романи про національно-визвольну боротьбу. (Б. Чопич, Д. Чосич, М. Палич, Ч. Сиярич и др.). «Всесвіт», Київ, 1970, № 8.

Янев С. В. И. Ленин и педагогический коммунизм в Болгарии. Сов. педагогика, 1970, № 4.

Яну І. Г. Воронежські історично-славянські в 1966—1968 рр. Укр. словознавство. 1970, вип. 1.

Ярошевич И. Л. Польский рек-

ламный книжоторговый плакат. Издат. дело. Книговедение.

3. Языкознание

Аскоченская В. Ф. Польская конструкция «МОС + инфинитив» и ее русские параллели. Сб. научн. работ аспирантов Воронежского гос. ун-та. 1970, вып. 5.

Дыбо В. А. Фрагменты праславянской акцентной системы. (Ударение прилагательных с суффиксом -ък). Сов. славяноведение, 1970, № 5.

Корсакас К. Балтисты, слависты и их деятельность. «Литва сегодня», Вильнюс, 1970, № 4.

Курковська Г., Пилинський М. Про сучасну польську лексикографію. «Мовознавство». Київ, 1970, № 5.

Мокиенко В. М. Классическая филология в журнале «Listy folologicke» (Praha) (1967—1969 гг.) Вестн. древней истории, 1970, № 3.

СОДЕРЖАНИЕ ИИ ОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1970, № 4

И. Митев. Еще о создании болгарской народной армии; Х. Стефанов. Образование и начальная деятельность Болгарской радикал-демократической партии; З. Радопов. Революционно-демократическая борьба болгарских студентов; Л. С. Каравелов. Из истории самого величественного памятника признательности болгарского народа; К. А. Поглюбок. Болгарские и русские революционеры накануне и в ходе Апрельского восстания 1876 г.; М. Войнов. Опять о возникновении болгарского государства.

«Литературна мисъл», 1970, № 4

Г. Цанев. Иван Вазов и развитие болгарской литературы; М. Наг. Стиль и структура романа «Под игом» Ивана Вазова или как «сделан» роман «Под игом»; Е. Факлиева. Немецкие издания романа «Под игом»; П. Зарев. Творческий путь Христо Смирненского; Б. Делчев. Встречи и беседы со Светославом Минковым; С. Хаджикосев. Проблемы символической поэтики и сравнительно-типологический анализ болгарского и чешского символизма.

«Език и литература», 1970. № 4

С. Русакнев. Сергей Есенин — певец русской природы; С. Стоянов. Оупнение вспомогательного глагола съм в составных именных сказуемых в болгарском языке; С. Лысенко. Горь-

кий и украинская советская драматургия 30-х годов; Е. Верещагин. К вопросу о принципах переводческой деятельности славянских первоучителей Кирилла и Мефодия; П. Атанасов. Болгарские тексты в брашовских славянских изданиях XVI в.; И. Иванов. Древнее лексическое наследие в словаре одного говора ремесленников.

«Български език», 1970, № 2—3

Л. Андрейчин. Проф. д-р Стойко Стойков. Д. Вакарелска - Немова, Т. Костова, И. Кочев, М. Лилов, М. Младенов, Х. Топалова - Симеонова, Х. Холиолев. Профессор Стойко Стойков и проблемы болгарской диалектологии; Е. Георгиева, К. Иванова, В. Станков. Вклад профессора Стойко Стойкова в изучение болгарского литературного языка и орфографии; С. Бояджиев. Проф. С. Стойков и болгарская лексикология и лексикография; П. Диневков. Проблемы болгарского Возрождения в научной деятельности проф. С. Стойкова; М. Младенов. Библиография трудов проф. Стойко Стойкова; С. Стойков. Болгарский говор с. Былен-Сырб (СР Румыния); К. Мирчев. О хронологии некоторых фонетических диалектизмов в болгарском языке; В. Георгиев. Переосмысленные падежные формы; И. Лекков. Динамическое функциональное соотношение некоторых синонимических суффиксов в болгарском языке согласно статистическим данным для прогнозов (К вопросу об -ически, -ичен,

-ски, -жки, -шки); Б. Николов. К вопросу о носовых гласных в болгарском литературном языке; Д. Тилков. Акустический эффект палатализирующего воздействия гласных *e* и *i* ча согласные *k* и *g*; И. Кочев. Акцентологическая интерпретация ритмико-интонационных групп в юго-западных болгарских говорах; Л. Андрейчин. Литературное произношение конечного ударенного *-a* в существительных женского рода; И. Петканов. Суффиксы *-ия* и *-ист* в болгарском языке; Т. Бояджиев. Притяжательно-указательные местоимения во фракийских говорах; Б. Симеонов. Структурно-фонологический взгляд на систему болгарского вокализма; Р. Божков. Интересное фонетическое явление в говоре с. Кадиево, Пловдивско; Й. Иванов. Лабелизация гласного *o* в *ʷo*, *ʷy* в некоторых западнорупских говорах; К. Младенов. Важная фонетическая особенность болгарских говоров в районе нижнего Вардара; В. Райнов. Редукция в звательных формах в говоре с. Черноморец, Бургасско; И. Умленский. Ритм и рифма в народной речи и фольклоре в Кюстендильском крае; М. Филипова-Байрова. О некоторых словах греческого происхождения в болгарском языке; М. Вългенов. *Весло, свесло, превезло*; Х. Топалова. Тексты из Софийского края.

№ 4

Л. Минкова. Две редакции первых повестей Каравелова; Х. Недялков. Народные элементы в рассказе Ст. Ц. Даскалова (По случаю его 60-летия); М. Деянова. К характеристике новоболгарского будущего предварительного времени; Р. Русинов. Семантико-синтаксические функции предлога *o* в современном болгарском языке; С. Петков. К вопросу о морфемных отношениях в болгарском языке; С. Димитрова. О понятии «языковая структура» (согласно теории Б. Л. Уорфа); Л. Тодоров. Литературный язык и язык художественной литературы; К. Иванова. Опыт моделирования залоговых отношений (На материале болгарского литературного языка); Й. Симеонов. Глагольный процесс как гомотенная целостность с точки зрения психомеханики; Е. Георгиева. К проблеме заглавных букв в болгарской орфографии; А. Давидов. К вопросу о древнеболгарском характере лексики Пресвитера Козьмы; В. Попова. Слово *читалище* в сербском и болгарском языках; В. Шейтанова. Прилагательное *непримѣрен*, *-рни* у И. Богарова; Х. Василев. К славянской фразеологии: *от птиче мякло*; К. Костов. Болгарский термин *бурат* и итал. *buratto*; М. Кырпачева. О со-

стоянии научной информации по болгарскому языкознанию; Диалектные тексты из с. Долна Рикса, Михайловградского округа.

«Przeegląd Historyczny», 1970, № 2

Т. Василевский. Исследования по истории царствования императора Михаила III (842—867), ч. I; Е. Охманский. Литовско-кривичские рубежи в племенной и средневековый период; Б. Зентара. Политические и церковные связи Западного Поморья с Польшей при Болеславе Кривоустом; М. Ваврыкова. Генезис сабаудского восстания; Г. Яблонский. К вопросу об истории майского переворота 1926 г. в Польше; Е. Козловский. Польша в истории второй мировой войны. Опыт периодизации.

№ 3

Т. Василевский. Исследования по истории царствования императора Михаила III (842—867), ч. II: Государственный переворот в 851—852 г. и наступление в Малой Азии против арабов; Б. Геодеска. Идеология народного движения лоллардов; К. Гурский. К методике исследований истории духовной культуры; М. Хорн. Размещение цехов и ремесленных специализаций в городах Перемышльской и Саноцкой земель в 1550—1650 гг.; А. П. Грицкевич. Частновладельческие города Белоруссии и Литвы; Х. Визнер. Раздача и продажа должностей во времена Сигизмунда III; Е. Михальский. Оминых и действительных сочинениях Андрея Замойского; З. Станкевич. Бывшие правительственные имения в Королевстве Польском.

«Pamiętnik Literacki», 1970, № 2

С. Кжемень-Ояк. Политик и писатель (К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина); Р. Волошиньский и И. Игнаций Красицкий и идеи Просвещения; З. Синко. Игнаций Красицкий как переводчик Оссиана; М. Пижковский. Художественный образ мира в творчестве Трембецкого; П. Матушевская. Стихотворное послание в литературном сознании польского Просвещения; З. Рашевский. *Rondo alla pollasa*. Оперная деятельность Войцеха Богуславского в 1779—1783 гг.; З. Либера. Вопросы стиля в литературе польского Просвещения.

«Československý časopis historický», 1970, № 2—3

Л. Свобода. Ленин — теоретик; Я. Пурш. Метод измерения асинхрониз-

ма некоторых исторических процессов; Д. У г м и р ж. Республканская партия земледельцев и малоземельных крестьян; И. К о р ж а л к а. Германско-австрийский союз 1879 года и отношение к чехам.

№ 4—5

Ф. П а л а ц к и й. Население чешских городов и школьное образование в XVI и в начале XVII в.; А. М и к а. Из истории борьбы за веротерпимость в XVI в.; И. П о л и ш е н с к и й. Общественная и научная революция XVII века; О. К а н я. Тешинское интермеццо (Германские интересы в Тешинском крае и их поборники); Г. П о л р е и х. «Клеометристы» и проблемы экономического развития Америки в XIX веке (Заметки о современном состоянии экономической истории в США).

«Historický časopis», 1970, № 3

П. Р а т к о ш. «Civitas Dowina» — словацкий Девин; А. Г а ч о в а. Общественная структура города Прешова в XV и в первой половине XVI ст.; Л. Л и п т а к. Из хроники домюнхенских дней (дневник А. Маркуша); Д. Ч и з м а д а. К проблематике отношений между чехословацкими и венгерскими прогрессивными силами между двумя мировыми войнами (1918—1938).

«Slovenská literatúra», 1970, № 4

Я. Б р е з и н а. Вольный стих Владимира Рейсла; М. Д з ю б а к о в а. Вопросы фольклорного наименования в предромантизме; Э. Х а р о у з. Словацкие источники инспирации чешского предвоенного поколения; Р. Б р т а н ь. Заметки к «Вопросам техники стихосложения в Амброзовых Аналах 1793 года»; Я. В. О р м и с. «Близнецы» — неизвестный рассказ Людовита Кубани; И. Ф р и д. К истокам словацкой и венгерской литературной истории; М. В а р с и к. Правильно ли мы поем наш гимн?; К. К у т т к а е в а. Постскриптум к юбилею Ризнера.

«Slovenská reč», 1970, № 2

Е. Й о н а. Участие М. М. Гаджи в формировании словацкого литературного языка; И. Р у ж и ч к а. Развитие специального стиля словацкого литературного языка в XX в. (окончание); М. П а т а к о в а. Эстетическая сила глагола в языке Гронского; К. Г а б о в ш т я к о в а. Язык Г. Гавловича; М. М а р с и н о в а. *Literárčina* или *literárština* Ю. Рыбака. Оппозиция указательных местоимений *tu — tam*; М. М и к л у ш. К семантико-синтаксической характеристике слова *už*; В. И г л а р. Два соб-

ственных названия из верхней Нитры: *Dražozica* и *Radobica*.

№ 3.

Й. В а в р о. О словизмах в словацком языке в годы первой мировой войны; Е. Й о н а. Участие М. М. Гаджи в формировании словацкого литературного языка; Ш. П е ц и а р. Количество глаголов на *-ovat'*; М. М а р с и н о в а. Названия типа *murárčina*; Я. О р а в е ц. Разграничение окончаний *-a/-u* в род. ед. типа *dub*; А. Г а б о в ш т я к. Тео Флорин и его поэтическая речь; В. У г л а р. Происхождение названия *Mohelnica*.

№ 4

П. О н д р у с. Ленин о языке; Ш. П е ц и а р. Двадцать пять лет словацкого языкознания; Е. Й о н а. Участие М. М. Гаджи в формировании словацкого литературного языка (окончание); И. М л а ц е к. Факультативные члены фразеологических единиц; М. М а р с и н о в а. Соответствует ли словацкому языку наименование *otol'ovačka?*; И. Ш к у л ь т е т ы. О словацкой терминологии цветообозначений; Ю. Р ы б а к. Об условном союзе *neck*; М. И в а н о в а - Ш а л и н г о в а. Из проблематики числительных и числовых выражений; Й. Г р б а ч е к. Еще раз о нескольких однородных сказуемых

«Jezik», 1969/1970, № 1

З. Ю н к о в и ч. Замечания об акценте; В. Ф р и ш ч и ч. Образование прилагательных посредством хорватских суффиксов от слов латинского и греческого происхождения.

№ 2

Б. Ф и н к а. Акцентная типология и ее использование в стандартных словарях; С. Ж е п и ч. Об образовании слов; П. Ш и м у н о в и ч. Современные ономастические исследования в Хорватии; В. Н и к ч е в и ч. О неисторической характеристике народного языка в черногорской письменности в эпоху до Негоша.

№ 3

Р. К а т и ч и ч. О внутреннем строении словарей; С. Б а б и ч. Образование имен существительных на *-ič*

№ 4

Р. К а т и ч и ч. Литературный язык; Л. И о н к е. Кризисное положение со Словарем литературного языка; Б. Ф и н к а. О наших лингвистических атласах и диалектологических исследованиях;

С. Б а б и ч. Образование имен существительных на *-id*; Н. М и к и ч - О п а ч и ч. О запятой и вокруг нее.

«Jezik in slovstvo», 1969/1970, № 1

Ю. М а р т и н о в и ч. Об источнике троихического десятисложника в балладе Плетерена «Pesem od Lere Vide»; Я. К о с. Проблема ренессанса и барокко в словенской литературе; Б. Г о л о б. Ученические интерпретации; И. М и л и ч. О метафорах вообще, в частности и еще нечто; Ф. Ш е б я н и ч. Письма М. Бакоша М. Инститориусу-Мошовскому.

№ 2

Л. Л е г и ш а. Францу Коблару во семьдесят лет; Е. Л о в ш и н. Жупанчичи в Любляне с 1892 до 1935 гг.; М. С к у б и ц. Лексические романизмы в словенском газетном языке; Ф. Ш е б я н и ч. Письма М. Бакоша М. Инститориусу-Мошовскому.

№ 3

Ф. П е т р е. «Zadovoljni kranjec» Водника как пример поэзии Просвещения; Й. Т о п о р и ш и ч. Пятьдесят лет славянского языкознания на философском факультете в Любляне; Ф. Ш е б я н и ч. Письма М. Бакоша М. Инститориусу-Мошовскому.

№ 4

М. Б о р и ш н и к. Введение к дискуссии о достижениях и проблемах современной словенской истории литературы; М. К м е ц л. О литературных видах, разновидностях, типах, Й. Т о п о р и

ш и ч. Пятьдесят лет славянского языкознания на Философском факультете в Любляне; Й. С т а б е й. Из истории словенской лексики.

№ 5

Б. О р о ж е н. Славистическая учебная экскурсия по району Козьянско; Й. М а х н и ч. Букварь в стихах Жупанчича; И. Т о п о р и ш и ч. Пятьдесят лет славянского языкознания на Философском факультете в Любляне.

№ 6

Й. Г р е г о р и ч. Станко Цайнкуру семьдесят лет; Ф. Я к о п и н. Вопрос о белорусском языке и языкознании; К. Г а н т а р. Начала филологической науки; М. М и р о в и ч. Метафоричность языка поэзии.

№ 7—8

Ф. З а д р а в е ц. Словенская Каринтия в прозе, поэзии и драме с 1919 до 1942 г.; И. К о з л е в ч а р. Имя прилагательное в сказуемом употреблении; Б. П а т е р н у. Проблема двух типов словенской литературы, особенно ее коринтийской части; Я. Ч а р, Ф. В а р л. Знание грамматики у выпускников средних школ; Я. С и в е ц. Действительно ли обучение словенскому языку безуспешно?; В. И з а к о в и ч. Анализ с помощью синтеза и синтетизатора; Ф. Я к о п и н. Вопрос о белорусском языке и языкознании; Б. М е р х а р. К истории свободного стиха на словенском языке; М. Я г о д и ч. Прилагательные на *-ški* и *ški*; М. С м р е к а р. Прилагательные на *-inski*, *-ovski*, *-evski*.

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. ЭНГЕЛЬСА

23 ноября 1970 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялась научная сессия, посвященная 150-летию со дня рождения Ф. Энгельса, великого революционера, гениального ученого, верного соратника К. Маркса. Сессию открыл директор Института чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков. Во вступительном слове он отметил огромное, непреходящее значение революционной деятельности и идейно-теоретического наследия Ф. Энгельса. С докладом «Ф. Энгельс об аграрном развитии Центральной Европы» выступил доктор исторических наук И. И. Костюшко. Докладчик подчеркнул большое теоретическое и методологическое значение положений К. Маркса и Ф. Энгельса о формах сельскохозяйственного производства и его роли в различных общественных формациях. Основоположники марксизма интересовались аграрным развитием и отдельных регионов и стран. Особенно много внимания аграрному вопросу в странах Центральной Европы уделил Ф. Энгельс. Рассматривая процесс «вторичного» закрепощения крестьян, Ф. Энгельс показал, что в этом процессе проявились диалектика исторического развития, антагонистический характер действительного

прогресса и явления общественного регресса. Он указал на особенности общественного строя в великих земледельческих странах, расположенных между Балтийским и Черным морями. В его трудах глубоко раскрывается сущность прусской аграрной реформы, освещается ряд вопросов аграрной истории Венгрии, Польши и Чехословакии.

В докладе доктора исторических наук В. А. Дьякова «Фридрих Энгельс и первые польские социалисты» было показано, что в 1883—1895 гг. контакты Энгельса с деятелями польского рабочего движения были направлены прежде всего на организацию перевода и издания на польском языке важнейших произведений основоположников научного коммунизма. Эти переводы оказали огромное идейное влияние на первых польских социалистов, они особенно содействовали оформлению и консолидации того направления в польском рабочем движении, которое нашло свое воплощение в создании СДКП. В докладе освещены также и личные дружеские связи Энгельса с Валерием Врублевским, Станиславом Мендельсоном и другими польскими социалистами.

И. К.

КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ЯНУ АМОСУ КОМЕНСКОМУ

Во Львове 12—13 ноября 1970 г. состоялась научная конференция, посвященная 300-летию со дня смерти великого чешского педагога-гуманиста, мыслителя, филолога, писателя и культурного деятеля Яна Амоса Коменского (1592—1670). Эта конференция была организована областным отделением Педагогического общества УССР, кафедрами педагогики и славянской филологии Львовского ордена Ленина университета им. И. Франко.

Конференцию открыл вступительным словом заведующий отделом науки Областного комитета КПУ Г. В. Подоляк. В работе конференции принял участие вице-консул Генерального консульства ЧССР в Киеве товарищ Эвжен Малы.

На пленарном заседании, состоявшемся 12 ноября, с докладами выступили: В. С. Аранский (Москва) — «Я. А. Коменский основоположник научной педагогики»; С. Ф. Сухорский (Львов) — «Я. А. Коменский и советская дидактика»; А. Р. Мазуркевич (Киев) — «Об изучении связей между Я. А. Коменским и прогрессивными педагогами Украины»; М. Ф. Шабаева (Москва) — «Я. А. Коменский и народная педагогика»; А. И. Пашук (Львов) — «Ф. Бекон и Я. А. Коменский»; В. З. Смаль (Киев) — «Коменология в братских странах социализма».

Во второй день конференции работали секции: дидактика и воспитание, исто-

рия педагогики и филологии. На секции дидактики и воспитания были прослушаны доклады: доц. Б. Н. Митурова (Дрогобыч) «Некоторые вопросы мировоззрения Я. А. Коменского», доц. О. В. Неровни (Львов) «К вопросу о психологических основах педагогики Я. А. Коменского», доц. М. И. Гофмана (Львов) «Вопросы этики в наследии Я. А. Коменского»; Н. Н. Петрусенко (Львов) «Передовые идеи Я. А. Коменского на Львовщине»; А. М. Кухты (Львов) «Проблема преемственности в педагогической концепции Я. А. Коменского»; доц. В. В. Струбицкого (Луцк) «Проблема личности учителя в наследии Коменского»; М. Д. Штурмая (Львов) «Я. А. Коменский о личных качествах учителя»; П. М. Гречинской (Львов) «Вклад Я. А. Коменского в теорию и практику дошкольного воспитания».

На секции истории педагогики и филологии было заслушано 13 докладов, посвященных различным аспектам деятельности Я. А. Коменского, его педагогическим и философским взглядам, его литературным и лингвистическим трудам, а также вопросам связи Я. А. Коменского и его идей с культурой России,

Украины и других стран. На секции с докладами выступили: Л. С. Кишкин (Москва) «Я. А. Коменский в России»; В. А. Моторный (Львов) «Я. А. Коменский в чешской литературе»; В. К. Савинец (Львов) «Демократизм педагогических взглядов Я. А. Коменского»; Ф. И. Науменко (Львов) «Я. А. Коменский и украинская педагогическая мысль»; М. М. Закалюжный (Тернополь) «Коменский и Скворода»; Н. Н. Дидух (Львов) «Гербест и Коменский»; Е. И. Пристуга (Львов) «Элементы народной педагогики в наследии Я. А. Коменского»; В. П. Андел (Львов) «Вклад Я. А. Коменского в развитие чешского языка»; К. З. Рабиновский (Бельцы) «Я. А. Коменский в Молдавии и на Буковине».

На конференции были оглашены основные положения докладов, присланных из-за рубежа: Е. Слизицкого (ПНР) «Я. А. Коменский в Польше», М. Ричалки (ЧССР) «Коменский и Духович», А. Чумы (ЧССР) «Учебники Я. А. Коменского в России», И. Антохия (СРР) «Я. А. Коменский в Румынии».

В. Моторный

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ В СЛОВАКИИ

С 12 по 14 октября 1970 г. неподалеку от Братиславы в замке Смоленице, принадлежащем Словацкой академии наук, состоялась конференция о взаимоотношениях словацкой, русской и украинской литератур, посвященная 25-летию освобождения Чехословакии. В ее работе принимали участие словацкие, русские и украинские литературоведы. В сотрудничестве с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, Институтом литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, конференцию организовал Институт мировой литературы и языка Словацкой АН. На ней работали две секции: словацко-русская (5 заседаний) и словацко-украинская (6 заседаний). Кроме того, состоялось 2 пленарных заседания, на одном из которых (12 октября) зачитывались общие доклады, касающиеся изучения словацко-русских и словацко-украинских литературных связей в Чехословакии и СССР, на другом (14 октября) — были подведены итоги проделанной на конференции работы. В общей сложности на пленарном заседании с докладами выступило 5 человек, в словацко-русской секции — 19, словацко-украинской — 18. По докладам шла оживленная дискуссия. Те, кто по тем или иным причинам не смогли прибыть на конференцию, прислали свои выступления в письменном виде. Они войдут в сборники, которые составят материалы конференции.

Конференцию открыл директор Института мировой литературы и языков САН профессор Миклаш Бакош. В своем вступительном слове он подчеркнул, что связи словацкой культуры с русской и украинской составляют важную страницу в ее истории. Говоря о русской литературе XIX—XX вв., М. Бакош отметил, что она существенно содействовала словацкому литературному развитию, помогала словацким писателям (по своему, в соответствии с потребностями национального культурного развития претворяющим исходящие от нее импульсы) и в период перехода от романтизма к реализму, и в период становления и развития реализма (Гаёвский и др.), способствовала художественному вызреванию и дифференциации литературных сил Словакии. В 20—30-е годы нашего столетия русская советская литература оказывала положительное влияние на прогрессивных словацких писателей (Илемницкий и др.), благоприятствовала возникновению и развитию в Словакии социалистической литературы. В конце вступительного слова М. Бакош сказал, что в задачи конференции входит подведение итогов всей предшествующей работы по изучению словацко-русских и словацко-украинских литературных связей и выдвижение новых научно-исследовательских проблем уже не только по связям, но и по сравнитель-

но-типологическому изучению словацкой, русской и украинской литературы.

На открытии конференции присутствовали консул Генерального Консульства СССР в Братиславе А. И. Бирюков и представители словацкой прессы.

С докладом об итогах и перспективах изучения взаимоотношений словацкой и русской литератур на первом пленарном заседании выступил Диониз Дюришин (Братислава). С. В. Никольский (Москва) сделал доклад на тему «Изучение словацкой литературы в РСФСР в настоящее время». О развитии, состоянии и задачах словацкой литературной украинистики говорил в своем докладе М. Молнар (Братислава). Доклад Е. П. Кирилюка (Киев) был посвящен вопросам изучения словацкой литературы на Украине.

На словацко-украинской секции были сделаны следующие доклады: А. В. Мишанича (Киев) — «Украинско-словацкие литературные связи в XVI—XVIII веках», М. Лациока (Братислава) — «К словацко-украинским связям в эпоху Просвещения», М. Неверли (Братислава) — «Начало украинского и словацкого национального возрождения (Бернолак и Котляревский)», Ю. З. Крутя (Киев) — «Украинские и словацкие обрядовые песни», Ц. Крауса (Братислава) — «Восприятие украинской думы в штуровской поэзии», М. М. Гайда (Киев) — «Украинско-словацкие связи в фольклористике XIX века». З. Геник-Березовской (Прага) — «Возрожденческие идеи Шафарика и Коллара в украинской литературе», М. Г. Яценко (Киев) — «Народность литературы в понимании украинских и словацких романтиков», М. Пишуга (Братислава) — «Тарас Шевченко и Янко Краць (типологическое сравнение)», О. Рудловчакowej (Прешов) — «Духович и словацкая литература», В. А. Моторного (Львов) — «Словацкая литература в Западной Украине (конец XIX — начало XX в.)», И. Кусы (Братислава) — «Таёвский и украинская литература», В. И. Шевчука (Киев) — «Словацкий роман на Украине», И. Гвица (Братислава) — «Поэзия Шевченко в словацких переводах после освобождения», А. Поляка (Прешов) — «Кровавые сонеты Гведослава в современном украинском переводе» и другие.

В ходе работы словацко-русской секции выступили Р. Бртань (Братислава) с докладом «Отзвуки Ломоносова и Державина у Таблица и Рожная», Л. С. Кишкин (Москва) — «Гведослав и русская литература», С. Леснякова (Братислава) — «Словацкие переводы русской литературы (историко-статистический обзор)», П. Палкович (Трнава) — «Отношение Таёвского к русской реалистической драме», П. Либа (Мартин) — «Вос-

приятие народных рассказов Толстого в Словакии», С. А. Шерлаимова (Москва) — «Связи русской, словацкой и чешской поэзии в XX веке», Д. Окали (Братислава) — «Эренбург и Словакия», Э. Панова (Братислава) — «Словацкие переводы поэзии Пушкина после 1918 года», Б. Хома (Братислава) — «Леонид Андреев и словаки», М. Роман (Прешов) — «Михаил Шолохов в словацкой критике», Р. Л. Филиппикова (Москва) — «Драмы Заборского на темы русской истории», К. Розенбаум (Братислава) — «Япо Новоместский и советская литература», Ю. В. Богданов (Москва) — «Словацкая литература в Советском Союзе после 1945 года», Э. Олонова (Прага) — «Современные словацкие прозаики и русская литература», З. Валкова (Братислава) — «Типология стиха словацких переводов Маяковского», А. Попович (Братислава) — «Стилистические проблемы переводов М. Валка из современной советской поэзии», В. Кохол (Братислава) — «Ритмические факторы русского и словацкого стиха» и другие.

Говорить обо всем новом и ценном, что принесла с собой конференция в научном отношении в короткой информационно-хроникальной заметке нет возможности. В целом же она безусловно станет важной вехой на пути дальнейшей разработки тех проблем, которым была посвящена. Это относится и к новым фактическим материалам, о которых сообщалось в докладах, и к новым аспектам изучения литературных связей. В связи с последним приведем только один пример. Анализ статистических данных о словацких переводах русской литературы, содержащийся в одном из докладов, позволяет уточнить мнение о том, что во второй половине XIX в. в словацкой литературной жизни Пушкин был менее популярен, чем Хомяков. Количество публикаций переводов произведений Хомякова, многие из которых были повторными, превышает цифру переводов из Пушкина лишь на коротком временном отрезке (1862—1874 гг.). Но и в эти годы Пушкина продолжают переводить не меньше, чем за два предыдущих десятилетия, а больше. Что же касается последующего периода, то с 1875 по 1900 г. в Словакии появился 31 перевод из Пушкина и всего лишь 15 из Хомякова. Если же учесть объемы и значение переведенных тогда произведений Пушкина («Евгений Онегин», «Полтава», «Кавказский пленник», «Русалка» и т. д.) и Хомякова, то картина станет еще убедительней. Так статистика помогла выяснению немаловажного историко-литературного вопроса, который иногда освещался не вполне четко.

Взгляды участников конференции на отдельные вопросы литературных отношений, а также методику их изучения не во всем совпадали, но это никак не мешало тому, чтобы на ней царил деловой

дружеская обстановка, доброжелательный обмен мнениями, стремление к взаимопониманию и выяснению истины.

На заключительном пленарном заседании выступили М. Бакор, С. В. Никольский и Е. П. Кириллук, единодушно выразив удовлетворение успешной работой конференции, необходимость дальнейшего сотрудничества советских и чехословацких литературоведов. Оно выразится, в частности, в подготовке двух сборников, с материалами конференции, которые будут изданы в Братиславе.

Особого упоминания заслуживают специально подготовленные Матицей Словацкой к конференции 4 ротонпринтные библиографии: «К словацко-русским литературным отношениям в межвоенный период» (105 стр., составитель Э. Духайова), «Словацко-русские литературные отношения после 1945 года» (441 стр., со-

ставитель М. Федор), «К словацко-украинским литературным связям до 1941 года» (41 стр., составитель М. Молнар) и «Словацко-украинские литературные отношения после 1945 года» (85 стр., составитель М. Федор). Каждая из этих библиографий сопровождается вступительной статьей и указателем имен. Все названные издания являются весьма ценным и полезным подспорьем для исследователей.

В заключение хочется сказать о теплом дружеском отношении к советским участникам конференции со стороны Института мировой литературы и языков САН, Министерства культуры, Союза словацких писателей, Института словацкой литературы САН, а также о доброжелательном внимании к ним словацкой печати и радио.

Л. К.

ЗАЩИТА ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ ПО ИСТОРИИ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

29 октября 1970 г. в Ученом совете Института русского языка АН СССР состоялась защита диссертации Е. В. Чешко (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) на соискание ученой степени доктора филологических наук. В качестве диссертации была представлена опубликованная монография «История болгарского склонения» (М., «Наука», 1970, 320 стр.).

В диссертационной монографии Е. В. Чешко рассматриваются некоторые важные и до сих пор недостаточно изученные вопросы утраты синтетического склонения и развития аналитизма — одной из узловых проблем истории болгарского языка. Исследованием охватывается период с XI до XIV в., в начале которого еще функционировала древнеболгарская синтетическая падежная система и в конце которого, как полагает и автор, «видимо, и совершился переход к аналитическому строю в живом болгарском языке» (стр. 5). Центральное место в монографии занимает изучение падежных форм и отношений в среднеболгарский период истории языка.

В понимании падежей как морфологической системы Е. В. Чешко следует в общем теории падежей Р. О. Якобсона, используя и разработанные им методы грамматического анализа — сведение многочисленной грамматической категории к ряду бинарных оппозиций привативного типа. Учитывая специфические особенности системы падежей в древнеболгарском языке, Е. В. Чешко при конкретном анализе материала несколько иначе формулирует оппозиции, дифференциальные признаки и «морфологические значения» падежей.

Исследование падежной системы в работе, как это сформулировано ее автором,

проводится в трех планах: в плане истории форм, изменения морфологической системы и морфологических значений падежей, изменения в функционировании падежей (стр. 15). В соответствии с этим основное внимание Е. В. Чешко уделяет полному и тщательному описанию всех частных значений, синтаксических и семантических функций падежей, исследует перераспределение падежных функций в среднеболгарский период. Главный упор в изучении утраты склонения она делает, таким образом, на «внутреннюю эволюцию» системы падежей.

Исследование синкретизма падежных форм в среднеболгарский период показало, что омонимия флексий, возникавшая в результате известных фонетических процессов, не играла существенной роли в утрате склонения. Решающую роль в этом процессе сыграло перераспределение функций между падежами и связанное с этим изменение падежных значений, вызванное прежде всего ослаблением противопоставления винительного и родительного падежей по признаку «направленности действия» (стр. 308). Важно заключение Е. В. Чешко и о том, что смешение падежей, приведшее в конечном счете к их падению, начинается в беспредложных, а не в предложных конструкциях и что смешение падежей в последних происходит первоначально «там, где значение падежа не было избыточным, где существовала оппозиция, формально выраженная противопоставлением падежей места и направления» (стр. 283). Это также, видимо, свидетельствует о том, что смешение падежей вызывалось изменением соотношений между падежами, а не развитием предложных конструкций.

Высокую научную оценку исследования Е. В. Чешко дали официальные оппоненты — проф. Ю. С. Маслов, д-р филол. наук О. Н. Трубачев и проф. А. В. Бондарко. Высокая оценка этого исследования дана также и в зачитанном отзыве кафедры славянской филологии Ленинградского университета. Ю. С. Маслов, в частности, отметил, что монография Е. В. Чешко «существенно продвигает решение проблемы, тонко и глубоко вскрывает внутреннюю логику и самый механизм тех процессов, которые коренным образом перестроили всю систему имени и местоимения в болгарском языке». А. В. Бондарко подчеркнул, что труд Е. В. Чешко представляет собой значительный вклад в решение одной из центральных проблем истории болгарского языка — проблемы перехода от синтетизма к аналитизму.

Некоторые частные выводы, определения принятых терминов, интерпретация конкретных примеров в диссертационной монографии вызвали возражения оппонентов. Так, Ю. С. Маслов обратил внимание на недостаточную убедительные определения отдельных дифференциальных признаков падежей, некоторую неясность в употреблении терминов «падежный синкретизм», «нейтрализация противопоставления падежных форм», «омонимия форм». По мнению О. Н. Трубачева, в монографии недостаточно внимания уделено изучению греческих параллелей, вследствие чего некоторые примеры истолкованы неправильно. О. Н. Трубачев высказал также мнение, что решение проблемы перехода от синтетизма к аналитизму в истории болгарского языка невозможно без проведения предварительного ее истолкования в аспекте типологии сходств с другими балканскими и индоевропейскими языками аналитического строя, а также исследования вопросов языковых смещений и влияний. Замечания А. В. Бондарко касались главным образом общего значения падежа и трактовки Е. В. Чешко отдельных дифференциальных признаков. Он считает, что язы-

ковой материал не укладывается полностью в схему инвариантных признаков, которые должны охватывать все варианты функционирования падежа. Он находит нормальным вычленение «центральных зон», где данные признаки действительно пронизывают реальное функционирование формы, и «периферийных зон», на которые данный признак не распространяется.

С некоторыми из сделанных оппонентами замечаний и возражений Е. В. Чешко согласилась. По поводу других она выступила с дополнительным разъяснением и обоснованием своей точки зрения. Так, она подчеркнула, что в сложной проблеме генезиса и становления именного аналитизма в болгарском языке, которая действительно не может быть удовлетворительно решена без обращения к типологическому и сравнительно-историческому методам исследования, история склонения (точнее — история утраты склонения) в этом языке представляет собой только один, хотя и очень важный ее аспект. Рассмотрение данной проблемы именно в этом аспекте нуждается прежде всего в изучении фактов самого языка и их внутреннем истолковании, т. е. в истории самой падежной системы, чему и посвящена диссертационная монография.

Относительно замечания А. В. Бондарко об общем значении падежа Е. В. Чешко сказала, что в ее монографии термин «общее значение» падежа не употребляется именно потому, что с ним связано представление об этом значении как о своего рода общем знаменателе, о значении, которое должно быть непосредственно отражено в каждом случае употребления падежа. Морфологическое значение она понимает как формулу разрешений и запретов употребления падежа в тех или иных главных функциях противопоставленных ему падежей.

Ученый совет Института русского языка АН СССР единогласно присудил Е. В. Чешко ученую степень доктора филологических наук.

Г. В.

КАНДИДАТСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

18 ноября 1970 г. на заседании Ученого совета по всеобщей истории исторического факультета МГУ состоялась защита кандидатской диссертации Е. П. Типикиной на тему «Борьба за создание революционной рабочей партии в Болгарии (1891—1903)».

Кандидатская диссертация Е. П. Типикиной является результатом многолетних исследований. Она основана на широком круге документальных источ-

ников, в том числе новейших болгарских публикациях, кропотливым изучении изданий болгарских революционных марксистов и архивных материалов Дома-музея Г. В. Плеханова и переписки Г. Бакалова, хранящейся в ЦГАЛИ, которую Е. П. Типикина впервые ввела в научный оборот.

В диссертации дается характеристика социально-экономической и политической обстановки в Болгарии в период фор-

мирования партии тесных социалистов, рассматриваются условия образования социалистической партии, ее программные установки, тактические и организационные принципы, ее деятельность и факторы, повлиявшие на характер складывающейся партии, освещается борьба внутри партии за сохранение и развитие революционных принципов до ее раскола в 1903 году и образование ядра будущей партии тесных социалистов. Автор выясняет, почему в отсталой крестьянской Болгарии создалась рабочая партия по своим революционным принципам более последовательная,

чем социал-демократические партии в развитых капиталистических странах.

Официальные оппоненты доктор филологических наук Ф. Т. Константинов и кандидат исторических наук доцент А. Н. Киршевская дали положительную оценку работе Е. П. Типикиной. Они отметили большие научные достоинства представленной к защите диссертации. Ученый совет единодушно проголосовал за присуждение Е. П. Типикиной ученой степени кандидата исторических наук.

Б. М. Руколь

ТЕМАТИКА *

VII МЕЖДУНАРОДНОГО СЪЕЗДА СЛАВИСТОВ, ВАРШАВА, 1973 г.

I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

1. Праславянский язык как гипотетическое системное целое направления его эволюции в отдельных славянских языках (учитывая в особенности близкородственные языки).
2. История формирования славянских литературных языков с учетом в особенности иноязычных элементов, в первую очередь — элементов греко-латинских.
3. Вопросы языкового родства в свете сравнительной диалектологии.
4. Характеристика лексических и морфологических средств славянских языков с точки зрения их семантической, синтаксической и стилистической функции.
5. Динамика развития славянских литературных языков со второй половины XVIII века с социолингвистической точки зрения.
6. Актуальные проблемы лексикологии в связи с этимологией и словообразованием в плане формальном и семантическом с синхронической и диахронической точек зрения.

II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

1. Романтизм в славянских литературах (главная тема):
 - а) Изучение романтизма в славянских странах в сравнительном плане (в области литератур славянских и неславянских).
 - б) Современные методы интерпретации романтизма в связи с общественно-национальной жизнью в славянских странах.
 - в) Значение литературы просвещения и предромантизма в славянских странах (последние просвещения в эволюции литературы XIX века в славянских странах).
 - г) Традиция романтизма в позднейшие периоды развития славянских литератур.
2. Методология сравнительного изучения славянских литератур: проблемы создания сравнительной истории славянских литератур:
 - а) Типологическая структура древних славянских литератур.
 - б) Проблемы сравнительного изучения славянского и европейского эпоса периода средневековья и периода нового времени.
 - в) Специфические аспекты сравнительного изучения современных славянских литератур.
3. Основные направления в славянских литературах XX века в их развитии и соотношении.

III. ЛИТЕРАТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

1. Вопросы семантической и формальной структуры текста.
2. Историческая поэтика и другие родственные дисциплины (интерпретация текста, текстология, версология и терминология).
3. Система стилей и их функции в литературе и литературном языке со сравнительной точки зрения.
4. Вопросы литературного перевода в пределах славянских языков и на славянские языки в эпоху романтизма.

IV. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

1. Роль романтизма в изучении славянского фольклора.
2. Закономерности развития современного фольклора и славянской народной культуры: роль инновации и традиционной славянской культуры в жизни современных славянских народов; городской фольклор и его влияние на художественную литературу.
3. Связи фольклора славянского с неславянским.

V. ОБЩЕСЛАВЯНСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

1. Вопросы этногенеза и первоначальной общности славян: тенденции центростремительные и центробежные (до эпохи образования славянских национальных государств).
2. Общественные, культурные и научные связи славянских народов в XVI—XIX веках. Возникновение научной славистики.
3. Значение национально-освободительных движений славян в XIX—XX веках для развития славянской культуры.

* Принята на заседании Международного комитета славистов в Хельсинки в 1970 г.

ТАДЕУШ МАНТЕЙФЕЛЬ

Скончался Тадеуш Мантейфель. Умер выдающийся польский ученый, в течение семнадцати лет возглавлявший самое крупное и авторитетное в Польше историческое научно-исследовательское учреждение — Институт истории Польской академии наук.

Проф. Т. Мантейфель давно болел, и тем не менее смерть его, наступившая 22 сентября 1970 г., оказалась для всех неожиданной.

Покойный не принадлежал к тому привычному типу ученых, научную биографию которых можно воссоздать, изучая только оставленные ими исследования. О нем нельзя было бы написать, пользуясь словами Ключевского, что книги являются главными вехами на его жизненном пути.

Проф. Мантейфель блестяще владел многотрудным ремеслом историка-аналитика. Высокое профессиональное мастерство и строгая научная логика отличали каждое его исследование. Вероятно, не со всеми его выводами или наблюдениями можно согласиться. И — невозможно не признать за его трудами высоких методических качеств. Это не только следствие природной одаренности ученого, но и унаследованной им прекрасной методической исследовательской школы.

Т. Мантейфель родился 5 марта 1902 г. в г. Речице. Однако уже с юных лет жизнь его оказалась связанной с Варшавой и Варшавским университетом. Годы университетского образования прошли под сильным и непосредственным влиянием блестящего историка и педагога проф. М. Хандельсмана. Именно под влиянием Хандельсмана сформировался не только характер исследовательских приемов, но и круг научных интересов начинающего ученого. Он стал всеобщим историком, историком-медиевистом, специалистом по истории западноевропейского средневековья.

Начав с изучения истории Франции эпохи Меровингов, которой он посвятил ряд работ, опубликованных до второй мировой войны, он и после освобождения Польши продолжал заниматься западноевропейским средневековьем, даже в тех случаях, когда ставил перед собой задачи исследования национальной ис-

тории. Так было написано его крупное исследование «Папство и цистерцианцы с особым учетом их роли в Польше на рубеже XII и XIII веков», изданное в 1955 г. В 1958 г. вышла его другая крупная работа «Всеобщая история средневековья до конца XV в.», в 1963 г. — «Рождение ереси — исповедники добровольной нищеты в средние века».

Судя только по этим основным трудам покойного, можно было бы думать, что проф. Т. Мантейфель мало занимался национальной историей Польши.

В действительности все было иначе. Чтобы понять это, необходимо обратиться к огромной и многосторонней деятельности ученого как педагога и организатора науки, к его кипучей общественной деятельности в кругу историков-профессионалов и учащейся молодежи. В этой деятельности покойного довольно четко выделяется несколько периодов. В разное время с неодинаковой силой проявлялись природные организаторские таланты ученого, не всегда в равной мере удавалось ему оказывать влияние на окружающих, но что не вызывает никаких сомнений — Т. Мантейфель как педагог и общественный деятель в сфере науки всегда был не только искренним, большим польским патриотом, но и национальным историком, историком Польши по преимуществу.

В большой мере эта направленность его общественно-научной деятельности сказалась уже в первый, довоенный период его творческого пути. В 1933 г. он активно участвовал в подготовке Международного конгресса историков в Варшаве. Будучи доцентом Варшавского университета (с 1930 г.), Т. Мантейфель возглавлял до войны Архив народного просвещения.

Однако с особой силой патристические убеждения ученого и как историка и как гражданина проявились в годы войны, в условиях жестокой гитлеровской оккупации, когда каждому поляку особенно необходимы были те качества характера — решимость, твердость и убежденность, верность слову и долгу, принципиальность и железная воля, которыми был так щедро награжден от природы проф. Мантейфель. Связанный с движением Сопrotивления в стране,

Мантейфель работал в эти годы в Варшаве, в Архиве новых актов, одновременно читая лекции и ведя семинары в действовавшей в Варшаве системе подпольного высшего образования, продолжавшей готовить кадры национальной польской интеллигенции, вопреки запрету и террору оккупационных властей. Мантейфель был организатором и руководителем существовавшей с 1940 г. исторической секции подпольного Варшавского университета.

Сразу же после изгнания врага Мантейфель оказался в числе инициаторов и наиболее активных участников восстановления Варшавского университета. Столица еще лежала в развалинах, а он с группой сотрудников и учеников приступил уже к созданию Исторического института Варшавского университета, на новых основах, в качестве большого и способного решать важные учебные и исследовательские задачи научного центра. Создание большого научно-педагогического центра в области истории было красноречивым патриотическим актом покойного ученого, актом признания им новой народно-демократической Польши. Вместе с тем оно блестяще аттестовало проф. Мантейфеля как опытного, энергичного и умелого ученого-организатора. Именно поэтому, когда создавалась Польская академия наук, ему была поручена и организация центрального исторического научно-исследовательского учреждения в стране — Института истории ПАН, которым он руководил до конца жизни.

Организация большого научного учреждения, имеющего сложную, разветвленную и охватывающую помимо Варшавы еще ряд крупнейших городов структуру, подбор квалифицированных старых и подготовка новых научных кадров, руководство научной работой огромного

коллектива — вот что прежде всего характеризует Т. Мантейфеля как историка Польши в послевоенный период. Именно эта его деятельность получила широкое признание — проф. Мантейфель был избран действительным членом ПАН — и привлекла к нему живые симпатии тех, кто любит, ценит и изучает замечательное прошлое польского народа.

Как директор Института истории ПАН Т. Мантейфель в течение многих лет руководил большим коллективом ученых, создававших капитальную многотомную «Историю Польши». Издаваемая в Варшаве академическая «История Польши», без сомнения, является самым крупным опытом марксистского синтеза национальной истории, предпринятым за рубежом. Тот факт, что будучи директором института и редактором издания, проф. Мантейфель поставил перед коллективом польских историков столь грандиозные задачи, а не сузил их до публикации двух- или трехтомного курса (тем более, что такого рода марксистское издание было уже осуществлено советскими историками) лучше всего говорит о том, какой большой патриотический смысл вкладывал он в это научное предприятие, каким большим, здоровым, подлинно научным честолюбием и оптимизмом был он воодушевлен как национальный историк.

Образ жизни Мантейфеля, весь его облик свидетельствовали о том, что он был большим ученым-тружеником. Он любил труд, любил хорошую, добросовестную и крепкую работу. Сам много, постоянно работавший, он имел право требовать настоящей работы и от своих сотрудников и учеников, от всех тех, кто обращался к нему как к ученому.

В. Д. Королюк

CONTENTS

<p><i>Yu. S. Shirjaev.</i> The problems of the economic integration of the member lands of the Council for Mutual Economic Assistance. <i>I. S. Jažborovskaja.</i> «Sprawa Robotnicza» and the origin of the ideological-political positions of Roza Lűxemburg. <i>V. A. Kuřkin.</i> The «Sermon» of Vladimir Monomachus and the Russian—Polish German relations in the 60—70ies of the XIth century. <i>S. A. Borkovkij, A. I. Maldis.</i> The poetic heritage of A. Veriga-Darevski. <i>V. K. Žitnik.</i> Melody in the poetry of Antonin Sova. <i>T. V. Popova.</i> On the subject of morphonology, the hierarchy of the analysis and the descriptive units of the morphonological structure of the language.</p>	3
---	---

PEOPLE, EVENTS, FACTS

To the 100th Anniversary of the Commune of Paris

<p><i>L. Obushenkova.</i> The Polish literature on the participation of the Poles in the Commune of Paris. <i>K. P. Gogoina.</i> The Commune of Paris and the Czech Labour Movement. <i>V. G. Karasjov.</i> The repercussions of the Commune of Paris in the revolutionary press of the South Slavs</p>	65
---	----

MONUMENTS OF THE SLAVIC CULTURE

<p><i>G. Ostrovskij.</i> Polish ex-librises of V. A. Favorskij</p>	77
--	----

BIBLIOGRAPHY

<p><i>Valerian Bystricki</i> (CSSR). The Slovak historiography of the 1960—1970 on the problems of the Central, East and South-East Europe. <i>B. Florja.</i> Zb. Wójcik. Międy traktatem andruszowskim a wojną turecką. <i>V. F. Yјединена Омладина Српска.</i> <i>Albin Koprukouniak</i> (Poland). Wiesław Sładkowski. Kolonizacja niemiecka w południowo-wschodniej części Królestwa Polskiego w latach 1815—1915. <i>B. S. Popkov.</i> Fr. Bronowski. Idea gminowładztwa w polskiej historiografii. <i>I. B. Perciger.</i> «Komuniści. Wspomnienia o Komunistycznej partii Polski». <i>A. S. Mylnikov.</i> J. Dolanský. Neznámý jihoslovanský pramen Rukopisů královédvorského a zelenohorského. <i>E. L'vova.</i> A book about the Bulgarian Arts. <i>I. I. Revzin.</i> Jadwiga Ziętarska. Sztuka przekładu w poglądach literackich Polskiego Oświecenia. <i>N. V. Nikonchuk.</i> J. Maciejewski. Słownik chełmińsko-dobrzyński</p>	80
--	----

Bibliography

<p>The main articles and materials on the present state, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1970 (continued). The contents of foreign periodicals.</p>	103
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<p><i>I. K.</i> The 150th Anniversary of the Birth of Friedrich Engels. <i>Y. Motornyj.</i> A Conference on Yan Amos Komensky. <i>L. K.</i> A scientific conference of the historians of literature in Slovakia. <i>G. V.</i> Defence of a doctoral thesis on the history of the Bulgarian Language. <i>B. M. Rukol'.</i> A dissertation thesis. The thematic program of the VIIth International Slavists' Congress</p>	119
<p><i>V. D. Korol'uk.</i> <u>Tadeusz Mantteufel</u></p>	126

Технический редактор *Н. А. Колгурина*

Сдано в набор 11/ХІІ-1970 г.	Т-04014	Подписано к печати 16/ІІ-1971 г.	Тираж 1200 экз.
Зак. 1559	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Усл. печ. л. 11,2	Бум. л. 4
			Уч.-изд. л. 12,9

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

БОЛЬШАЯ ОРЕЛНИКА

34/38 КВ 40

РОЛСТОМУ

70591

1-12

Индекс 70891

НАУЧНЫЕ РАБОТНИКИ!

Заказывайте литературу по тематическим планам на 1971 год

В магазинах и киосках «Академкниги», а также магазинах книготоргов имеются аннотированные тематические планы выпуска литературы издательства «Наука» на 1-е полугодие 1971 года и его главных редакций: физико-математической литературы и восточной литературы на 1971 год.

Предварительные заказы на книги, опубликованные в темпланах, Вы можете оформить во всех магазинах книготоргов и «Академкниги». Для этого следует заполнить почтовую открытку на нужную Вам книгу. О выходе книги из печати Вы получите от магазина извещение.

Своевременное поступление предварительных заказов в магазин необходимо для более правильного определения тиражей, которые устанавливаются на основе спроса покупателей.

Предварительные заказы экономят время и гарантируют приобретение необходимой литературы.

Заказ можно сделать лично или по почте.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: Москва, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

При заказе по почте нужная Вам книга будет выслана наложенным платежом без задатка.